РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2018 – 1

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год

МОСКВА 2018

ББК 60.5
С 69

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел социологии и социальной психологии

Редакционная коллегия серии «Социология»:

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред., *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук, *Л.Н. Верчёнов* – канд. филос. наук, *Л.Д. Гудков* – д-р филос. наук, *М.В. Ильин* – д-р полит. наук, *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук, *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук, *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук, *А.Ф. Филиппов* – д-р социол. наук, *Е.В. Якимова* – канд. филос. наук, *Я.В. Евсеева* – отв. секретарь, науч. сотр. отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН

С 69 **Социальные и гуманитарные науки.** Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2018. – № 1. – 154 с.

Данный номер журнала включает тематическую подборку обзоров по актуальным исследованиям в российской социологии, а также рефераты по социологии организаций, социологии культуры, социологическим исследованиям альтруизма, экосоциологии, обзоры по итогам социологических научных мероприятий и раздел «Социологическая классика».

ББК 60.5

ISSN 2219-8830

© ИНИОН РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Е.В. Якимова. Российская социология: Новые идеи, особые мнения и актуальные эмпирические исследования (По материалам отечественной периодики 2013–2017 гг.): Введение к тематическому разделу 5
2018.01.001. Ядова М.А. О новых идеях в современной социологии (По материалам журнала «Социологические исследования»). (Обзор) 13
2018.01.002. Понамарева А.М. Формирование национального самосознания граждан постсоветской России в контексте трансформации политики памяти. (Обзор) 21
2018.01.003. Долгов А.Ю. Труд и трудовые отношения в современной России: Культурные особенности, гендерные и социально-экономические аспекты. (Обзор) 31
2018.01.004. Якимова Е.В. Городское пространство как субъект социальных практик и объект личностного восприятия. (Обзор) 43
2018.01.005. Якимова Е.В. Социологические аспекты здорового образа жизни: Современные российские реалии. (Обзор) 52

СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

2018.01.006. Кревани Л., Халлин А. Перформативный нарциссизм: Когда организации становятся успешными, вызывающими восхищение и уникальными благодаря нарциссической работе 65
2018.01.007. Освоение космоса открывает новую область командных исследований / Месмер-Магнус Дж.Р., Картер Д.Р., Асенсио Р., де Чёрч Л.А. 73

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

2018.01.008. Ги Ж.-М. Представления о культуре среди французского населения 80
2018.01.009. Донна О. Культурное неравенство: Что об этом думают французы 84
2018.01.010. Шахтнер К. Транскультурность в Интернете: Культурные потоки и виртуальные сообщества 88

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛЬТРУИЗМА

2018.01.011. Келемен М., Мэнган А., Моффат С. Больше, чем просто «маленький добрый поступок»? К типологии волонтерства как неоплачиваемой работы 95
2018.01.012. Холл Т., Смит Р.Дж. Забота, ремонт и политика городской доброты 98

ЭКОСОЦИОЛОГИЯ

2018.01.013. Штер Н. Исключительные обстоятельства: Изменение климата важнее демократии? 101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

2018.01.014. Евсеева Я.В. «К какому будущему мы стремимся?»: Обзор пленарных заседаний Третьего социологического форума Международной социологической ассоциации, Вена, 10–14 июля 2016 гг. 106
2018.01.015. Понамарева А.М., Ефременко Д.В. Коммеморация революционных событий 1917 г. в России: Основные акторы и их стратегии (по итогам заседания Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН 12 октября 2017 г.). (Обзор) 120

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

2018.01.016. Кули Ч.Х. Социальная организация (Избранные главы) 128
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 1, 2018) 152

ТЕМА НОМЕРА: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Е.В. ЯКИМОВА.

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: НОВЫЕ ИДЕИ, ОСОБЫЕ МНЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКИ 2013–2017 гг.):

Введение к тематическому разделу

Ключевые слова:российская социология; социологические журналы; эмпирические исследования; новые подходы в социологии.

Раздел, посвященный актуальным исследованиям в отечественной социологии, представляет собой обзор постоянных рубрик и отдельных публикаций ведущих отечественных журналов, сфокусированных на мониторинге, анализе, обсуждении и прогнозировании социальных процессов, характерных для современного российского общества. Замысел данной тематической подборки состоял в том, чтобы познакомить широкую аудиторию с наиболее значительными (по мнению редколлегии РЖ «Социология») исследованиями последних лет (2013–2017), прежде всего социологического содержания, а также с журнальными публикациями междисциплинарной направленности, которые так или иначе интегрированы в поле социологического знания. При выборе статей и специализированных рубрик предпочтение отдавалось материалам, представляющим интерес либо с точки зрения выдвигаемых теоретических гипотез и оригинальных методологических подходов (обзор М.А. Ядовой), либо как опыт эмпирического анализа социальных феноменов, приобретающих особую актуальность именно в кон-

тексте российских реалий наших дней (обзор А.Ю. Долгова), либо как конституирование новых для отечественного обществознания объектов изучения (обзоры Е.В. Якимовой), либо в качестве дискуссионных моделей трансформации общественной и политической жизни (обзор А.М. Понамаревой).

Публикации, которые вошли в настоящий раздел, представлены в форме обзоров, отличающихся по уровню аналитичности, степени информативности и диапазону рассматриваемых эмпирических данных. Тем не менее кажущаяся мозаичность коллективного очерка современной российской социологической мысли и практики имеет общий методологический фундамент – критерии отбора материалов из обширного массива специализированной отечественной периодики. Это – нетривиальность заявленных исследовательских позиций авторов публикаций, убедительность их выводов, перспективность предложенных способов осмысления социологической проблематики и социальная значимость избранного предмета изучения для российского общества начала XXI в. С учетом сказанного данную тематическую подборку можно рассматривать как опыт фрагментарной информационно-аналитической презентации современной российской социологии, который может иметь продолжение на страницах нашего реферативного журнала с той или иной долей периодичности.

Тематический раздел открывает подборка статей из ведущего российского социологического журнала «Социологические исследования» (сокр. *СоцИс*, научный и общественно-политический журнал РАН, Москва, издательство «Наука», основан в 1974 г., входит в список ВАК, занимает первое место в РИНЦ по импакт-фактору среди журналов социологического профиля, входит в систему цитирования SCOPUS и Web of Science)[1]. *СоцИс* публикует статьи по всему спектру социологической науки и включает такие постоянные рубрики, как этносоциология, демография и миграция, социология культуры, семьи, образования, молодежи, науки, религии, управления, права. В ряду новых тематических рубрик журнала (историческая социология, социология международных отноше-

[1] Здесь и далее характеристики профессионального профиля журналов отражают публикационную политику или исследовательскую программу, которые сформулированы редакционными коллегиями либо редакционными советами соответствующих периодических изданий.

ний, профессий, медицины и здоровья) особое место занимают подборки статей, демонстрирующих инновационный потенциал социологии как науки и поиск ею новых вариантов осмысления социальных феноменов современности. Это – рубрики «Новые идеи в общественном сознании и социальной практике» и «Особое мнение», содержание которых служит стимулом к научным дискуссиям и обсуждению тенденций развития социологического знания. К разряду таких дискуссионных материалов относятся представленные в обзоре М.А. Ядовой статьи В.А. Бажанова (Ульяновский государственный университет), В.И. Дудиной (Санкт-Петербургский государственный университет), А.И. Кравченко (МГУ им. М.В. Ломоносова) и В.А. Бачинина (независимый исследователь, Санкт-Петербург). Первая из перечисленных публикаций знакомит с новым направлением социологического анализа, получившим название нейросоциологии. Нейросоциология и содержательно близкая ей социальная (когнитивная) нейронаука рассматривают биологическое и социальное не в качестве антиподов, а как разные полюсы реальности; фокусом исследования здесь выступают формы активности сознания на индивидуальном и коллективном уровнях с учетом влияния на них нейробиологических структур; принципиальным положением служит постулат о существовании «социального мозга» как продукта биологической эволюции и социальных интеракций. В.И. Дудина прослеживает процесс изменения социологических методов и подходов под влиянием информационных технологий (отказ от опросных методов как базовых, визуализация данных, новые представления о выборке и репрезентативности, демократизация производства знания). А.И. Кравченко анализирует роль метафор в формировании теоретического языка социологии, признавая существование у этой дисциплины творческой составляющей, что сближает социологию и искусство. В.А. Бачинин сопоставляет плюсы и минусы наблюдающегося сегодня «теологического поворота» социогуманитарной мысли.

В обзоре А.М. Понамаревой представлены публикации в жанре политической социологии, которые затрагивают темы политики памяти и формирования национального самосознания граждан постсоветской России. Здесь нашли отражение статья из журнала «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии» (Москва) и публикация в «Журнале социологии и социальной ан-

тропологии» (Санкт-Петербург). Первое издание выпускает Левада-Центр; в 1993–2003 гг. «Вестник» выходил под названием «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные переменные»; его основное направление – анализ современного российского общества, его институтов и подсистем, а также истории, культуры, религии и пр.; информационную базу публикаций составляют результаты мониторинга социально-экономических перемен, который регулярно проводит Левада-Центр). «Журнал социологии и социальной антропологии» (сокр. ЖССА, СПбГУ, Социологический институт РАН) был создан в 1998 г. с целью расширения коммуникационного поля российских социологов, социальных философов, политологов, культурологов и антропологов. Темой статьи Э.А. Паина (Институт социологии РАН, Москва), опубликованной в «Вестнике», является концепция исторического фатализма в эпоху безвременья и выявление гносеологического потенциала данной концепции применительно к задаче формирования солидарной нации, которая обладает позитивным ви́дением себя в будущем. Этнополитолог и член редакционного совета ЖССА В.А. Ачкасов (Санкт-Петербургский государственный университет) констатирует отсутствие в современной России положительной программы формирования национальной идентичности. Он полагает, что историческая политика государственной власти в нашей стране носит защитный и реактивный характер; более того, властные элиты обнаруживают неготовность к критической переработке прошлого с позиции признания общей ответственности за трагические эпизоды истории. По мнению В.А. Ачкасова, спустя два десятилетия после распада СССР России так и не удалось сформировать концепцию отечественной истории, которая отвечала бы задаче конструирования ее новой коллективной идентичности. Теоретические и практические аспекты реализации политики памяти, отвечающей целям формирования в России сплоченной нации, получили конкретизацию в монографии В.В. Титова (Институт истории и политики МГПУ, Москва). Монография обобщает содержание более ранних публикаций автора в отечественной периодике (журналы «Политические исследования» («Полис»); «ЛОКУС: Люди, общество, культура, смыслы»; «Социально-гуманитарное знание», 2011–2015 гг.). В.В. Титов вводит в научный оборот понятие «национально-государственная идентичность» –

как обозначение политического явления, которое представляет собой синтез когнитивного, темпорального, эмоционального и символического полей. Недостатком текущей отечественной политики памяти он считает когнитивную слабость и фрагментарность образа прошлого в матрице российской идентичности.

Труд и трудовые отношения в современном российском контексте, включая их гендерные, культурные и социально-экономические аспекты, служат предметом обсуждения в ряде публикаций журнала «Мир России» (обзор А.Ю. Долгова). «Мир России» – российский независимый научный журнал, основанный в 1992 г.; с 1998 г. издается Национально-исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (Москва); входит в системы SCOPUS и Web of Science. Задача журнала, по словам его издателей, – возрождение интеллектуального и нравственного потенциала России и российского национального сознания, чему призван способствовать анализ социальных процессов современного российского общества и освещение роли в этих процессах социокультурных и этнических традиций. Приоритетными являются публикации социологического содержания, посвященные социальной структуре российского общества, его институтам, социальной политике, демографии и этнографии. В обзор А.Ю. Долгова вошли материалы из рубрики «Социальные реальности и социальные перспективы». Н.В. Латова (Институт социологии РАН, Москва) выявляет особенности производственной культуры отдельных профессиональных групп российских работников, акцентируя организационную специфику категории «рабочие». Используя этнометрическую методику Э. Хофстеде (Нидерланды), автор констатирует относительную гомогенность культурно-организационных показателей, которые типичны для современных российских рабочих (на фоне внутренней диверсификации прочих профессиональных групп) и делает вывод о целесообразности возрождения в нашей стране такой формы организации труда, как рабочая артель. Коллеги Н.В. Латовой А.В. Ваньке и И.Н. Тартаковская прослеживают содержательную трансформацию маскулинности рабочих в последние годы существования СССР, в годы реформ и в период с 2000 по 2010 г. Анализ эмпирических данных позволил авторам сделать вывод о непоследовательности государственной гендерной политики, которая пришла на смену культивированию героической маскулинности советского

образца. Темой статьи А.Л. Темницкого (Московский государственный университет (институт) международных отношений МИД РФ) выступают представления о справедливой оплате труда в России (на примере медицинских работников). Исследователь обращает внимание на тот факт, что в нашем обществе до сих пор сохраняется неопределенность социального статуса медицинского работника, который больше не является государственным служащим, обязанным заботиться о здоровье граждан, но все еще не может претендовать на роль наемного работника в рамках новой рыночной экономики. Эта статусная неопределенность порождает противостояние (или сосуществование) двух доминирующих моделей оценки справедливой оплаты труда среди самих медицинских работников – патерналистской и либеральной. Данное противоречие, получившее эмпирическое подтверждение в авторском исследовательском проекте, сдерживает реформирование сферы здравоохранения в России, резюмирует свои наблюдения А.Л. Темницкий.

Журнал социально-гуманитарных исследований «Лабиринт» (г. Иваново, частный издатель Н.А. Докучаева, издается с 2012 г., входит в систему РИНЦ и базу данных Ulrich's Periodicals Directory) позиционирует себя как площадку для междисциплинарного диалога, обмена информацией и публикации результатов отечественных и зарубежных исследований в области философии, истории, археологии и культурологии. В фокусе публикационной политики данного периодического издания – городская и региональная проблематика, а также советские и постсоветские социально-культурные реалии. Неудивительно, что заявленные публикационные приоритеты делают «Лабиринт» привлекательной трибуной для специалистов-социологов, включая исследователей из Москвы и Санкт-Петербурга. Как правило, номера данного журнала имеют сквозную тему, предназначенную для мультидисциплинарного обсуждения и даже литературного освещения в виде эссе и мемуаров. Обзор Е.В. Якимовой знакомит с некоторыми материалами тематического номера журнала «Лабиринт», посвященного микроурбанизму. Основу публикаций составили материалы конференции «Мозаика городских пространств», которая состоялась на географическом факультете МГУ в ноябре 2015 г. В обсуждении измерений современного городского пространства участвовали географы, историки, экологи, социологи, философы, антропологи; предметом

дискуссий, продолжившихся на страницах «Лабиринта», стал феномен городской среды как субъект социальных практик и объект личностных репрезентаций. Так, статья социолога А.А. Петренко-Лысак (Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко) посвящена мобильному урбанизму, или практикам освоения городской среды с помощью новейших гаджетов. Доктор социологических наук А.Г. Филипова (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток) анализирует факторы, которые способствуют / препятствуют формированию в городах Дальнего Востока «среды, доброжелательной к детям». В статьях московских культурологов Д.А. Радченко (Центр городской антропологии, КБ «Стрелка») и А.В. Павлова (Высшая школа европейских культур, РГГУ) обсуждаются элементы столичной городской среды и повседневных городских практик в их виртуальном преломлении в социальных сетях – в виде визуальных либо дискурсивных объектов.

Настоящий тематический раздел завершает подборка публикаций, которая дает представление о специфике осмысления отечественными социологами феномена здорового образа жизни в контексте современной российской действительности (обзор Е.В. Якимовой). Помимо охарактеризованного выше «Журнала социологии и социальной антропологии» в заключительном обзоре представлены релевантные материалы из рубрики «Политика тела» «Журнала исследований социальной политики». Это периодическое издание (сокр. ЖИСП, Москва, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», входит в систему SCOPUS, издается с 2003 г.) публикует статьи по теории, истории и методологии социальной политики, а также результаты эмпирических исследований и экспериментов в данной области (в России и за рубежом). Цель издания – развитие социальной политики в качестве академической дисциплины и расширение сферы междисциплинарного знания в нашей стране. Предпочтение отдается материалам, в которых осуществляется интеграция концептуальных или теоретических идей и эмпирических данных. Как свидетельствуют избранные публикации в обоих периодических изданиях, отечественные социологи единодушны в том, что в российском обществе, применительно ко всем возрастным когортам, наблюдается очевидное расхождение между пропагандистскими усилиями по внедрению принципов здорового образа жизни в повседневную жизнь, информированно-

стью людей о поведенческих стратегиях, вредных для их здоровья, и реальными практиками рациональной организации труда и досуга. В частности, петербургские социологи И.С. Паутов (Социологический институт РАН) и Н.И. Паутова (Санкт-Петербургский институт культуры) констатируют неэффективность стратегий и инструментов государственной политики в сфере здравоохранения и пропаганды хелсизма в СМИ как способов популяризации культуры заботы о здоровье у населения России. К такому же выводу (в отношении молодежного сегмента российского общества) приходят социологи из Екатеринбурга (Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина) Н.Л. Антонова и А.В. Меренков, которые прослеживают формирование культуры здоровьесбережения у студентов младших курсов. Как показали опросы, у студентов отсутствуют систематические знания и навыки, которые составляют базис такой культуры и способствуют восстановлению ресурсов организма во время учебного процесса. Молодежным практикам обращения со своим телом посвящена статья сотрудников Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) Я.Н. Крупец и Н.А. Нартовой. Авторы вводят в научный оборот понятие «весорефлексивная культура» как контекст для выработки критериев оценки своего телесного образа в рамках молодежных субкультур и способов культивирования заданного физического канона. По их наблюдениям, в среде образованной городской молодежи доминирует логика «худой – значит нормальный», однако эта логическая цепочка не получает продолжения в виде регулярной практики поддержания здорового образа жизни. Социологи из северной столицы Е.Ю. Ганскау (независимый исследователь) и В.И. Минина (Санкт-Петербургский государственный университет) публикуют результаты осуществленного ими эмпирического проекта по изучению представлений горожан о правильном питании как элементе здорового образа жизни. Опираясь на западные модели концептуального осмысления феномена «правильной еды», авторы демонстрируют превалирование у респондентов национальных отечественных представлений об ингредиентах и способах приготовления «полезной еды» на фоне повсеместных отклонений от желаемого режима питания и наметившейся трансформации традиционных канонов питания под влиянием ритма жизни в мегаполисе.

В заключение хотелось бы отметить, что выборочный обзор тематических публикаций в текущей отечественной специализированной периодике призван способствовать информированности и позитивному профессиональному диалогу исследователей, которые работают в разных областях социального знания.

2018.01.001. ЯДОВА М.А. О НОВЫХ ИДЕЯХ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»). (Обзор).

Ключевые слова: социология; нейросоциология; информационные технологии; социологические методы; социологические метафоры; социальная теология; теологический поворот в социальных науках.

Вниманию читателей предлагается обзор некоторых актуальных материалов, опубликованных в рубриках «Новые идеи в общественном сознании и социальной практике» и «Особое мнение» ведущего российского социологического журнала «Социологические исследования». В фокусе – нетривиальные мнения, оценки отечественных обществоведов и подходы, разработанные ими за последние годы.

Статья заведующего кафедрой философии Ульяновского государственного университета В.А. Бажанова посвящена новому в современной социологии направлению – нейросоциологии [Бажанов, 2017]. Автор убедительно показывает, что при анализе механизмов развития различных социумов необходимо учитывать влияние и / или корреляцию с некоторыми особенностями нейроструктур, которые видоизменяются в зависимости от социально-культурных характеристик конкретных обществ. Если XX век может быть назван атомным веком, рубеж XX и XXI вв. считается торжеством информационных технологий, то XXI век, по мнению Бажанова, имеет все шансы стать столетием нейронауки. Предпосылки к этому были положены еще в конце XX в., когда правительство США объявило 1990-е годы временем изучения мозга. Чуть позже Европейский союз и США запустили широкомасштабные программы исследования мозга. В ЕС такого рода программа дей-

ствует примерно с 2007 г.[1]; в 2013 г. президент США сообщил об аналогичной государственной программе[2].

В.А. Бажанов подчеркивает, что «биологическое» и «социальное» – по своей сути не антиподы, а некие полюса реальности, до недавнего момента изучавшиеся в отрыве друг от друга. Ему представляется весьма эффективным исследование различных форм активности сознания на индивидуальном и коллективном уровнях с учетом влияния на них нейробиологических структур. Именно такого рода установки фактически лежат в основаниях нейросоциологии и содержательно близкой ей социальной (когнитивной) нейронауки[3].

В качестве примера взаимообогащающего научного взаимодействия социологии и нейронауки автор статьи приводит результаты ряда нейросоциологических исследований. В частности, было обнаружено, что у членов так называемых коллективистских – обычно восточных – обществ и культур наблюдается б*о*льшее содержание серотонина – вещества, отвечающего за хорошее настроение и поддержание социальной иерархии. Представители западных культур, считающихся индивидуалистскими, генетически более предрасположены к проявлениям тревожности, депрессивных состояний и пр.[4] Для коллективистских сообществ характерен холистический принцип познания, согласно которому контекст всегда важнее отдельных частей. Членам индивидуалистских обществ свойственно социальное познание аналитического типа: в

---

[1] Human brain project / The European Commission. – Mode of access: https://www. humanbrainproject.eu/en/ [Accessed 20.09.2017.]

[2] Brain initiative: Fact sheet / The White House; Office of the Press Secretary. – 02.04.2013. – Mode of access: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/04/02/fact-sheet-brain-initiative [Accessed 20.09.2017]; Sorensen G. The White House brain initiative hits a tax hurdle // The Wall Street j. – N.Y., 2013. – Apr 15. – Mode of access: http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324100904578404580119306900 [Accessed 20.09.2017.]

[3] Franks D.D. Neurosociology: The nexus between neuroscience and social psychology. – N.Y: Springer, 2010; Handbook of neurosociology / Ed. by D.D. Franks, J.H. Turner. – N.Y: Springer, 2013.

[4] Theory and methods in cultural neuroscience / Chiao J.Y., Hariri A.R., Harada T., Mano Y., Sadato N., Parrish T.B., Iidaka T. // Social cognitive a. affective neuroscience. – Oxford, 2010. – Vol. 5, N 2–3. – P. 359.

первую очередь внимание обращается на конкретные вещи, контекст же явления не столь важен[1] [Бажанов, 2017, с. 28–29].

Также было обнаружено, что мера социально-политической активности коррелирует с активностью некоторых генов (в первую очередь с генами MAOA и 5 HHT), которые связаны с регуляцией чувства страха и преодолением состояний стресса. Обладатели определенных генов, заглушающих чувство страха, более открыты новому и способны на нетривиальные решения. Бóльший удельный вес серого вещества в правой миндалине, как правило, характеризует человека с консервативными взглядами, а в передней части поясной извилины мозга – с либеральными[2] [Бажанов, 2017, с. 31].

Особенности социальной организации определяются и размером мозга. Антрополог Р. Данбар заметил, что феномены моногамных парных брачных и дружеских союзов наблюдаются только у живых существ с увеличенным объемом мозга и особенно неокортекса[3]. Он нашел, что размер неокортекса линейно коррелирует с количеством поддерживаемых постоянных социальных связей. Предельное количество постоянных социальных связей, которое способен поддерживать человек, составляет в среднем 150; это число принято называть «числом Данбара». Разумеется, поддержание таких отношений требует значительных интеллектуальных способностей, знаний об индивидуальных чертах характера, особенностях социального положения тех, с кем общаешься. Все это позволяет с уверенностью говорить о «социальном мозге», который получил свое развитие в процессе эволюции и социальных взаимодействий человека [Бажанов, 2017, с. 31–32]. Подводя итог, В.А. Бажанов отмечает, что развитие человеческого мозга неразрывно свя-

---

[1] Sfera A., Osorio C. Thinking pattern East and West // SOJ psychology. – Normal (IL), 2014. – Vol. 1, N 4. – P. 1–2.

[2] Political orientations are correlated with brain structure in young adults / Kanai R., Feilden T., Firth C., Rees G. // Current biology. – N.Y., 2011. – Vol. 21, N 8. – P. 678.

[3] Новая кора (неокортекс; лат. neocortex) – новая область коры головного мозга, которая составляет основную его часть и наиболее развита только у человека. Неокортекс отвечает за координацию работы мозга и формирование сложных форм поведения.

Подробнее см.: Dunbar R.I. Darwin and the ghost of Phineas Gage: Neuroevolution and the social brain // Cortex. – San Diego (CA), 2009. – Vol. 45, N 10. – P. 1119–1125.

зано с теми условиями культуры и социума, в которых мы существуем.

В статье доцента факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета В.И. Дудиной анализируются изменения, которым подвергаются социологические подходы, данные и методы под влиянием развития информационных технологий [Дудина, 2015].

Прекращение доминирования опросных методов. Прежде всего автор замечает, что в условиях цифровой социологии среди методов сбора социологических данных перестают доминировать опросные методы. Образ социолога как «человека с анкетой» обычно уместен в условиях искусственной экспериментальной ситуации. Необходимость создания такой ситуации отпадает, когда появляется возможность собирать, обрабатывать и анализировать изначально цифровые данные (например, информацию о пользователях социальных сетей) [Дудина, 2015, с. 18].

Появление новых методов анализа информации. В случае неограниченности данных возникает необходимость их «сворачивания» до более удобного формата. Поэтому важным методом анализа становится визуализация данных, с помощью которой избыточная информация структурируется в более компактную и доступную для последующего анализа форму. По словам Дудиной, примерами визуальных моделей в социальных науках могут служить геодемографические профили в маркетинге[1], приемы визуализации социальных сетей[2] и т.п. [Дудина, 2015, с. 19].

Изменение характера социологических интерпретаций. Новые информационные технологии позволяют отслеживать всевозможные потоки действий и коммуникаций. При этом не всегда имеются данные о социально-демографических характеристиках пользователей и их мотивах, знание о которых традиционно считается условием предсказания поведения и построения «объяснительных» моделей. По мнению автора статьи, в сложившихся условиях эта информация теряет свою актуальность: исследователям

---

[1] Геодемографические исследования изучают взаимосвязи между географическим местоположением и демографическими характеристиками.

[2] Визуализация социальной сети – метод представления структуры социальной сети в виде удобного для понимания оптического изображения (например, в виде рисунков и фотографий, графиков, диаграмм, схем и т.д.).

стоит сместить фокус внимания с изучения социодемографических характеристик и интерпретаций, связанных с теми или иными действиями, на изучение самих действий и их последовательностей [Дудина, 2015, с. 19–20].

Переосмысление представлений о выборке и репрезентативности. В.И. Дудина предполагает, что в эпоху *big data* исследователю могут быть доступны данные обо всей генеральной совокупности. Отметим, впрочем, достаточную радикальность подобного утверждения: информация обо всей генеральной совокупности доступна отнюдь не повсеместно, а лишь в ограниченном ряде случаев (например, при анализе мнений пользователей группы социальной сети). В то же время трансформации, происходящие в социологии, действительно способствуют переосмыслению того, что такое выборка и как она должна строиться [Дудина, 2015, с. 20].

Демократизация производства знания и начало периода «нового тоталитаризма». Цифровая эпоха позволяет людям использовать множество разнообразных цифровых приложений для фиксации своей повседневной деятельности в блогах и аккаунтах, что дает обществоведам огромные возможности для массового наблюдения. В то же время все чаще звучат опасения по поводу таких побочных эффектов развития новых технологий, как вмешательство в частную жизнь пользователей соцсетей, утечка персональной информации и пр. Приходит понимание, что пользование бесплатными приложениями на самом деле предоставляется в обмен на личные данные и возможность для специалистов отслеживать поведение участников [Дудина, 2015, с. 20–21].

В следующих анализируемых работах ставятся вопросы о том, что такое социология и насколько она близка к другим сферам человеческой деятельности. Что, допустим, роднит ее с искусством? Готова ли она к изучению не только видимой, социальной, но и трансцендентной реальности?

Статья ведущего научного сотрудника социологического факультета МГУ профессора А.И. Кравченко посвящена роли метафор в формировании теоретического языка социологии, построении методического инструментария и интерпретации полученных данных [Кравченко, 2016]. Концептуальные метафоры, пишет А.И. Кравченко, лежат в основании категориального аппарата любой научной дисциплины, и каждая из них проходит долгий путь

адаптации. Возникнув 20, 50 или 100 лет назад в качестве яркого образа, метафора постепенно «стареет», принимая форму научного термина.

Автор показывает, что уникальные метафоры составляют основу наиболее влиятельных социологических парадигм – марксизма, структурного функционализма, символического интеракционизма. К. Маркс, например, использовал заимствования из архитектурной терминологии, создавая модель общества как единого здания, состоящего из базиса и надстройки. Г. Спенсер перенес на социологическую почву биологические метафоры. Социальные институты он уподоблял органам человека, правительство сравнивал с человеческим мозгом, а дороги и магистрали – с венозной системой. Т. Парсонс мельчайшие элементы своей системы социального действия называл единичными актами, в чем прослеживаются явные механистические ассоциации [Кравченко, 2016, с. 128].

А.И. Кравченко приводит яркие примеры метафоризации отечественной социологии. Так, он ссылается на книгу чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества», в которой вводятся в научный оборот новые категории-метафоры, придающие привычным образам оригинальный социальный смысл[1]. Галерея фантомных типажей, выделенных Ж.Т. Тощенко, представлена бесами, мутантами, позерами, политическими клоунами, шутами, нарциссами, геростратами, эпигонами и пр.

По мнению А.И. Кравченко, использование метафор сближает социологию с искусством. В связи с этим он задается рядом вопросов. Если социология – наука, то почему в ней гармонично уживаются, казалось бы, малосовместимые количественная и качественная методологии? «Если она наука, то почему не происходит аккумуляции научного знания и последовательной смены парадигм, как в физике» [Кравченко, 2016, с. 132]? Почему в ней одновременно сосуществуют несколько перспектив, подходов, общих теорий, не имеющих между собой ничего общего? Не напоминает ли эту ситуацию, сложившуюся в мировой живописи или музыке?

Однако, признавая за социологической наукой творческую составляющую, отметим в качестве ответа на вопросы, предложен-

[1] Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

ные А.И. Кравченко, принципиальное отличие социогуманитарных дисциплин от «жестких» естественно-научных и технических. Первые, как известно, изучают не просто объект, но объект-субъект, способный к собственным реакциям на действия исследователя, что не может не отразиться на результатах исследований. Поэтому достаточно бессмысленно ждать от социологии создания на данном историческом этапе «единственно правильной» теоретической парадигмы и «картины миры».

Доктор социологических наук, профессор В.А. Бачинин обращает внимание читателя на возникшую в последние годы тенденцию к теологизации социогуманитарного сознания [Бачинин, 2015]. Впрочем, по его мнению, «теологический поворот» проявляется большей частью внешним, а не содержательным, образом: проводятся конференции и семинары на религиоведческие темы, издаются работы религиозных мыслителей прошлого и современных западных богословов.

По убеждению автора статьи, социология перехватила у социальной теологии инициативу в исследованиях отношений между человеком и обществом, элиминировав при этом из зоны своего интереса трансцендентную реальность. В результате в представлениях социологов социум превратился из медиатора между Богом и человеком в некую первичную данность. Последнее, уверен В.А. Бачинин, существенно обеднило интеллектуальный ландшафт социологии. Вместе с тем, по мнению исследователя, сближение социологии и социальной теологии вполне вероятно, поскольку существуют объективные предпосылки для подобного процесса.

Среди внешних факторов, содействующих сближению социологии с социальной теологией, он выделяет следующие [Бачинин, 2015, с. 143–145].

1. Общее количество христиан в мире и в России (треть населения Земли являются христианами) не позволяет социологам игнорировать их познавательные запросы.

2. Энергичное продвижение исламской цивилизации в сторону западных политических, социальных, культурных территорий и аналогичные процессы в России интенсифицируют практику диалога с мусульманским миром. В подобных условиях социологам сложно придерживаться только секулярной мировоззренческой позиции.

3. Вступление цивилизации и культуры в постсекулярную фазу развития ослабило процесс жесткой секуляризации, и атеизм уже не празднует полную победу.

4. Теологический поворот социогуманитарной мысли вызвал интерес к теме сакрального. К настоящему времени сакральное выделилось в отдельную проблемную область для многих теоретиков социологии[1]. Надо ли говорить, что в данном случае сакральное рассматривается как своеобразный мостик между профанной и трансцендентной реальностью?

Помимо этого, В.А. Бачинин отмечает внутренние факторы, подталкивающие социологию к сближению с социальной теологией, среди которых ключевыми он считает истощение мировоззренческих и методологических ресурсов, периодические «интеллектуальные коллапсы», характерные для современной социологии.

Автор также фиксирует ряд факторов, препятствующих такому сближению [Бачинин, 2015, с. 145–148].

1. *Родовая травма социологического сознания.* Социологическая наука как дитя раннего модернизма, секуляризма и позитивизма мало восприимчива к восприятию феноменов трансцендентной реальности.

2. *Мировоззренческий барьер и наличие атеистических предубеждений* у большинства социологов.

3. *Языковой барьер.* Социологам, готовым к теологическому повороту, непросто адаптироваться внутри непривычной языковой среды и осваивать категориальный аппарат социальной теологии.

4. Наконец, с сожалением констатирует автор статьи, *пребывать внутри привычной секулярной парадигмы многим исследователям просто удобно*.

В то же время В.А. Бачинин уверен, что, несмотря на разность интеллектуальных традиций социальных наук и теологии,

---

[1] См., например: Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: Архив и свидетель. – М.: Европа, 2011; Батай Ж., Кайуа Р. Сакральная социология современного мира // Коллеж социологии / Сост. Д. Олье; пер. с франц. под ред. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2004. – С. 163–167; Куракин Д. Ускользающее сакральное: Проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социологическое обозрение. – М., 2011. – Т. 10, № 3. – С. 41–70; Мосс М. Социальные функции священного: Избр. произведения / Пер. с франц. под общ. ред. И.В. Утехина. – СПб.: Евразия, 2000.

научное взаимодействие социологов и социальных теологов вполне вероятно и продуктивно; при взаимном творческом настрое их общая цель – приращение нового знания – будет достигнута.

Как видим, современная социология по-прежнему остается одной из наиболее динамично развивающихся отраслей социального знания, чему способствует появление ряда оригинальных идей и исследовательских подходов в последнее время.

Список литературы

1. Бажанов В.А. Идея нейросоциологии в современной социальной мысли // Социологические исследования. – М., 2017. – № 4. – С. 27–33.
2. Бачинин В.А. Что может ждать социологию за теологическим поворотом? // Социологические исследования. – М., 2015. – № 3. – С. 140–149.
3. Дудина В.И. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // Социологические исследования. – М., 2015. – № 6. – С. 13–22.
4. Кравченко А.И. Метафоры в социологии: Новые перспективы или путь в никуда? // Социологические исследования. – М., 2016. – № 7. – С. 124–133.

2018.01.002. ПОНАМАРЕВА А.М. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ. (Обзор).

Ключевые слова: политика памяти; национальное самосознание; национально-государственная идентичность; традиции; Э. Хобсбаум; культурный детерминизм; инструментализм.

Обновление исторического сознания общества – процесс сложный и многофакторный. На начальном этапе переосмысление истории может сопровождаться развитием синдрома «вакуумного мышления», когда в обществе торжествует эгоизм сиюминутности на фоне внезапно возникшего ощущения тотальной неукорененности. Между тем разделяемые представления о прошлом являются одной из базовых опор идентичности любых национальных групп, что обусловливает исключительную значимость проблематики политики памяти. Отталкиваясь от этого тезиса, в рамках настоящего обзора мы представляем работы отечественных исследователей разных лет, в которых политика памяти рассматривается не обо-

собленно, а во взаимосвязи с процессами становления и трансформации национального самосознания россиян.

В 2013 г. вышла в свет статья доктора политических наук, руководителя Центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма Института социологии РАН (Москва) профессора Э.А. Паина, посвященная историческому фатализму в эпоху безвременья [Паин, 2013]. Несмотря на то что со времени этой публикации прошло более трех лет, зафиксированная автором зараженность российского общества «болезнью дежавю», выражающаяся в объяснении современных проблем отечества преимущественно сквозь призму теории *path dependence,* не утратила своей актуальности по сей день. Следовательно, сохраняет актуальность вопрос о гносеологическом потенциале концепции исторического фатализма применительно к решению задачи формирования солидарной нации, обладающей отчетливо позитивным видением себя в будущем и готовой к адекватному ответу на возможные вызовы этого будущего.

Как ни парадоксально, но идею культурной предопределенности российского пути отстаивают две группы с принципиально противоположными идеологическими установками, в терминологии Э.И. Паина «охранители» и «отчаявшиеся» [Паин, 2013, с. 7]. Если первые обосновывают недопустимость политической модернизации как угрожающей истинным национальным ценностям, то вторые с готовностью вырвались бы из «русской бюрократической матрицы», но полагают это априори невозможным. Содержательные аспекты противостояния «охранителей» и «отчаявшихся» оставались неизменными на протяжении последних столетий отечественной истории; тем не менее автор констатирует принципиальное отличие консерваторов «путинского призыва» от победоносцевых, катковых и сусловых – это отказ от объяснений, основанных на *универсальных* закономерностях, и акцентирование «особого пути» России. Примечательно, что, руководствуясь в корне противоположными мотивами, обе идеологические группы в конечном счете содействуют сохранению существующего политического режима.

Э.А. Паин подвергает критике концепции, выдержанные в духе культурного или экономического детерминизма, полагая их источниками политически вредной мифологемы о вечном и непрерывном беге России по замкнутому историческому кругу. Автор

утверждает, что при объяснении устойчивости элементов авторитаризма в России отечественные эксперты явно преувеличивают роль традиций. Современные сравнительные исследования демонстрируют высокий уровень атомизации российского общества и, соответственно, низкие показатели почти всех форм традиционной групповой самоидентификации. Таким образом, мы имеем дело не с непрерывной «социальной эстафетой» ценностей и норм, а с инновациями, переодетыми в традицию, т.е. с явлением, которое британский теоретик национализма Эрик Хобсбаум называл изобретенными традициями[1]. Влияние исторической культуры в России, по мнению Паина, определяется не столько традициями, сколько их отсутствием. Аналогично он указывает на вторичность фактора ресурсной экономики (в котором отдельные ученые видят источник цикличности в истории России) по отношению к факторам политическим, и прежде всего – по отношению к конструкции политической системы [Паин, 2013, с. 9–12].

Исследовательская установка Э.А. Паина близка к позиции А.С. Ахиезера, И.М. Клямкина и И.Г. Яковенко[2], в соответствии с которой характерные для России колебания между реформами и контрреформами обусловливаются не спецификой ресурсной экономики или особенностями национального менталитета, а непосредственными и целенаправленными усилиями политического истеблишмента по самосохранению. Цитируя известный афоризм лорда Актона: «Всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно»[3], Э.А. Паин критикует российские правящие силы за применяемые, по его мнению, ими методы зачистки информационного пространства ради стабилизации собственной политической монополии [Паин, 2013, с. 13]. Представляется, что в

---

[1] См.: The invention of tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983.

[2] Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: Конец или новое начало? – М.: Фонд «Либеральная миссия»: Новое издательство, 2013.

[3] В статье Э.А. Паина приводится цитата из письма английского историка и политического деятеля лорда Актона (Джон Эмерих Эдуард Дальберг, лорд Актон, 1834–1902) епископу Манделлу Крейтону от 3 апреля 1887 г.: «Power tends to corrupt, and absolute power corrupts absolutely». Данное изречение вошло в Оксфордский словарь цитат 2004 г. (The Oxford dictionary of quotations / Ed. by E. Knowles. – Oxford: Oxford univ. press, 2004).

данном разделе статьи автор несколько отступает от программной установки классической социологии – принципа «свободы от оценочных суждений»[1] – и выражает свою не столько исследовательскую, сколько политическую и гражданскую позицию. Осуждая принятый в ноябре 2012 г. Госдумой РФ закон, согласно которому Министерство юстиции получило право признавать некоммерческие организации иностранными агентами, если они используют средства из-за рубежа и занимаются «политической деятельностью», он игнорирует неуникальность подобной практики. Еще в 1938 г. в США в целях противодействия нацистской пропаганде был принят закон (*The foreign agents registration act, FARA*), который в дальнейшем успешно применялся сенатором Маккарти в ходе инициированной им «охоты на коммунистов». *FARA* обязывает лоббистские фирмы, у которых есть иностранные правительственные клиенты, регистрироваться в Минюсте США и регулярно отчитываться о своей деятельности; они также должны маркировать как политическую пропаганду публикации, связанные с этими клиентами. С нашей точки зрения, рассмотрение законодательных и управленческих инициатив Кремля без привлечения широкого внешнеполитического контекста чревато однобокостью трактовок.

Признавая свершившимся и достаточно позитивным (в плане ухода от доминирования «аморфной массы советских людей») факт разделения российского общества на идеологические группы, автор статьи констатируют «бедность» набора проявленных политических идентификаций. В статье приводятся данные, полученные командой экспертов под руководством Э.А. Паина в ходе анализа Рунета с целью составить политико-идеологический портрет современной России. Обнаружились четыре узнаваемых «лица»: либеральное, левое, националистическое и провластное. При всех различиях этих «лиц» просматривается несколько признаков, общих для всех четырех течений: превалирование негативной консолидации по принципу «мы – не они»; неудовлетворенность теку-

[1] Согласно Максу Веберу, в общественных науках основу получения знания составляет процедура отнесения к ценности, при этом утверждается необходимость сохранения свободы от оценочных суждений. Ценность, таким образом, понимается как нечто общезначимое, а оценочное суждение – как утверждающее мировоззренческий приоритет познающего субъекта.

щим положением вещей; скепсис в отношении возможности изменения ситуации к лучшему [Паин, 2013, с. 15–18].

В заключение Э.А. Паин констатирует, что сегодня на политическом поле активно играет только власть. Общество же парализовано самой ситуацией безвременья, в атмосфере которого не только «настоящее кажется безобразным, но и будущее бесперспективным» [Паин, 2013, с. 19]. Фундаментом безвременья служит политическая стабильность, пусть и застойная. Но как долго она продлится? Не разрушится ли эта шаткая конструкция, если одна из идеологических групп в ходе углубления экономического и социального кризиса проявит бóльшую активность и способность к самоорганизации? В данном контексте особенно тревожным представляется выявленный в ходе исследования факт того, что единственной платформой для потенциального объединения массовой аудитории каждой из четырех групп оказывается ксенофобия. В условиях, когда политическая ситуация в РФ становится крайне неравновесной, оценивать ее в терминах концепций «исторического бега по кругу» представляется контрпродуктивным [Паин, 2013, с. 19].

Мы в свою очередь полагаем, что с учетом возрастания риска появления на политическом поле новых *радикальных* несистемных сил (например, ультранационалистических), эксплуатирующих массовые стереотипы, власти предержащие должны осознать глубину своей личной ответственности за принимаемые решения и перестать списывать несовершенства системы регулирования социально-экономического развития на исторически заложенные структурные ограничения.

Отсутствие позитивной программы формирования национальной идентичности в РФ констатирует доктор политических наук, профессор, этнополитолог В.А. Ачкасов [Ачкасов, 2015]. Следуя логике немецкого историка религии и культуры Яна Ассмана[1], автор статьи обозначает укорененность идентичности (как этнической, так и национальной) в исторической памяти. Он подчеркивает, что «манипуляции с исторической памятью в политических целях, что представляет суть исторической политики, являют-

[1] Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

ся одновременно и манипуляциями с групповой идентичностью» [Ачкасов, 2015, с. 182]. Однако, по мнению В.А. Ачкасова, историческая политика современного российского государства носит защитный и реактивный характер, а властные элиты обнаруживают полную неготовность к критической проработке прошлого с позиции признания общей ответственности за трагические эпизоды истории. Стремление избегать определенности в оценках исторических фигур и процессов, вызывающих горячие споры в обществе, ограничивает доступный государственным структурам репертуар «политически пригодного» прошлого. Подвергая критике инструментальный подход властей к «коллективному прошлому», В.А. Ачкасов указывает, что в РФ оно выступает не *сырьем* для проведения целенаправленной и методичной исторической политики, а объектом ситуативного *использования*, служащим целям легитимации текущих решений и действий элит [Ачкасов, 2015, с. 189]. Тотальная зависимость от политической конъюнктуры сегодняшнего дня объясняет внутреннюю противоречивость и эклектичность исторической концепции современной российской власти, в которой этатизм и национализм причудливо сочетаются с элементами либерализма, а реставрационный пафос – с идеей модернизации.

Консолидация нации осуществляется преимущественно на негативной основе, за счет использования образа врага, что, в принципе, представляется характерным для всех государств постсоветского пространства. Возвращая утраченное прошлое, пишет автор, цитируя А.С. Панарина, бывшие союзные республики «ищут не социально освобождающее сродство душ и судеб разных этносов, а национально освобождающие различия между ними» [1].

В.А. Ачкасов утверждает, что спустя более чем 20 лет после распада СССР России все еще не удалось сформировать концепцию отечественной истории, отвечающую задачам конструирования ее новой коллективной идентичности. Автор полагает, что залогом успешного решения этой задачи является не апофатический подход к определению сути национального, не стратегия умолчания, а формирование среды, в которой бы допускались дискуссии

[1] Панарин А.С. Национализм в СНГ: Мировоззренческие истоки // Свободная мысль. – М., 1994. – № 5. – С. 35.

по спорным вопросам общей истории и конкурирующие интерпретации исторических событий и фактов. В завершение своей статьи В.А. Ачкасов приводит слова американского экономиста Питера Катценштайна: «...пока мы придерживаемся только национальной националистической истории и пока у нас не получается соединить разные виды истории, мы остаемся пленниками прошлого... только общее понимание прошлого может создать основу для общего ощущения будущего»[1].

Ключевые теоретические и практические аспекты реализации «политики памяти» в России применительно к решению задачи формирования сплоченной нации детально описаны в монографии доцента Института истории и политики МПГУ (Москва) В.В. Титова [Титов, 2017]. Данная работа является обобщением публикаций автора в отечественной периодике (2010–2011), а также итогом его исследований в рамках двух проектов: гранта Президента России молодым ученым (тема «Формирование национально-гражданской идентичности российской молодежи: политико-психологический и социокультурный анализ») и гранта РГНФ «Механизмы формирования национально-государственной идентичности в России» (2012–2016)[2]. В первой, теоретической главе монографии В.В. Титов, используя потенциал конструктивистского и макрополитического подходов, формулирует собственное ви́дение национально-государственной идентичности, представляя ее

[1] Катценштайн П., Маркетти Р. Понять, что существует диффузия власти и изменения происходят постоянно // 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными / Под. ред. П. Дуткевича и Р. Саквы. – М.: Изд-во МГУ, 2014. – С. 284–285.

[2] См., в частности, такие статьи В.В. Титова, как: Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. – М., 2010. – № 4. – С. 122–134; Евгеньева Т.В., Титов В.В. Становление национально-государственной идентичности молодежи в контексте вызовов модернизации // Ежегодник Российской ассоциации политической науки. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 218–235. – (Модернизация и политика: Традиции и перспективы России); Бушуев В.В., Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) // ЛОКУС: Люди, общество, культура, смыслы. – М., 2011. – № 4. – С. 77–93; Титов В.В., Бушуев В.В., Самохвалов Н.А. Историческая политика в государствах бывшего СССР: Попытка концептуального осмысления // Социально-гуманитарные знания. – М., 2015. – № 2. – С. 266–275.

политическим явлением, раскрывающимся в синтезе когнитивного, темпорального, эмоционального, символического полей. Последовательное использование В.В. Титовым дефиниции «национально-государственная» (а неболее привычной – «национальная») применительно к понятию «идентичность», по его собственным словам, не является «данью уважения» государству в целом и российскому патернализму в частности и не служит задаче разграничения «западного» (политического) и «советского» (этнического) подходов к определению нации. «“Государственная” составляющая в структуре национально-государственной идентичности, – подчеркивает автор, – это и способ обретения полномасштабной субъектности политической нации, и механизмы институционализации идентичности, и, конечно же… политическая и социокультурная традиция государственности» [Титов, 2017, с. 23].

Эффективность государственной «политики памяти» в контексте формирования национально-государственной идентичности, по мнению В.В. Титова, определяется ее эластичностью – способностью опираться на уже сложившиеся в обществе представления и стереотипы и учитывать существующий эмоциональный климат. Автор специально подчеркивает, что политика современных государств, направленная на формирование национально-государственной идентичности, осуществляется в условиях глобальной информационной и социокультурной конкуренции, в ситуации масштабного политического «рынка идентичностей», в рамках которого представлен широкий спектр альтернативных социальных и политических идентичностей локального, регионального и транснационального уровня [Титов, 2017, с. 12–41].

Во второй главе В.В. Титов выделяет четыре этапа институциональной эволюции государственной политики памяти в период 1990–2010-х годов: «антисоветский» (1992–1994); «поздний ельцинский» (1995–2000); «ранний путинский» (2001–2008); «медведевско-путинский» (с 2009 г.); по мере прохождения этих этапов возрастает интенсивность обращения к истории в целях выстраивания геополитических и социокультурных оснований общероссийской национально-государственной идентичности. Автор обращает внимание читателя на то, что проводимая им демаркация является не более чем методическим приемом и не отменяет необходимости выстраивания преемственности политики памяти в постсоветской

России – в том числе в контексте оценок советского опыта [Титов, 2017, с. 59–105].

Третья глава монографии посвящена описанию таких новых тенденций XXI столетия, как: «виртуализация идентичности» и перемещение процесса политической социализации в пространство Интернета; размывание установок национально-государственной идентичности современной российской молодежи (так называемого поколения *net*); эскалация антироссийских «войн памяти» на постсоветском пространстве и социокультурная «битва идентичностей». Последняя тенденция выражается в столкновении глобалистского «западного» проекта, «вестфальской модели», опирающейся на традиционные национально-государственные идентичности, и конгломерата «новых» и «новых старых» этнических, религиозных, виртуальных идентичностей [Титов, 2017, с. 116–153].

В заключение В.В. Титов перечисляет недостатки реализуемой сегодня в наше стране политики памяти, относя к ним когнитивную слабость образа прошлого в «матрице» российской национально-государственной идентичности; аморфность массовых представлений о прошлом; попытки выстроить их по принципу шахматной доски, механически соединяя «черное» и «белое». Этот подход позволяет избежать конфликтов, но априори обрекает образ российской истории на фрагментарность. Наиболее серьезным вызовом в области формирования исторической политики, стоящим сегодня перед российскими властями, автор считает необходимость освоения онлайн-технологий политической социализации. Игнорирование этого аспекта может привести к тому, что государство проиграет «конкуренцию за идентичность» бурно растущей «виртуальной реальности».

Подводя итоги, отметим, что гражданская самоидентификация россиян имеет весьма зыбкую когнитивную основу в плане возможности опереться на совокупность непротиворечивых представлений о прошлом страны. По утверждению доктора философских наук, профессора, ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН О.Ю. Малиновой, тысячелетняя история России – это в значительной степени пустая метафора, поскольку эпизодов, пригодных для политического использования, в этом прошлом не так много – эпизодов, которые соответствовали бы критерию узнаваемости, позитивности и неконфликтности. В результате проект социальной

памяти в России строится на основании топоса победы многонационального народа в Великой Отечественной войне, и на сегодняшний день это событие остается единственной адекватной платформой для национальной консолидации в реестре политики памяти[1]. Представителями отечественного академического сообщества обозначена необходимость целостного переструктурирования нарратива о прошлом. Однако власти интерпретируют эту задачу в сугубо инструментальном ключе – преимущественно как меру противодействия попыткам фальсифицировать российскую историю, предпринимаемым неким обобщенным и враждебно настроенным в отношении официальной Москвы Западом. Как справедливо отмечал советский историк и социолог Б.Ф. Поршнев, «всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет, мера противопоставления есть мера объединения»[2]. Тем не менее гражданская идентичность, обретенная исключительно через противопоставление некой угрозе, *в долгосрочной перспективе* не может быть значимым символическим ресурсом строительства *внутренне связанной* и сплоченной нации.

Список литературы

1. Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2015. – Т. 18, № 2. – С. 181–192.
2. Паин Э.А. Исторический фатализм в эпоху безвременья // Вестник общественного мнения. – М., 2013. – № 2. – С. 7–20.
3. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: Российский опыт и новые тенденции: Монография. – М.: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.

[1] Малинова О.Ю. В поисках самих себя: Российская идентичность как устойчивая неопределенность // Независимая газета. – М., 2015. – 24 ноября. – Режим доступа: http://www.ng.ru/stsenarii/2015-11-24/9_search.html [Дата обращения: 27.11.17.]

[2] Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. – М.: Наука, 1973. – С. 14.

2018.01.003. ДОЛГОВ А.Ю. ТРУД И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ГЕНДЕРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. (Обзор).

Ключевые слова: рабочие; производственная культура; гендерный порядок; маскулинность; медицинские работники; зарплата; социальная справедливость.

В обзоре представлены публикации журнала «Мир России» (рубрика «Социальные реальности и социальные перспективы», 2016, т. 25, № 4; 2017, т. 26, № 3), в которых рассматриваются проблемы труда и трудовых отношений в современной России.

Н.В. Латова (Институт социологии РАН, Москва) анализирует специфику производственной культуры отдельных профессиональных групп российских работников, «более конкретно – производственную (организационную) культуру рабочих как особой профессиональной группы» [Латова, 2017, с. 38]. Для выявления культурных характеристик профессиональных групп автор использовала этнометрическую методику нидерландского социолога Герта Хофстеде «Модуль исследования ценностей 1994» (*Value survey module 1994, VSM 94*)[1]. Хофстеде исходит из очевидного факта наличия у каждого человека определенных образцов мышления, эмоциональных переживаний и реальных действий, которые формируются в раннем детстве. Эти образцы, или ментальные программы, предопределяют культурную специфику индивида, которая проявляется в его социальных ролях и идентификациях – национальной, этнорелигиозной, половозрастной, профессиональной и т.д. Базовым уровнем выступает национальная идентичность, измерением которой и занимается этнометрия; с привлечением данной методики, отмечает Н.В. Латова, можно также изучать профессиональные группы. Исследование ментальных программ с применением инструментария *VSM 94* предполагает выделение четырех этнометрических показателей, или индексов (которые, по замечанию автора настоящей статьи, пригодны для характеристики социальных групп, но не годятся для описания индивидуальных

[1] См.: Hofstede G. VSM 94: Values survey module 1994 manual. – Mode of access: https://slidemy.com/download/manual-vsm94_5986820ddc0d60cb7e300d26_pdf [Accessed 11.11.2017.]

параметров, поскольку данные показатели представляют собой среднее арифметическое по группе [Латова, 2017, с. 42]).

1. *Дистанция власти (Power distance index – PDI)* – показатель степени лояльности профессиональных групп к вертикали власти. В процессе изучения профессиональных групп в западноевропейских странах Хофстеде, в частности, выяснил, что рабочие с низким уровнем квалификации, образования и социального статуса более лояльны к власти, т.е. имеют более высокий показатель PDI, чем представители престижных профессий; при этом в странах с авторитарным политическим режимом различия между профессиональными категориями по этому показателю незначительны, так как в этих условиях властная вертикаль воспринимается как норма вне зависимости от профессии.

2. *Индивидуализм (Individualism – IDV)* – показатель склонности людей к заботе только о себе и своих семьях либо к объединению в более крупные группы, которые разделяют ответственность за человека в обмен на его лояльность группе.

3. *Маскулинность (Masculinity – MAS)* – показатель склонности к насилию, жестокости, сосредоточенности на материальном успехе, отсутствия интереса к другим, индифферентности в межличностных отношениях; этот индекс описывает значимые ценности в рамках определенной культуры: «мужские» (настойчивость, уверенность в себе, успех и конкуренция) или «женские» (жизненные удобства, поддержание теплых личных отношений, забота о слабых, солидарность).

4. *Избегание неопределенности (Uncertainty avoidance – UAI)* – показатель отношения к ситуации неопределенности и риска, приверженности четким правилам либо терпимости к девиантному поведению: при низком значении показателя люди спокойно воспринимают разногласия и альтернативные позиции, при высоком – стремятся установить четкие «правила игры», чтобы избежать рисков; как показали исследования Хофстеде, в рамках одной и той же культуры данный показатель одинаков для всех профессий [Латова, 2017, с. 40–41].

В своей работе Н.В. Латова использовала базу данных проекта «Готово ли российское общество к модернизации?» (Институт социологии РАН, 2010 г.). В рамках всероссийского исследования, проводившегося под руководством М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоно-

вой, были опрошены 1684 респондента старше 18 лет, представляющих основные социально-профессиональные группы. Для целей собственного анализа российской производственной культуры автор настоящей статьи сформировала подвыборку из 1288 человек (только трудоустроенные респонденты), после чего были выделены следующие категории работников: предприниматели, самозанятые работники и руководители разного уровня (N=121); специалисты, в том числе военные (N=282); служащие и госслужащие (N=151); работники торговли и сферы бытовых услуг (N=184); рабочие (N=550). Задача состояла в том, чтобы вычислить показатели культурных характеристик для разных профессиональных групп в современной России и определить характер распределения признака в каждой из групп, используя перцентильные размахи (Rp)[1]. Таким образом, автор намеревалась выяснить, насколько гомогенны разные категории профессиональных работников в нашей стране с точки зрения их производственной культуры [Латова, 2017, с. 42].

Проанализировав полученные данные, Н.В. Латова зафиксировала следующие существенные внутригрупповые расхождения (вариации) ценностных предпочтений на фоне прочих профессиональных групп:

– разброс по индексу избегания неопределенности в группе *предпринимателей, самозанятых работников и руководителей* (возможное объяснение этого явления связано с тем, что в данную группу оказались включены категории работников с заведомо отличающимися поведенческими установками: если предприниматели могут позволить себе относительно гибкие формы поведения, то

[1] Перцентилями называют показатели, разбивающие количественные и порядковые данные на определенные части и выражающие ранги элементов в виде процентов от 0% до 100%. Наибольшее и наименьшее значение характеризуют размах (диапазон) имеющихся данных. Расчет перцентильного размаха необходим в случаях, когда критические значения признака аномальны, т.е. нетипичны для совокупности.

Как поясняет Н.В. Латова, перцентильный размах (Rp) рассчитывался как «разница максимального показателя в группе респондентов (33% от всей группы), имеющих значение выше среднего арифметического, и минимального показателя в группе респондентов (еще 33% от всей группы), у которых значение было ниже среднего арифметического. В итоге мы получили размах показателя у 66% представителей группы, которая равномерно сконцентрирована вокруг среднего значения, т.е. вокруг культурного показателя Г. Хофстеде» [Латова, 2017, с. 143].

руководители обычно проявляют бóльшую приверженность нормативному порядку); в то же время вариации индекса индивидуализма и индекса маскулинности в данной профессиональной группе оказались минимальными, что свидетельствует об определяющей роли этих показателей в формировании ее групповой идентичности;

– разброс по индексу дистанцированности от власти в группе *специалистов* (в данном случае Н.В. Латова объясняет нарушение внутренней гомогенности как зафиксированный в работе О.И. Шкаратана и С.А. Инясевского «раскол в профессиональной среде, который сказывается как на мотивации, так и на трудовом поведении»[1]);

– разброс по индексу маскулинности в профессиональной группе *служащих и госслужащих* (автор статьи полагает, что чиновники рассматривают свою трудовую деятельность одновременно и с точки зрения «служения», и с точки зрения значимости ценностей «карьеры», «заработка» и «престижа»);

– разброс по индексу индивидуализма в группе *работников торговли и сферы бытовых услуг* (скорее всего, также связанный с внутренней неоднородностью группы, в которую вошли как представители сетевого маркетинга, так и кассиры супермакетов) [Латова, 2017, с. 44].

В целом проведенный Н.В. Латовой этнометрический анализ показал, что четыре основные профессиональные группы оказались достаточно однородны и близки между собой по культурным показателям Хофстеде [Латова, 2017, с. 57]. При этом наиболее однородной группой выглядят российские рабочие. Сопоставление групповых норм и ожиданий показал, что рабочие склонны скорее к сотрудничеству ради общей цели, чем к соперничеству; хорошие отношения с руководством являются для этой профессиональной категории важным трудовым стимулом; работа, по мнению рабочих, должна оставлять время для личной жизни; руководитель же воспринимается ими как человек, на котором лежит ответственность за все решения и который умеет эффективно справляться с проблемами [Латова, 2017, с. 49]. Характеризуя профессиональную группу рабочих с применением индексов Хофстеде, Н.В. Латова

[1] Шкаратан О.И., Инясевский С.А. Социально-экономическое положение профессионалов и менеджеров // Социологические исследования. – М., 2006. – № 10. – С. 26–27.

отмечает следующее: а) высокое значение индекса избегания неопределенности свидетельствует о том, что эффективная деятельность рабочих возможна только при наличии четких правил и при минимизации индивидуальных рисков; б) низкий показатель маскулинности свидетельствует о важности взаимоотношений в коллективе и о приоритете поддержания благоприятного производственного климата в противовес достижению результата любой ценой; в) средний показатель индивидуализма указывает на важность связи результатов труда с личными достижениями конкретного работника [Латова, 2017, с. 49].

По мнению автора статьи, итоговые результаты говорят о том, что в российской системе организационного управления западная модель конкуренции не дает однозначного эффекта, тогда как формы коллективной соревновательности могут оказаться весьма полезными. Другой вывод автора заключается в том, что производственная культура российских рабочих, описанная с помощью показателей Хофстеде, соответствует принципам функционирования рабочей артели – формы организации труда, которая была широко распространена в Российской империи и в модифицированном виде существовала в СССР. В связи с этим Н.В. Латова считает полезным с точки зрения менеджмента обращение к историческому опыту развития артелей вместо копирования западных и восточных практик организационного управления.

Статья сотрудников Института социологии РАН А.В. Ваньке и И.Н. Тартаковской посвящена трансформации маскулинности рабочих в нашей стране. Авторы, являющиеся также сотрудниками Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), сопоставляют представления, связанные с образом настоящего мужчины, которые были распространены в последние годы существования СССР, в период реформ 1990-х годов и в 2000–2010-е годы, и анализируют классические и новые типы мужественности в рабочей среде [Ваньке, Тартаковская, 2016]. Теоретической основой исследования стал подход Р. Коннелл, согласно которому типы маскулинности представляют собой социальный конструкт, являясь паттернами гендерной практики, поддерживаемыми на уровне социальных институтов в качестве коллективных представлений. Различные виды маскулинности формируются как в ходе повседневного взаимодействия людей, так и посредством

надындивидуальных структур (таких как трудовые отношения, власть, символические репрезентации) и выстраиваются в иерархическую систему гегемонных и подчиненных типов[1]. Гегемонная маскулинность тесно связана с идеалом социальной успешности. В контексте рыночной экономики показатели успеха наглядно переплетены с ее монетарной составляющей. Авторы статьи отмечают, что рабочие после распада СССР, лишившись прежнего почетного статуса и столкнувшись с финансовыми проблемами, вынуждены были искать иные, нежели прежде, средства репрезентации своей маскулинности. В связи с этим стремление мужчин-рабочих соответствовать существующим нормативным образцам маскулинности А.В. Ваньке и И.Н. Тартаковская рассматривают с помощью понятия «субъективная социальная мобильность», понимая под ней «субъективные восприятие, переживания и ожидания социальных агентов относительно своего социального статуса» [Ваньке, Тартаковская, 2016, с. 138–139].

Эмпирические данные для своего исследования (62 интервью с мужчинами-рабочими) А.В. Ваньке и И.Н. Тартаковская получили путем повторного анализа материалов, собранных в рамках нескольких исследовательских проектов прежних лет (1992–2015)[2]. Хотя данные были заимствованы из разных проектов и в них применялись разные исследовательские методики, отобранные авторами материалы имели общие черты, релевантные их собственным задачам: это были биографические полуструктурированные интервью; в проектах рассматривался не какой-то конкретный вопрос биографий респондентов, а совокупность биографических фактов, а также уделялось достаточное внимание гендерным параметрам жизненных стратегий индивида. Тот факт, что исследования, из которых были заимствованы данные, проводились в разные годы, позволяет, по мнению авторов статьи, выявить повторяющиеся

[1] Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 2. – С. 855.

[2] Исследовательский проект: «Век социальной мобильности в России»; лонгитюдный исследовательский проект «Гендерные стратегии на рынке труда»; исследование одного из авторов статьи, посвященное телесности российских мужчин в сфере труда и приватной сфере (на основе 44 биографических интервью) [см.: Ваньке, Тартаковская, 2016, с. 139].

паттерны социального поведения, проследить их преемственность и динамику [Ваньке, Тартаковская, 2016, с. 140].

Советский гендерный порядок. Как отмечают А.В. Ваньке и И.Н. Тартаковская, в основе советского гендерного порядка лежало неравное распределение власти между мужчинами и женщинами, а также между разными группами мужчин. Советские женщины при таком порядке должны были проявлять лояльность и скромность и руководствоваться «контрактом работающей матери» [Ваньке, Тартаковская, 2016, с. 137]. Гегемонная маскулинность конструировалась вокруг проявления мужской силы, труда, служения Отечеству. Это сочеталось с отсутствием у рабочих инициативности, независимости и свободомыслия, что противоречило официально декларируемым принципам полной самодостаточности советского мужчины. В Советском Союзе официальная пропаганда отводила ключевую роль в обеспечении стабильности социальной структуры рабочему классу. Поэтому рабочие профессии считались престижными, а их представители действительно получали достойную заработную плату, что позволяло содержать семью в качестве основного кормильца. Этот идеологически подкрепленный почет формировал нормативную маскулинность, однако противоречивость ситуации заключалась в том, что доступ к тем же ресурсам имели и женщины-рабочие. После распада СССР рабочие потеряли прежний престижный статус, а их труд перестал цениться так, как раньше, что привело к возникновению неуверенности мужчин в себе.

Маскулинность в период реформ 1990-х годов. Поскольку исследования маскулинности рабочих позднесоветского периода отсутствуют, авторы рассматривают этот вопрос в контексте общего анализа советского гендерного порядка как этакратического (т.е. находящегося в ведении государства). Маскулинное самоутверждение в этот период происходило в публичной сфере, на службе государству в качестве воинов и защитников, а также в героическом труде в мирное время [Ваньке, Тартаковская, 2016, с. 140]. Трансформация этого типа мускулинности началась вместе с проведением социально-экономических реформ, когда прекратилась его идеологическая подпитка. Вместо героического образа рабочего стали распространяться другие успешные образы: бизнесмен, плейбой, криминальный авторитет. Этот процесс сопровождался

сильнейшим ударом по финансовой самостоятельности рабочих. Бывшие кормильцы превратились в полуиждивенцев, которые с трудом могли заработать деньги на пропитание. Разрушение статуса кормильца приводило к проблемам в семье и являлось эмоциональной травмой для женатых мужчин, которым было важно оставаться опорой для своих близких.

Сложившаяся ситуация способствовала появлению нескольких типов стратегий социальной мобильности среди мужчин-рабочих. Первый тип – любой ценой сохранить прежнее рабочее место и отказываться от других предложений, даже если они более выгодны. Второй – искать «лучшую жизнь», например организовать свой бизнес. Однако такие попытки часто заканчивались неудачей, и мужчинам приходилось возвращаться на предприятия [Ваньке, Тартаковская, 2016, с. 143]. Авторы статьи отмечают, что ключевое слово, с помощью которого респонденты описывали свое состояние в 1990-е годы, – это «неопределенность». Разрушение прежнего порядка и отсутствие новых четких «правил игры» привели к тому, что необходимо было изобретать заново многие социальные конструкции, в том числе маскулинность.

Маскулинность в 2000–2010-е годы. Смена «лихих 90-х» «стабильными нулевыми» привнесла определенную устойчивость в развитие социально-экономической сферы, стали оживать некоторые промышленные отрасли. На этом фоне маскулинная идентичность формировалась в рамках комбинированных стратегий, старые модели мужественности сосуществовали с зарождающимися новыми; теперь рабочие получили возможность свободно выбирать стратегию конструирования своей маскулинности, не испытывая такого сильного влияния государственной гендерной политики, которое существовало раньше. Параллельно с этим в рамках проведения неолиберальных реформ происходили уход государства из социальной сферы, усиление социальной дифференциации, распространение идей индивидуального успеха вместо опоры на коллективные действия, обесценивание «мужских» профессий, раньше считавшихся престижными [Ваньке, Тартаковская, 2016, с. 149].

Классическая маскулинность – как продолжение паттернов советского гендерного порядка – характерна для российских мужчин старше 40 лет, отмечают авторы статьи. Эта категория вынуждена приспосабливаться к существующим реалиям и по возможно-

сти воссоздавать модель кормильца, добытчика и защитника семьи. Согласно материалам интервью, очень часто жены занимают равное с мужьями положение, поэтому воспроизводство гегемонной маскулинности в ее прежнем виде теперь затруднительно, и потому мужчины вынуждены искать иные пути самоутверждения [Ваньке, Тартаковская, 2016, с. 146–147].

Мужчины-рабочие моложе 40 лет стали конструировать новую маскулинность. Выбранная ими стратегия предполагает формирование мужской субъективности путем более высокой степени осмысления своих возможностей (самообразование, критическая рефлексия, сопротивление неолиберальному порядку). Этот тип тяготеет к «свободолюбивому и романтизированному образу мужчины-борца и мужчины-активиста» (что может проявиться в борьбе за свои права, в профсоюзной деятельности и т.п.) [Ваньке, Тартаковская, 2016, с. 147]. Однако этот, по сути маргинализированный, статус зачастую является причиной возникновения у его носителей низкой самооценки, что приводит к проблемам с созданием семьи. Такие мужчины склонны отказываться от семейных отношений из-за невозможности соответствовать доминирующим гендерным ожиданиям [1, с. 148], другие ищут решение этой проблемы в техниках совершенствования своего тела. Эта стратегия сближает молодых рабочих с офисными сотрудниками. Рабочие стремятся копировать образ жизни «белых воротничков», демонстрируя высокий уровень потребления и подчеркивая свою состоятельность.

Таким образом, подытоживают А.В. Ваньке и И.Н. Тартаковская, в 2000-х и особенно в 2010-х годах стала складываться новая государственная гендерная политика, которую можно охарактеризовать как фрагментарную и непоследовательную [Ваньке, Тартаковская, 2016, с. 149]. Частично была востребована советская модель маскулинности, частично все более устойчивыми становились новые стратегии построения образа мужественности. Молодые рабочие все чаще стремятся проявлять общественную и политическую активность, а также демонстрировать престижное потребление.

Статья А.Л. Темницкого (Московский государственный университет (институт) международных отношений МИД РФ) посвящена анализу представлений о социальной справедливости в оплате труда отечественных медицинских работников [Темницкий,

2017]. Основываясь на материалах социологических исследований труда медицинских работников бюджетных учреждений, выполненных по Программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2007–2014 гг. (руководитель С.В. Шишкин), автор показывает связь данных представлений с трудовой мотивацией и реализуемой сегодня политикой по внедрению системы «эффективного контракта».

Объектом изучения стали медицинские работники бюджетных учреждений России (главные врачи, врачи, средний медицинский персонал). В ходе реализации проекта С.В. Шишкина методом формализованного интервью ежегодно опрашивалось разное количество респондентов по месту их работы, в разных субъектах Российской Федерации. Автор отмечает, что, хотя выборки разных лет отличались друг от друга, полученные данные можно рассматривать как сопоставимые, так как сохранялась относительная гомогенность выборочных совокупностей медицинских работников по типу лечебных учреждений, полу, возрасту, уровню профессиональной категории, стажу работы в здравоохранении и медицинском учреждении [Темницкий, 2017, с. 68].

Несмотря на то что в рамках либерального подхода, основанного на принципах эффективности, существует тенденция к занижению роли социальной справедливости, этот феномен остается важным элементом общественных и научных дискуссий, подчеркивает А.Л. Темницкий. Представления о справедливости в России за последние десятилетия неоднократно менялись. В советские годы справедливость претворялась в жизнь с помощью государственной политики уравнительности. В конце 1980-х – 1990-е годы этот эгалитарный подход подвергся резкой критике, рыночная демократия предполагала иной взгляд на социальную справедливость. Некоторые обществоведы в те годы игнорировали эту проблему, но в начале 2000-х годов интерес к ней заметно возрос. Автор связывает это с возникновением в российском обществе «запроса на справедливость», что подтверждается данными социологических опросов. Специфика общественного запроса заключалась в том, что он был адресован власти и не сопрягался с солидарностью и готовностью за нее бороться[1]. Возникновение этих особен-

[1] Петухов В.В. Ценностная палитра современного российского общества: «Идеологическая каша» или поиск новых смыслов // Мониторинг общественного мнения. – М., 2011. – № 1. – С. 6–23.

ностей, полагает А.Л. Темницкий, объясняется патернализмом и сложившейся институциональной системой.

По мнению автора статьи, понятие справедливости до сих пор недостаточно концептуализировано. С его точки зрения, следует отказаться от толкования справедливости как нерефлексируемого эмоционального чувства и начать рассматривать ее как аналитическую объясняющую переменную. В рамках своего исследования А.Л. Темницкий выдвинул гипотезу о том, что оценки справедливости являются «надежным измерителем соотношения затрат труда и его вознаграждения, они будут по-разному коррелировать с другими факторами, влияющими на размер оплаты, различными стимулами к труду и поведенческими установками» [Темницкий, 2017, с. 69].

После ликвидации в России системы уравнительности, в условиях нарастающей поляризации бедности и богатства в ходе социально-экономических реформ 1990-х годов работники потеряли ощущение связи между размером зарплаты и личным вкладом в работу. Патерналистское обращение к справедливости как к высшей ценности, стоящей над законом, по мнению автора, можно приравнивать к обращению к сильному государству, которое способно вершить праведный суд; изменить ситуацию может укрепление связи между трудом и его достойным вознаграждением [Темницкий, 2017, с. 66]. В медицинской сфере такие попытки предпринимаются с начала 2000-х годов (на фоне повышения уровня оплаты труда и внедрения «эффективного контракта»). Реформирование отечественной медицины подразумевало развитие контракт-партнерских отношений с четким указанием контролируемых показателей, за выполнение которых медицинские работники должны получать стимулирующие выплаты [Темницкий, 2017, с. 69].

В рамках исследований 2007–2014 гг. медицинским работникам были предложены прямые и косвенные вопросы о «справедливой оплате труда». С помощью опроса были выявлены основные стимулы к хорошей работе, в ряду которых определяющим оказалась справедливая оплата труда. Факторный анализ оцениваемых стимулов позволил выделить два основных показателя, в которых в качестве составляющей фигурировала справедливая оплата труда. Первый, наиболее информативный фактор патерналистской спра-

ведливости, связан с ролью внешних благоприятных условий труда (хорошее оборудование; забота со стороны руководства; предоставление льгот). Второй – фактор либеральной справедливости – связан с внутренними резервами самого работника (условия для дополнительного заработка; возможность зарабатывать столько, сколько сможешь; расширение самостоятельности). Таким образом, факторный анализ показал, что справедливость оплаты труда связана не только с патерналистскими надеждами, но и с возможностью продемонстрировать индивидуальный результат и успех в работе. Можно сделать вывод, замечает А.Л. Темницкий, что либеральная и патерналистская модели поведения предполагают существование двух категорий работников, отличающихся друг от друга типом трудового поведения и мотивацией к труду. Были выявлены и другие закономерности, в том числе оказалось, что:

а) консервативная роль справедливости в оплате труда связана с тем, что при достижении нормальных условий медицинский работник будет делать все, чтобы закрепить существующее положение, но при этом не будет стремиться повысить эффективность своего труда; по мере снижения статуса медицинского работника уменьшаются претензии к размеру справедливой оплаты труда [Темницкий, 2017, с. 76–77];

б) позитивная роль справедливости в оплате труда повышается, если медицинский работник в большей мере чувствует ее связь с результатами личных достижений в труде [Темницкий, 2017, с. 82];

в) по отношению к проводимым реформам у медицинских работников фиксируется конформистский тип поведения; доля врачей, подчеркивающих достаточность и справедливость повышения уровня зарплаты и имеющих умеренные финансовые притязания («лояльная» категория), составила 29% от числа опрошенных; представителей этой группы можно рассматривать как проводников реформы в сфере оплаты труда [Темницкий, 2017, с. 83–84].

В заключение автор статьи отмечает, что медицинские работники в нашей стране до сих пор имеют неопределенный статус, что порождает ряд противоречий. Медики больше не относятся к категории служащих, которые должны заботиться о здоровье трудящихся от лица государства (как это было в советское время), но они также не являются наемными работниками рыночного типа.

Это противоречие подтверждается существованием двух моделей оценки справедливости оплаты труда – патерналистской и либеральной. Кроме того, в рядах медицинских работников сегодня существует очевидный консерватизм по отношению к трактовке справедливости применительно к оплате их труда. По мнению А.Л. Темницкого, это обстоятельство сдерживает радикальные изменения и вместе с тем открывает путь для постепенных преобразований в этой сфере.

Список литературы

1. Ваньке А.В., Тартаковская И.Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. – М., 2016. – Т. 25, № 4. – С. 136–153.
2. Латова Н.В. Производственная культура рабочих современной России как элемент их человеческого капитала (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) // Мир России. – М., 2017. – Т. 26, № 3. – С. 36–63.
3. Темницкий А.Л. Феномен справедливости в оплате труда медицинских работников // Мир России. – М., 2017. – Т. 26, № 3. – С. 64–89.

2018.01.004. ЯКИМОВА Е.В. ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК И ОБЪЕКТ ЛИЧНОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ. (Обзор).

Ключевые слова: городское пространство; микроурбанизм; мобильный урбанизм; визуальная презентация городской среды; ландшафтоид; комфортность городской среды; локальные городские сообщества в социальных сетях.

В обзор вошли статьи из журнала социально-гуманитарных исследований «Лабиринт», размещенные в специальном выпуске «Микроурбанизм» (2016, № 5). Как отмечает в предисловии к выпуску его составитель М.С. Савоскул (географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова), основу публикаций, посвященных восприятию и использованию современного городского пространства (как фактора формирования локальной идентичности и гражданской активности), составили материалы конференции «Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы» (Москва, МГУ, ноябрь 2015 г.) [Савоскул, 2016]. Междисциплинарность в освещении темы микроурба-

низма на страницах журнала[1], обусловленная научной специализацией участников (историки, географы, экологи, социологи, антропологи, филологи), предопределила обсуждение таких ее аспектов, как морфология городской среды, повседневность современного города, его субъективное восприятие и переживание в актуальном и прошлом опыте, локальная идентичность и «конструирование мест», самоименование и местные языковые практики.

Статья киевского социолога А.А. Петренко-Лысак (Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко) посвящена феномену мобильного урбанизма, или практикам освоения городской среды посредством мобильных средств связи (телефонов, смартфонов, планшетов) [Петренко-Лысак, 2016]. Автор анализирует взаимодействие составляющих городского пространства (в качестве «транзит(ив)ных» мест городского ландшафта) с его обитателями – пользователями новейших цифровых средств мобильной коммуникации. Ядром предложенной в статье модели такого взаимодействия выступает сочетание инфраструктуры (беспроводные и мобильные сети, Wi-Fi), самих гаджетов и сервисов, имеющих мобильные приложения для коммуникации с целевой аудиторией [Петренко-Лысак, 2016, с. 18]. В продолжение существующей в социологии классификации социального пространства как «первого» (дом), «второго» (работа) и «третьего» (общественные места) А.А. Петренко-Лысак вводит понятие «четвертого места», или транзит(ив)ного пространства. Здесь имеется в виду ландшафт промежуточного (вре́менного, непостоянного) пребывания мобильного горожанина, т.е. человека со смартфоном. Транзитивное пространство (в отличие от транзитного) соединяет в себе два функциональных аспекта: здесь человек передвигается между исходной и целевой точками (транзит) и / или ожидает такого передвижения (статика). Четвертое место – это, по определению автора, публичное, общее и общественное пространство, основанное на практике перехода, движения, вре́менного пребывания, ожидания, которое к тому же предоставляет соответствующие перечисленным функциям сервисы, помещения и объекты [Петренко-Лысак, 2016,

[1] Данный выпуск журнала «Лабиринт» был задуман как продолжение тематических исследований, нашедших отражение в сборнике статей: Микроурбанизм: Город в деталях / Под отв. ред. О.Е. Бредниковой, О.Н. Запорожец. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.

с. 19]. В противовес общественным (третьим) местам здесь не формируются устойчивые сообщества или отношения солидарности, это пространство индивидуального потребления и поведения в публичном окружении (гипермаркеты, городские парки, площади, остановки общественного транспорта, подземные переходы и т.п.). В таких местах индивид не теряет привычной идентичности, он просто приобретает еще одну «на время» – идентичность, обусловленную «не-длительностью» его (возможно, регулярного) пребывания в данном пространстве. Для мобильного горожанина четвертые (транзитивные) места становятся значимыми при наличии в них бесплатного Wi-Fi, с одной стороны, и свободного времени у самого горожанина – с другой. В этих условиях городские пространства, включая те, которые были задуманы как точки организации сообществ, становятся транзитивными зонами временного со-присутствия индивидов, которых можно отнести к категории Homo mobilis, утверждает автор. Это посетители и пользователи общественных публичных мест, практикующие «личное неприсутствие» в ситуации совместного нахождения там с другими людьми. В итоге четвертое место как элемент городского ландшафта превращается в ландшафтоид, или акультурную сферу предельного консьюмеризма[1]. В границах ландшафтоида (пространства, насыщенного рекламой, торговыми вывесками, услугами и подразумевающего временность пребывания в нем) городской ландшафт отодвигается на второй план, теряет образ городской среды и приобретает ценность только как пространство потребления услуг и ресурсов (в том числе – свободного выхода в Интернет). Социальный тип, который чувствует себя «как дома» в контексте ландшафтоида, – это именно Homo mobilis, активно использующий цифровые гаджеты, постоянно перемещающийся в социальном и физическом пространстве, исповедующий ценности свободного движения и философию бесконечного поиска. Для Homo mobilis пребывание в четвертых местах (черты которых приобретает все большее число общественных и публичных мест городской среды) привычно и удобно, это знакомые зоны, или «поля

[1] Термин «ландшафтоид», имеющий сугубо негативную коннотацию, предложил Ю.Г. Тютюнник в статье: Ландшафтоид – новый феномен географии // Культурная и гуманитарная география. – М., 2012. – № 2. – С. 141–151.

комфорта от ожидаемых сервисов», – заключает А.А. Петренко-Лысак [Петренко-Лысак, 2016, с. 21].

Тему комфортности городской среды (обозначенную в предыдущей статье как «приветливость» транзитивных пространств для мобильных горожан) продолжает доктор социологии А.Г. Филипова (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток) [Филипова, 2016]. Автор конкретизирует сферу своих интересов как анализ «городской “доброжелательности” к детям» на базе эмпирического материала, собранного в городах Дальнего Востока (Владивосток, Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Артем, Амурск, Биробиджан). В архиве исследования – 30 экспертных интервью, 38 интервью с родителями, 240 бланков с ответами детей разного возраста, 72 детских рисунка с изображением любимых мест родного города. Цель исследования состояла в сравнении детских и взрослых представлений о критериях и степени доброжелательности к детям городской среды в ряде дальневосточных городов. Для того чтобы выявить особенности детского взгляда на проблему, использовались методика незаконченных предложений (*В моем городе мне нравится…*; *Я хотел бы, чтобы в моем городе было…*), авторская рисуночная методика «Дети в городе – фактор неравенства», тематические рисунки («Место, которое мне нравится») [Филипова, 2016, с. 59]. А.Г. Филипова обращает внимание на тот факт, что в отличие от западной социологии, где наметился «географический поворот» в изучении детства, ориентированный на создание городов, релевантных потребностям подрастающего поколения, в отечественном обществознании и социальной политике «данное направление представлено слабо» [Филипова, 2016, с. 58]. Автору статьи близки некоторые идеи «нового урбанизма», в частности те, что были сформулированы в рамках проекта SAGA, нацеленного на разработку методик изучения и проектирования городских общественных пространств в современном российском контексте[1]. В работе Д. Бычковой описаны критерии дружественной по отношению к детям городской среды (свободная мобильность, игры на природе, право быть горожанином,

[1] SAGA о городе: Трансформация общественных пространств / Под ред. О.В. Поченкова, Л. Воронковой. – СПб.: НП-Принт, 2014.

свободная игра), которые нашли применение в авторском проекте А.Г. Филиповой[1].

Собранные в ходе реализации проекта данные позволили выделить две ключевые позиции для осмысления городской среды с точки зрения ее доброжелательности к детям: места для детей в городе (институционализированные и неинституционализированные зоны) и характер передвижения детей (степень свободной и организованной мобильности). Как оказалось, формальные индикаторы городской доброжелательности, значимые для детей и родителей, практически идентичны: это доступность среды, комфорт и нацеленность на развитие. Однако в содержательном отношении представления детей и взрослых о том, что такое доброжелательный город, существенно отличались. Взрослые акцентировали такие «измерения доброжелательности среды», как безопасность дорожного движения, социальная ответственность педагогов и прохожих на улице, контроль полиции, близость к дому объектов городской инфраструктуры, обустроенность детских площадок, социализирующие функции городской среды. Дети же считали важными показателями «доброго города»: отзывчивость взрослых на улице; открытость пространства для игр; безопасность досуга в сочетании с элементами риска; равнодоступность для всех поколений рекреационных пространств и оборудования; чистоту и порядок на улицах и в парках; наличие «своих» пространств в городе или во дворе; включение природных элементов в зоны игры; вариативность использования городской среды; сочетание социальных и физических типов активности. Вывод автора состоит в том, что развитие доброжелательной к детям городской среды на Дальнем Востоке тормозят стереотипы взрослых, отказывающих детям в праве считаться ответственными и зрелыми горожанами, и слабость социальной политики городских властей, не предусматривающей трансформацию городских пространств с учетом потребностей подрастающего поколения [Филипова, 2016, с. 65].

В своих статьях московские культурологи Д.А. Радченко (Центр городской антропологии, КБ «Стрелка»[1]) и А.В. Павлов (Выс-

[1] Бычкова Д. Ребенок играющий: Городские исследования детского счастья. – Режим доступа: http://urbanurban.ru/blog/reflection/369/Rebyonok-igrayuschiy-gorodskie-issledovaniya-detskogo-schastya [Дата обращения: 10.11.2017.]

шая школа европейских культур, РГГУ) обсуждают элементы городской среды и аспекты городской повседневности в их виртуальном преломлении сквозь призму социальных сетей. Обобщая собранные ими эмпирические данные, авторы выстраивают идеально-типические модели взаимодействия материальных городских объектов и явлений обыденной жизни с их презентацией в виде образов (Д.А. Радченко) и дискурсивных объектов (А.В. Павлов), конструируемых и тиражируемых в интернет-пространстве. В первом случае речь идет о фотографиях городских «мест» (памятников архитектуры, культурных объектов, достопримечательностей, панорам улиц и набережных, парков, укромных уголков, переулков и т.п.), выложенных в Интернет в качестве отчета о досуговой деятельности [Радченко, 2016]. Во втором анализу подлежат «соседский» и «гражданский» типы коммуникации локальных (территориальных) городских интернет-сообществ [Павлов, 2016]. Оба автора использовали в своих проектах материалы, собранные ими в Москве.

Д.А. Радченко опиралась в своей работе на идею герменевтического цикла Дж. Урри[2], согласно которой не только выбор туристического маршрута, но и селекция объектов для фотосъемки и даже ракурс съемки предопределены знакомством потенциального путешественника с массой фото- и видеоматериалов, доступных в Сети. Иными словами, многократная виртуальная презентация достопримечательных мест мира формирует *a priori* не только ожидания, но и впечатления новых посетителей, которые стремятся увидеть и запечатлеть увиденное и запечатленное другими. Автор ссылается также на лингвистическую метафору М. де Серто, описывающего передвижение по городу как «речь» – в противоположность «языку»[3]. Здесь имеется в виду то обстоятельство, что путешествующий выбирает из предложенного набора возможных

---

[1] КБ «Стрелка» – Институт медиа, архитектуры и дизайна, некоммерческий международный образовательный проект; основан в 2009 г., включает образовательную программу по урбанистике и градостроительству для специалистов с высшим образованием.

[2] Urry G. The tourist gaze: Leisure and travel in contemporary societies. – L.: SAGE, 1990.

[3] Серто М. де. По городу пешком // Социологическое обозрение. – М., 2008. – Т. 7, № 2. – С. 24–38.

городских пространств вполне определенные места и конструирует визуальный образ города в соответствии с определенными правилами либо вопреки им. С помощью смартфона или планшета человек структурирует визуальную репрезентацию городской среды, усиливая видимость одних ее элементов и делая «невидимыми» другие, определяет «фокусные точки и смысловые провалы, “пустые места” территории» [Радченко, 2016, с. 26]. Третий теоретико-методологический аспект, присутствующий в эмпирическом проекте Д.А. Радченко, связан с необходимостью для автора фотографий проводить тщательный отбор тех «репрезентаций», которые могут заинтересовать искушенную аудиторию социальных сетей, привлечь ее внимание к объектам, которые не раз тиражировались на просторах Интернета.

Сбор данных был основан на комбинации геолокации и ключевых слов (названия улиц, площадей, парков, переулков), поясняет Радченко. Каждая фотография проверялась на соответствие территории, указанной ее автором. В итоге была получена выборка снимков по каждой из территорий за 12 месяцев (36 393 фотографии, сделанные в период с июля 2015 по август 2016 г. на 163 территориях Москвы) [Радченко, 2016, с. 28]. Ключевые результаты исследования сопоставлялись с данными глубинных интервью и массовых уличных опросов. Как показал итоговый анализ, любительские фотографии позволяют описывать город в двух измерениях – пространственном и временно́м. Социокультурная значимость и привлекательность городских мест зависит в том числе от категории пользователя. Так, временные пользователи (приезжие и туристы) обращают внимание на максимально статичные и «раскрученные» объекты городской среды (памятники архитектуры, исторические здания, мосты); жители города чаще «фокусируются на городе как на спектакле с меняющимися декорациями, актерами и сюжетами» [Радченко, 2016, с. 34]. Перформативность городского пространства усиливается по мере освоения города, знакомые улицы становятся фоном для визуальной фиксации повседневной жизни; здания и памятники перестают интересовать наблюдателя, в фокусе его объектива все чаще появляется он сам и те элементы городского пространства, с которыми связаны его повседневные интересы, резюмирует свои наблюдения Д.А. Радченко.

А.В. Павлов в своем эмпирическом исследовании «медийного опосредования городской жизни… посредством локальных интернет-сообществ» [Павлов, 2016, с. 46] использовал метод включенного наблюдения. На протяжении двух лет он являлся участником всех крупных локальных Фейсбук-сообществ Москвы, включая районные форумы Хамовников, которые и стали предметом его кейс-стади в настоящей статье. Среди 20 интернет-сообществ этого престижного района столицы А.В. Павлов выделил два – «Объединение жителей района Хамовники» (3683 участника) и «Secret Hamovniki» (1555 участников) – на том основании, что эти виртуальные площадки для общения наглядно иллюстрируют его гипотезу о разных режимах территориального онлайн-общения (гражданский и соседский режимы коммуникации). Автор исходит из предположения, что локальные (городские, территориальные) сетевые сообщества можно рассматривать не только как сообщества городских жителей в Интернете, но и в качестве низовых гражданских медиа, аудитория которых в принципе не ограничена локальными сетевыми публиками. Участники таких сообществ используют интернет-площадки в том числе как средство «гражданской журналистики». Автор ссылается на работу Д. Уокер, посвященную крупным городским форумам Филадельфии[1], чтобы показать, что «публичные сетевые разговоры» – это не только «тротуарные разговоры» (термин Дж. Джекобс) или общение в «третьих местах» (концепция Р. Ольденбурга)[2], но также обсуждение актуальных городских проблем, значимых за пределами локальных сообществ. Примером (идеальным типом) локального городского интернет-сообщества гражданской ориентации автор считает форум «Объединения жителей района Хамовники», который создан «для отстаивания прав и интересов жителей Хамовников в области коммунальной, социальной, жилищной и законодательной сфер», но при этом предполагает также освещение проблем, вне района… которые можно решить сообща» [Павлов, 2016, с. 52–53]. При этом администраторы форума, один из которых является муниципальным депутатом, настаивают на том, что-

[1] Walker D.M. Networked public talk: Attention, difference and imagination in online urban forum: PhD thesis / Univ. of Michigan. – Ann Arbor, 2011.

[2] Oldenburg R. Our vanishing «third places» // Planning commissioners j. – Burlington (VT), 1996–1997. – N 25. – P. 6–10.

бы посты участников не носили сугубо личного характера. Как показывает обзор дискуссий в рамках данного форума, участники не только обсуждают проблемы района и города, но и проявляют гражданскую активность в конфликтных ситуациях (подписывают петиции, распространяют информацию). Сообщество «Secret Hamovniki», напротив, позиционирует себя как площадку для добрососедского локального общения и обмена «всякими полезностями» в виде информации о службе быта, медицинских центрах и т.п. Администраторы специально обращают внимание на то, что обсуждение общественно-политических вопросов, в особенности «агрессивное», не приветствуется. По замечанию автора статьи, в этом случае налицо аффективные характеристики «соседского» режима сетевой коммуникации, стремление сохранить добрые отношения даже ценой отказа от обсуждения провокационных тем (общественных и гражданских). В заключение А.В. Павлов подчеркивает, что его гипотеза о режимах коммуникации локальных сетевых сообществ может рассматриваться как развитие идей Д. Уокер, Р. Ольденбурга, а также концепций «гражданского мира» и «режимов вовлеченности» Л. Тевено и Л. Болтански и теории «сообществ практики» Э. Венгера.

Список литературы

1. Павлов А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – Иваново, 2016. – № 5. – С. 46–57.
2. Петренко-Лысак А.А. Мобильный урбанизм в транзит(ив)ных местах городского ландшафта // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – Иваново, 2016. – № 5. – С. 17–24.
3. Радченко Д.А. Мегаполис в объективе: Фотографии в социальных сетях как источник данных о пользовании территорией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – Иваново, 2016. – № 5. – С. 25–34.
4. Савоскул М.С. Город – не точка на карте и не строчка в статистической таблице // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – Иваново, 2016. – № 5. – С. 6–7.
5. Филипова А.Г. Городская «доброжелательность» к детям: Взрослый и детский взгляды (на материалах городов юга Дальнего Востока) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – Иваново, 2016. – № 5. – С. 58–66.

2018.01.005. ЯКИМОВА Е.В. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ: СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ. (Обзор).

Ключевые слова: хелсизм в России; практики злоровьесбережения; весорефлексивная культура; молодежь и здоровый образ жизни; повседневные практики питания.

В обзоре анализируются публикации из «Журнала исследований социальной политики» (ЖИСП, 2014, т. 12, № 4) и «Журнала социологии и социальной антропологии» (ЖССА, 2015, т. 18, № 1; 2016, т. 19, № 2), которые дают представление о специфике осмысления отечественными социологами феномена здорового образа жизни (ЗОЖ) в контексте современной России. В статьях, вошедших в обзор, обсуждаются такие аспекты этой темы, как: государственная политика и законодательные инициативы в сфере охраны здоровья граждан; представления разных возрастных когорт о правильном питании и режиме труда и отдыха; повседневные практики здоровьесбережения; весорефлексивная культура и конструирование «идеального тела». Примечательно, что социологические параметры ЗОЖ рассматриваются не только в традиционных рубриках указанных журналов (социология здоровья, медицины, питания), но и в специальном разделе «Политика тела». По мнению редакции ЖИСП (2014, т. 12, № 4), принятые сегодня социологические способы изучения социальной политики «не позволяют увидеть, как …стратегические документы влияют на повседневную жизнь людей», поэтому для раздела были отобраны «работы, концентрирующиеся на неочевидных элементах социальной политики» [Политика тела, 2014, с. 491].

В соответствии с редакционной установкой на «выявление возможных перспектив включения телесности как объекта анализа в социально-политические исследования» И.С. Паутов (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) и Н.И. Паутова (Санкт-Петербургский институт культуры) анализируют стратегии и инструменты государственной политики продвижения ЗОЖ в России [Паутов, Паутова, 2014]. Петербургские социологи солидарны с

позицией Ж.В. Савельевой[1], которая утверждает, что в условиях недостаточности государственного финансирования здравоохранения в нашей стране «идеологически верным» будет вариант социальной политики, базирующийся «на передаче здоровья на баланс ответственности индивида, его образа жизни и снятия ответственности со структур государственного здравоохранения» [Паутов, Паутова, 2014, с. 494]. Настоящая статья, по замечанию авторов, призвана теоретически и эмпирически обосновать этот тезис [там же].

Таким образом, И.С. и Н.И. Паутовы выбирают в качестве концептуального основания своего проекта парадигму хелсизма. Хелсизм (от англ. *health* – здоровье) – термин, предложенный Р. Кроуфордом для обозначения тенденции, наметившейся в американском обществе 70–80-х годов прошлого века на волне общественной критики существующей системы здравоохранения[2]. Позднее П. Шкрабенек обозначил происходящее как закат гуманистической медицины и зарождение («риторического») навязывания поведенческих норм и паттернов, которые следует считать «здоровыми» в соответствии с идеологией и интересами властных структур, бизнес-элит и разного рода лоббистских групп[3]. Петербургские социологи придерживаются конструкционистской трактовки категорий «здоровье / болезнь», подчеркивая, что на содержательное формирование этих понятий и связанных с ними социальных представлений влияют не только медицинские знания, но и активность разных сообществ и групп. Последние (например, объединения людей с ограниченными физическими возможностями) стремятся к закреплению либо трансформации сложившихся норм, оспаривая принятый в данной культуре образ «полноценного человека». Авторы статьи также используют концепцию политических арен[4], в рамках которой они анализируют конструирование представлений о ЗОЖ

---

[1] Савельева Ж.В. Кому принадлежит здоровье? Социологические и масс-медийные интерпретации // ЖССА. – СПб., 2013. – Т. 16, № 2. – С. 131–141.

[2] Crawford R. Healthism and the medicalization of everyday life // International j. of health services. – L., 1980. – Vol. 10, N 3. – P. 365–388.

[3] Skrabanek P The death of humane medicine and the rise of coercive healthism. – Suffolk (UK): The social affairs unit, 1994.

[4] Hilgartner S., Bosk Ch.L. The rise and fall of social problems: The concept of public arenas // American j. of sociology. – Chicago (IL), 1988. – Vol. 94, N 1. – P. 53–78.

в России, где традиционными влиятельными акторами всегда были действующие политические фигуры [Паутов, Паутова, 2014, с. 496].

Сопоставляя сходные по форме практики хелсизма в советской / постсоветской России и в западных странах, И.С. и Н.И. Паутовы подчеркивают неоднозначность их идеологических составляющих. По их мнению, в современном российском политическом и социальном контекстах внимание индивида к своему здоровью трактуется как залог личного экономического и социального благополучия; в первую очередь – как сфера его собственной ответственности и лишь во вторую – как предмет заботы государственных институтов. Таким образом, основной исследовательский вопрос состоял в том, чтобы выяснить, «в каких формах реализуется пропаганда хелсизма органами власти современной России» [Паутов, Паутова, 2014, с. 497]. Авторы проекта предприняли анализ материалов интернет-сайтов ведущих отечественных СМИ («РИА-Новости», «Российская газета», «Первый канал», «Ино-СМИ» за ноябрь 2014 г.), а также федеральных печатных СМИ (2011). Были отобраны сообщения, освещающие деятельность первых лиц государства по продвижению ценности здоровья и практик ЗОЖ, а также информирующие о законодательных решениях и мероприятиях в этой сфере. На основании собранных данных авторы выявили четыре формы проявления соответствующей активности властных структур в нашей стране:

1) законодательные инициативы ограничительного и стимулирующего характера (Закон от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»; Указ Президента «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения», 2012; и др.);

2) личные примеры следования принципам ЗОЖ среди политических лидеров (соответствующие фото- и видеоматериалы);

3) включение темы здоровья в процессы проведения и освещения в СМИ спортивных мегасобытий в нашей стране (Универсиада в Казани – 2013, Зимняя Олимпиада в Сочи – 2014, Чемпионат мира по футболу – 2018);

4) участие представителей власти в качестве экспертов по вопросам сохранения здоровья (например, газета «Известия» в 2010 г. в 33% своих публикаций на тему ЗОЖ обращалась именно к

представителям власти, тогда как медики-практики и общественные организации привлекались только эпизодически).

Резюмируя итоги своего исследования социально-политических рычагов хелсизма в современной России, И.С. и Н.И. Паутовы констатируют «значительные различия» в отношении к здоровью как к социальной ценности и в степени развития культуры ЗОЖ в нашей стране и на Западе. Несмотря на то что в последнее время забота индивида о своем здоровье «вновь втягивается в сферу интересов государственной власти», существующие практики продвижения ЗОЖ на государственном уровне лишь отчасти достигают цели – формирования у граждан России установки на постоянную заботу о своем здоровье. По данным официальной статистики, популярность физической активности у населения страны в последние годы растет – на фоне не менее интенсивного распространения «саморазрушающего поведения» (алкоголь, курение). Личный пример политиков, тиражируемый СМИ, «нередко вызывает у аудитории… отторжение с элементами сарказма и иронии» [Паутов, Паутова, 2014, с. 499]. Поэтому говорить об успехе мер по внедрению принципов ЗОЖ в современной России пока преждевременно, заключают И.С. и Н.И. Паутовы [Паутов, Паутова, 2014, с. 502].

Н.Л. Антонова и А.В. Меренков (Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург) обсуждают практические аспекты ЗОЖ с точки зрения формирования культуры здоровьесбережения (КЗС) в среде российского студенчества [Антонова, Меренков, 2016]. Под культурой (или практикой) здоровьесбережения авторы подразумевают «систему ценностных, когнитивных, потребностно-мотивационных, поведенческих механизмов, ориентированных на создание и воспроизводство в структуре образа жизни индивида / социальной группы практик, связанных с сохранением, укреплением и развитием жизненных сил личности» [Антонова, Меренков, 2016, с. 92]. Иными словами, речь идет о навыках соблюдения режима труда и отдыха, который позволяет восстанавливать ресурсы организма, израсходованные в повседневной жизни. Формирование КЗС начинается в семье, продолжается в школе, а затем в вузе и / или в процессе трудовой деятельности, когда молодой человек начинает сознательно использовать и совершенствовать приемы психофизической са-

мореабилитации посредством «умело организованного отдыха и физических упражнений», поясняют свою мысль уральские социологи. В своем эмпирическом исследовании они стремятся выяснить, насколько студенческая молодежь успешна и последовательна в реализации имеющихся в их жизненном багаже практик здоровьесбережения.

В проекте участвовали 360 студентов Уральского федерального университета (2–3 курсы бакалавриата; в выборке было представлено равное число студентов – естественников и гуманитариев, а также юношей и девушек). 17 человек из числа опрошенных по своему желанию приняли участие в глубинных интервью в целях «более детального изучения проблематики восстановления физических и психических сил организма» в течение семестра и после экзаменационной сессии [Антонова, Меренков, 2016, с. 93]. По итогам опросов и интервью авторы статьи смогли выделить несколько тем, наиболее релевантных их исследовательской задаче:

а) курение, употребление алкоголя и наркотиков (10% опрошенных употребляли алкоголь регулярно, каждый четвертый, однако, сознательно отказывался от спиртных напитков из-за боязни приобрести алкогольную зависимость либо вследствие плохой наследственности; все опрошенные указали, что им известно о том, что алкоголь пагубно сказывается на здоровье; 70% респондентов впервые закурили в подростковом возрасте, основная масса сохранила эту привычку в вузе, подавляющее большинство знали об опасности приобретения никотиновой зависимости; 29% опрошенных имели тот или иной опыт употребления наркотических и одурманивающих веществ, при этом только 4% опасались наркозависимости);

б) знание о предрасположенности своего организма к тем или иным заболеваниям (лишь 14% опрошенных владели такой информацией, полученной от родителей или врачей; прочие респонденты сообщали, что им никто никогда ничего подобного не говорил);

в) работа за компьютером (89% участников проекта считали Интернет главным подспорьем в учебе; абсолютное большинство ежедневно проводили не менее пяти часов за монитором и при этом не располагали никакой информацией о правильном режиме работы за компьютером; 27% жаловались на регулярные головные боли, 14% отмечали регулярное повышение давления);

г) рациональное питание (55% опрошенных регулярно употребляли в пищу вредные для здоровья продукты – фастфуд; каждый четвертый вообще не признавал никаких пищевых ограничений; девушки чаще юношей обращали внимание на сроки годности продуктов, калорийность и наличие пищевых добавок);

д) занятия спортом (57% респондентов включали физическую активность в свои повседневные практики, но из них 64% ограничивались посещением обязательных занятий в рамках учебной программы).

Результаты опросов свидетельствуют о том, пишут в заключение Н.Л. Антонова и А.В. Меренков, что у респондентов отсутствуют систематические знания и навыки, которые составляют базис КЗС и способствуют восстановлению ресурсов организма. 16% опрошенных считали главным механизмом реабилитации рациональное питание, 15% – прогулки на свежем воздухе, 8% – оздоровительные процедуры, 4% – «диванный отдых». Таким образом, наличная КЗС студентов имеет фрагментарный характер, демонстрируя очевидные противоречия между информированностью молодых людей о методах поддержания физической и умственной активности, правильном питании, вреде алкоголя, курения и наркотиков, с одной стороны, и «практикой нарушения норм и правил ведения ЗОЖ» – с другой [Антонова, Меренков, 2016, с. 98]. Одним из способов изменения сложившегося положения вещей уральские социологи считают создание в вузе особой здоровьесберегающей среды, в границах которой «будет активно поддерживаться потребность в нормальной работе организма при наличии условий для ее удовлетворения» [Антонова, Меренков, 2016, с. 99].

Проблеме ЗОЖ в контексте молодежных практик обращения со своим телом посвящена статья сотрудников Центра молодежных исследований (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) Я.Н. Крупец и Н.А. Нартовой [Крупец, Нартова, 2014]. Петербургские социологи анализируют телесную культуру российской молодежи (на примере студентов вузов и молодых профессионалов, проживающих в северной столице) с точки зрения доминирующих представлений о «правильном теле», нормах и критериях его оценки и способов «весорефлексивного» конструирования телесности как элемента Я-идентичности. Эмпирическую базу исследования, проведенного авторами в Санкт-Петербурге в 2013 г., составили 40 лейтмотив-

ных полуструктурированных интервью с юношами и девушками 15–20 лет (окончание подросткового периода; физиологическая трансформация тела; формирование референтных групп) и 25–30 лет (начало трудовой деятельности; освоение требований к внешнему виду, необходимому для карьерного роста; накопление социальных компетенций в обращении с телом и их критическое осмысление). Фокусом исследования являлась взаимосвязь между физическим телом, его повседневным восприятием и контролированием, а также телесной культурой образованной городской молодежи. Задача состояла в том, чтобы выяснить, как именно респонденты интерпретируют физические параметры своего тела в качестве социально значимого аспекта «образа Я» [Крупец, Нартова, 2014, с. 524].

Краткий обзор западной и отечественной литературы, так или иначе затрагивающей тему телесности в молодежной культуре постмодерна[1], позволяет авторам настоящей статьи обозначить стержневое направление социологических дискуссий последних десятилетий. Это вопрос о том, в какой мере конструирование тела является саморефлексивным (свободным) проектом (по Гидденсу), а в какой – результатом социокультурного принуждения. В эмпирических исследованиях, как правило, речь идет о трех агентах влияния на формирующуюся телесную культуру молодого поколения позднего модерна: массмедиа, семья и «значимые другие» (обычно сверстники). Тиражируемый СМИ образ «худого тела» как совершенной телесной формы XXI в. достаточно популярен в молодежной среде. Тем не менее в повседневной жизни молодые люди постоянно сталкиваются с противоречием между медийным идеалом (модель-

[1] Ярская-Смирнова Е.Н., Романов П.В. Границы тела: Биовласть публичной автономии // Теория моды: Одежда, тело, культура. – М., 2013. – № 30. – С. 137–159; Нартова Н.А. Как корабль назовешь, так он и поплывет: Тело здоровья и болезни в молодежной повседневности // PRO тело. Молодежный контекст / Под ред. Е.Л. Омельченко, Н.А. Нартовой. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 205–236; Featherstone M. The body in consumer culture // The body, social process and cultural theory / Ed. by M. Featherstone, M. Hepworth, B. Turner. – L.: SAGE, 1991. – P. 170–198; Haworth-Hoeppner S. The critical shapes of body image: The role of culture and family in the production of eating disorders // J. of marriage a. family. – Minneapolis (MI), 2000. – Vol. 62, N 1. – P. 212–227; Haff D.R. Racial / ethnic differences in weight perceptions and weight control behaviors among adolescent females // Youth a. society. – Thousand Oaks (CA), 2009. – Vol. 41, N 2. – P. 278–301.

ная внешность) и далекими от идеала «телами на улице» (в особенности с учетом современной тенденции к увеличению числа людей с избыточной массой тела). Семья остается влиятельным фактором телесной социализации подростка, который, однако, может следовать предлагаемым практикам и критериям нормы либо отвергать их в знак протеста против неблагоприятной семейной атмосферы. Молодежные сообщества, в особенности субкультуры, часто диктуют собственные стандарты телесности и связанные с ними рутинные практики. Так, в школах Северной Европы эти стандарты все чаще сопрягаются с пропагандой ЗОЖ и правильного питания, в противовес «пищевой девиации» (фастфуд)[1].

Таким образом, заключают Я.Н. Крупец и Н.А. Нартова, молодежь вовлечена во множество контекстов, регламентирующих процесс «производства тела»; вместе с тем она имеет возможность «отвоевывать относительную автономность» в интерпретации своего телесного облика, прежде всего в границах внутригрупповых представлений и нормативов [Крупец, Нартова, 2014, с. 528]. Авторы полагают, что популярные сегодня исследования отдельных аспектов телесности необходимо дополнить изучением общей телесной культуры, формирующейся и поддерживаемой на уровне повседневных толкований и рутинных действий. Такой подход особенно актуален для современного российского общества, которое «находится в процессе интенсивного становления нового биополитического порядка» и «идеологии “правильного тела” (здорового, репродуктивного, выполняющего нормы ГТО)» [там же]. В связи с этим петербургские социологи предлагают рассматривать формирование телесной культуры российской молодежи как процесс, для которого характерны рефлексия, фоновое беспокойство и набор определенных практических компетенций.

Анализ эмпирических данных, полученных в ходе реализации проекта, позволил авторам сделать вывод о существовании в среде образованной городской молодежи Санкт-Петербурга «весорефлексивной (или весосвязанной – от англ. *weight-related*) культуры» как широкого и разделяемого (общего для 16- и 29-летних) контекста «толкования и проживания тела» [Крупец, Нартова, 2014,

[1] Bugge A.B. Young people’s school food styles: naughty or nice? // Young. – L., 2010. – Vol. 18, N 2. – P. 223–243.

с. 529][1]. Рефлексивность в данном случае касается связи между весом и телом и включает как нормативные социокультурные версии, так и личностные и групповые интерпретации нормы / отклонений. Ключевыми моментами весорефлексивной культуры респондентов являлись:

а) повседневный рутинизированный мониторинг тела с точки зрения его размеров и формы;

б) сравнение себя с другими и получение внешней оценки;

в) набор компетенций, связанных с производством желаемого тела и контролем за его формой и размером (режим питания, свойства продуктов, фитнес, диеты);

г) гендерная нейтральность формирующейся телесной культуры.

Весорефлексивная культура задает общие ориентиры восприятия своего физического облика и способов его культивирования, что выражается в ряде специфических повседневных практик молодых людей и приводит к возникновению перманентного (фонового) беспокойства относительно размеров и формы собственного тела. Главным предметом такого беспокойства, о чем так или иначе сообщали все участники проекта, выступали «боязнь растолстеть» и сопутствующее ей стремление «быть как можно более худым», поскольку «худоба являлась ключевым удовлетворяющим или желанным телесным размером», отмечают авторы [Крупец, Нартова, 2014, с. 531]. Нормативное беспокойство тесно связано с постоянным недовольством молодых людей своей внешностью, что является еще одним содержательным параметром молодежной весорефлексивной культуры. Способы же достижения и сохранения желанного физического идеала (ограничения в еде, физическая нагрузка, занятия фитнесом, следование диетам) чаще всего носят эпизодический характер и нацелены на достижение сиюминутного результата («если я завтра хочу надеть обтягивающее платье, то с вечера не ем») [Крупец, Нартова, 2014, с. 532]. Таким образом, пишут в заключение Я.Н. Крупец и Н.А. Нартова, в среде городской образованной молодежи Северной столицы доминирует телесная норма, отвечающая логике «худой – значит нормальный». Однако

[1] Sizing up peers: Adolescent girls' weight control and social comparison in the school context / Mueller A.S., Muller Ch., Pearson J., Frank K., Turner A. // J. of health a. social behavior. – Berkeley (CA), 2010. – Vol. 51, N 1. – P. 64–78.

данная логическая цепочка не получает ожидаемого продолжения в виде регулярного следования принципам ЗОЖ в повседневной жизни.

Структура правильного питания как элемента ЗОЖ обсуждается в публикации социологов Е.Ю. Ганскау (независимый исследователь, Санкт-Петербург) и В.Н. Мининой (Санкт-Петербургский государственный университет) [Ганскау, Минина, 2015]. В статье нашли отражение результаты глубинных интервью с жителями северной столицы на тему «Что такое правильный обед и каково его место в повседневных практиках питания?». Авторы видят свою задачу в том, чтобы восполнить пробел в отечественной социологии, для которой, в отличие от западной традиции, «правильная еда» (proper meal) до сих пор не является предметом специального рассмотрения. Пионерами в теоретическом и эмпирическом освоении этой темы были британские социологи (70–80-е годы прошлого века)[1]; в дальнейшем концепция правильной еды получила развитие в работах исследователей из стран Северной Европы[2]. Фокусом ее выступают нормативные характеристики еды как социального, а не гастрономического либо медицинского феномена; с социологической точки зрения правильная еда – это «социальный конструкт, формируемый под воздействием сложного комплекса социальных структур», – подчеркивают Е.Ю. Ганскау и В.Н. Минина [Ганскау, Минина, 2015, с. 84].

Существующие западные способы концептуального осмысления феномена правильной еды касаются характера приготовления и процедуры потребления вкусной, свежей и полезной пищи. Обед – это «главная еда» дня; его порядок и содержание структурируются культурными нормами и правилами (состав блюд, их компоненты, способы приготовления и контекст употребления в пищу). В Великобритании «proper meal» – это обед, приготовленный с заботой и любовью женой или матерью в домашних услови-

---

[1] Murcott A. On the social significance of «cooked dinner» in South Wales // Social science information. – P., 1982. – Vol. 21, N 4–5. – P. 677–696; Charles N., Kerr M. Women, food and families. – Manchester: Manchester univ. press, 1988; Marshall D.W., Anderson A.S. Proper meals in transition: Young married couples on the nature of eating together // Appetite. – Singapore, 2002. – Vol. 39, N 3. – P. 192–206.

[2] Mäkelä J. The meal format // Eating patterns: A day in the lives of Nordic peoples / Ed. by U. Kjærnes. – Lysaker: SIFO, 2001. – P. 125–158.

ях; его основными компонентами считаются запеченное мясо, вареные овощи и соус, придающий блюду цельность. Правильный обед в данном случае – это антипод перекуса и полуфабрикатов. В Норвегии правильная еда – это также приготовленные (т.е. не купленные в супермаркете) блюда с овощным гарниром, в Финляндии – горячее блюдо с салатом, в Швеции – еда, состоящая из животного белка и гарнира. Таким образом, в европейских описаниях правильной еды доминируют традиционные блюда, закрепленные в национальной культуре, подчеркивают петербургские социологи. Как показывают эмпирические исследования, представления о правильной еде не всегда находят воплощение в повседневной жизни (норвежцы чаще других европейцев питаются правильно, то же самое касается женщин по сравнению с мужчинами и представителей старшего поколения по сравнению с молодежью). Небольшое число отечественных материалов, дающих информацию о практиках питания в современной России, показывают, что только около 50% считают, что питаются правильно, т.е. соблюдают режим питания, обращают внимание на калорийность и полезность продуктов, входящих в повседневный рацион, и следят за своим весом [Ганскау, Минина, 2015, с. 85].

В ходе опроса жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, проведенного авторами статьи в 2014 г.[1], были сформулированы следующие исследовательские вопросы: а) как обедают петербуржцы в будни? б) какова их интерпретация понятия «правильный обед»? в) что они считают правильным / неправильным в своей обеденной практике? г) что мешает им реализовать правила правильного питания в повседневной жизни? Методологической основой проекта послужил подход к изучению повседневного питания, разработанный исследователями из Северной Европы. С этой точки зрения еда (обед) рассматривается как «событие», или социально организованный, структурированный во времени и пространстве прием пищи, который подразумевает тот или иной режим, а также формат и социальный контекст[2].

---

[1] Опрашивались 800 респондентов трудоспособного возраста, которые предположительно не имели возможности обедать дома в будние дни.

[2] The modernization of Nordic eating / Holm L., Ekström M.P., Gronow J., Kjærnes U., Lund T.B., Mäkelä J., Niva M. // Anthropology of food. – Sallebœuf, 2012. – N 7. – Mode of access: http://aof.revues.org/6997 [Accessed 10.11.2017.]

В процессе анкетирования опрошенные жители Санкт-Петербурга рассказывали, как они обедают в будни, чем сопровождается прием пищи, каков состав обедающих вместе с ними, а также сообщали об изменениях в этих практиках, если таковые имели место в последние годы. Как оказалось, для большинства респондентов обед был и остается важнейшим повседневным «событием еды». В состав этой самой большой и сложной по составу еды на протяжении дня входит горячее блюдо (суп и / или второе), обычно мясо и картофель; закуски и десерты упоминались реже; большинство опрошенных отдавали предпочтение домашней (приготовленной) еде. Понимание правильного обеда как прежде всего «полезной пищи» ассоциировалось у участников опроса с соблюдением режима питания, сбалансированным рационом, наличием определенных продуктов (свежие овощи, рыба); тем не менее цельное свежеприготовленное мясо все же считалось доминантой обеда. Ряд респондентов настаивали на достаточности одного блюда для насыщения в обед. Кроме того, правильный обед в основном ассоциировался с определенной атмосферой и отдыхом от работы, т.е. с приятным времяпрепровождением. Большинство респондентов использовали любую возможность, чтобы пообедать дома, даже поздно вечером, после работы. Опрошенные не демонстрировали предпочтений в выборе тех, с кем обедать; чаще всего социальный контекст обеда упоминался в связи с другими факторами (рацион и режим питания), так что в их представлении правильный обед – не обязательно семейный. Вместе с тем респонденты отдавали себе отчет в том, что они не слишком часто следуют критериям «правильного обеда» в повседневной практике, оправдывая себя нехваткой времени и, реже, нежеланием стоять у плиты.

В целом, заключают авторы статьи, в представлении опрошенных о правильном обеде доминировали традиционные блюда русской (и отчасти советской) кухни, приготовленные особым образом из свежих продуктов; немаловажными его характеристиками выступали также режим питания и полезность ингредиентов. В этом смысле «правильный обед петербуржца» отвечает гастрономическим канонам, описанным в академической социологической литературе. Вместе с тем часть респондентов демонстрировали определенные трансформации представлений о надлежащем питании, что обусловлено ритмом жизни в мегаполисе, а также предпочте-

нием иных вариантов питания, чем те, которые были унаследованы из семейной (советской) практики (много обязательных блюд, включая суп; жирная калорийная пища; большие порции; семейные застолья).

Список литературы

1. Антонова Н.Л., Меренков А.В. Культура здоровьесбережения студенческой молодежи: Противоречия становления и развития // Журнал социологии и социальной антропологии – СПб.: СПбГУ: Социологический институт РАН, 2016. – Т. 19, № 2. – С. 88–100.
2. Ганскау Е.Ю., Минина В.Н. Правильный обед глазами петербуржцев // Журнал социологии и социальной антропологии – СПб.: СПбГУ: Социологический институт РАН, 2015. – Т. 18, № 1. – С. 83–98.
3. Крупец Я.Н., Нартова Н.А. «Худой значит нормальный»: Управление телом в среде городской молодежи // Журнал исследований социальной политики. – М., 2014. – Т. 12, № 4. – С. 523–538.
4. Паутов И.С., Паутова Н.И. Продвижение здорового образа жизни как инструмент реализации государственной политики в сфере охраны здоровья в современной России // Журнал исследований социальной политики. – М., 2014. – Т. 12, № 4. – С. 493–508.
5. Политика тела: От редакции // Журнал исследований социальной политики. – М., 2014. – Т. 12, № 4. – С. 491–492.

СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

2018.01.006. КРЕВАНИ Л., ХАЛЛИН А. ПЕРФОРМАТИВНЫЙ НАРЦИССИЗМ: КОГДА ОРГАНИЗАЦИИ СТАНОВЯТСЯ УСПЕШНЫМИ, ВЫЗЫВАЮЩИМИ ВОСХИЩЕНИЕ И УНИКАЛЬНЫМИ БЛАГОДАРЯ НАРЦИССИЧЕСКОЙ РАБОТЕ.
CREVANI L., HALLIN A. Performative narcissism: When organizations are made successful, admirable and unique through narcissistic work // Management learning. – L., 2017. – Vol. 48, N 4. – P. 431–452.

Ключевые слова: нарциссическая работа; перформативный нарциссизм; перформативность; социоматериальный процесс; экспрессивные организации.

В то время как ответственное, этичное и в корне противоположное нарциссическому поведение традиционно считается необходимым условием успешного функционирования организации, Лючия Кревани и Анетта Халлин (Университет Мелардален, г. Вестерос, Швеция) в рамках своего исследования пытаются расширить наше представление о роли корпоративного нарциссизма. С этой целью они прибегают к детальному анализу тех механизмов организационной деятельности, которые работают на создание имиджа успешной, достойной восхищения и уникальной компании. Утверждается, что доминирующая в академической среде интерпретация нарциссизма как чего-то априори деструктивного сужает возможности понимания организационных процессов, навязывая упрощенные объяснительные схемы. Авторы, в свою очередь, полагают более целесообразным использование альтернативного подхода: рассмотрение нарциссизма не в качестве патологии, а как всепроникающую в деятельность любой организации практику – перформативный нарциссизм [с. 431].

Поясняя новизну своего подхода, Л. Кревани и А. Халлин констатируют, что большая часть исследований организационного

нарциссизма основывается на программной работе Эндрю Брауна «Нарциссизм, идентичность и легитимность» (1997)[1]. Однако зачастую к выявлению причин корпоративных кризисов эксперты приступают с заранее продуманными выводами, пытаясь ретроспективно подобрать доказательства справедливости «приговора», уже вынесенного ими организационному нарциссизму. Между тем предлагаемая Э. Брауном теоретическая рамка значительно шире и позволяет выйти за границы интерпретации нарциссизма как случайной и требующей устранения патологии, с тем чтобы увидеть в нем непрерывный процесс регулирования самооценки, в который оказываются вовлечены индивиды и организации. Признавая высокую эвристичность исследования Брауна, авторы не вполне согласны с ним в методологическом плане. Следуя интерпретационным схемам, заданным произошедшим в теории менеджмента «поворотом к перформативности», они отказываются от рассмотрения организаций как целостных систем, подчеркивая динамическую, процессуальную, конструируемую природу последних [с. 432].

Рассказывая о переносе понятия нарциссизм из психоанализа в теорию организаций, авторы подчеркивают, что специфика психоаналитической интерпретации нарциссизма не совпадает с мифологическими и литературно-художественными толкованиями. С позиции теории либидо Фрейда, нарциссизм следует понимать как заряд энергии для эго, который реализуется двояким образом. Первично – как изначальный источник либидозной энергии эго, от которого позднее осуществляется отход в пользу объектов, причем этот первичный нарциссизм следует за стадией аутоэротизма. Вторично нарциссизм возникает через включение привязанности к объекту, при этом эго-либидо и объектное либидо взаимозависимы: чем больше потребляет одно, тем больше нищает другое. Однако в 1970-х годах фокус научного интереса сместился в сторону анализа патологических проявлений нарциссизма, что привело к нагрузке самого термина негативными коннотациями, и именно в таком виде он проник в теорию организаций.

Обобщая выводы ряда психоаналитических исследований, Э. Браун выделяет шесть проявлений нарциссизма, или защитных

[1] Brown A.D. Narcissism, identity and legitimacy // Academy of management rev. – N.Y., 1997. – Vol. 22, N 3. – P. 643–686.

механизмов эго, критически важных для выстраивания и регулирования самооценки. Таким образом, нарциссизм рассматривается как естественный феномен, характеристиками которого являются: отвержение (denial); рационализация (rationalization); самовосхваление (self-aggrandizement); атрибутивный эготизм (attributional egotism); непомерное самомнение (sense of entitlement) и тревожность (anxiety) [с. 433].

Авторам представляется, что теоретическая рамка Э. Брауна может быть расширена за счет подключения к ней онтологии перформативности. В своей работе Э. Браун выделяет три измерения деятельности компаний – индивидуальное, групповое, организационное – и предлагает изучать их независимо друг от друга. С обращением к онтологии перформативности необходимость такого рода аналитического разграничения ставится под сомнение, поскольку организации признаются существующими, лишь когда люди и объекты функционируют под их именем. Таким образом, открывается возможность исследования нарциссизма через рассмотрение сложившихся в организации практик. Требуется ответить на два вопроса: как формируются нарциссические признаки и в какого рода деятельности они оказываются востребованы. Вместо попыток определения некого абстрактного *состояния* организации перформативное исследование включает в себя отслеживание *социальных действий* по трем выделенным Брауном измерениям на протяжении определенного периода времени и анализ того, как эти действия последовательно производят и воспроизводят данную организацию [с. 434].

В настоящей статье нарциссическая работа определяется как деятельность, которая реконструирует организацию в качестве сверхуспешной и единственной в своем роде; рассматривается практика выстраивания позитивной самооценки за счет адаптации и воспроизводства социокультурного идеала организации, заслуживающей восхищения[1]. Сочетая концепцию Э. Брауна и элементы онтологии перформативности, Л. Кревани и А. Халлин фокусируются на специфике реализации организационной работы в контек-

[1] Kohut H. The analysis of the self: A systematic approach to the psychoanalytic treatment of narcissistic personality disorder. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1971; Tyler I. From «the me decade» to «the me millennium»: The cultural history of narcissism // International j. of cultural studies. – L., 2007. – Vol. 10, N 3. – P. 343–363.

сте развертывания процессов отвержения, рационализации, самовосхваления, продуцирования атрибутивного эготизма, непомерного самомнения и тревожности.

В качестве объекта исследования была выбрана небольшая шведская инжиниринговая компания *CleanTech*, специализирующаяся на внедрении экологически чистых технологий. На момент проведения исследования в *CleanTech* работали 23 сотрудника, четверо из которых являлись собственниками фирмы. При этом руководство всячески подчеркивало, что основным принципом управления в компании является стратегия распределенного лидерства. Отмечается, что все сотрудники, включая гендиректора, сидели в большом офисе открытого типа и атмосфера в целом носила расслабленный и неформальный характер. При этом фирма была успешна в коммерческом плане и неоднократно занимала высокие места на различных отраслевых конкурсах национального и регионального уровней. Даже веб-сайт *CleanTech* отличался некоторой претенциозностью в сравнении с официальными интернет-страничками организаций такого же масштаба. Подробнейшее описание пути, проделанного фирмой, завершалось тезисом: «Мы рады поделиться нашим опытом», – свидетельствующим о самоотождествлении организации с образом компании – гуру в своей отрасли [с. 444]. Претензии на уникальность и наличие особой миссии отражались также в организации рабочего пространства и специфических традициях *CleanTech*. Все нанятые сотрудники проходили процедуру посвящения в «рыцари *CleanTech*», в ходе которой каждому вручалась личная грамота с гербом фирмы. Эти грамоты вывешивались на стене главного конференц-зала компании рядом с девизом: «Мы – рыцари. Наш меч – это наши знания и профессиональный опыт. Наше копье – это наше чувство долга. Наши щит и шлем – это наши доверие и вера. Наши отношения с покупателями и коллегами – конь, несущий нас. Борьба за будущее происходит в настоящем» [с. 439]. Такая увлеченность рыцарской тематикой, продиктованная желанием выделиться из общего ряда малых предприятий отрасли, воплотилась в специфической лексике, использовавшейся сотрудниками *CleanTech* для описания деятельности своей организации: битва, враг, доблесть, смелость, посвящение и т.п.

Полевой этап исследования длился около года (2007) и заключался в сборе первичной социологической информации мето-

дами наблюдения, опроса, анализа письменных источников. Цитируя Барбару Чарнявску[1], авторы отмечают, что собранные интервью «не рассматривались как окно в социальную реальность, но как... часть этой реальности», что предполагало их интерпретацию как пространств социального конструирования реальности [с. 435]. Первичная кодировка данных осуществлялась средствами программного пакета *NVivo*.

Каждую из характеристик нарциссизма, перечисленных в исследовании Э. Брауна, Л. Кревани и А. Халлин соотнесли с реальной деятельностью и декларируемой политикой компании *CleanTech* [с. 436]. Отмечается, что когда в процессе интервьюирования сотрудники обнаруживали несовпадение результатов кадровой политики *CleanTech* и ее имиджа уникальной и ответственной компании, они прибегали к процедуре рефрейминга, успешно подавляя фрустрированность и воссоздавая непротиворечивый в своей исключительной позитивности образ собственной организации.

Так, например, в статье рассматривается пример актуализации механизма отвержения. Рассказывается, что в отчет, подготовленный Шведской ассоциацией владельцев предприятий, генеральный директор *CleanTech* включила историю о том, как некая Клэр (бухгалтер фирмы), выйдя на работу сразу после рождения ребенка, временно получила в свое распоряжение кабинет руководства, поскольку это была единственная комната, запиравшаяся на ключ. Последнее обстоятельство было крайне важно для Клэр, решившей сохранить неполный рабочий день и приносить дочь с собой в офис. Безусловно, кормить и переодевать ребенка в открытом пространстве ей было бы крайне неудобно. Однако тот же самый эпизод можно расценить гораздо менее позитивно, представив его не как «пример наилучшей практики», а как свидетельство пренебрежения руководством фирмы правом своих сотрудников на получение отпуска по уходу за ребенком. Соответственно, когда гендиректор описывает свою компанию в качестве щедрой организации (готовность руководителя передать свой кабинет сотруднику) с лояльным персоналом (настроенность Клэр на работу и ее желание вернуться в коллектив), она подключает механизм отвержения.

[1] Czarniawska B. Narratives in social science research. – L.: SAGE, 2004. – P. 49.

В числе прочего отвергается возможность поддержать Клэр именно как родителя, а не как сотрудника. Поскольку стремление работать полагается более значимым, чем забота о ребенке, этот нарратив также воспроизводит маскулинность универсального и бесплотного работника – конструкцию, на которой традиционно базируется классическая теория управления. При этом в ходе интервью сама Клэр упомянула об этой истории как о чем-то хорошем и в своем роде уникальном, возможном только в компании, которой управляет женщина [с. 437].

Описав неоднозначные проявления шести перечисленных Брауном признаков нарциссизма в жизни организации, авторы проанализировали элементы, обеспечивающие эти проявления. И первый вывод, к которому они пришли, заключается в том, что нарциссическая работа должна рассматриваться как социоматериальный процесс, соединяющий людей, объекты, животных и пространства во взаимосвязанные, неустойчивые совокупности, складывающиеся за счет практик самовоспроизводства организации как успешной и единственной в своем роде (см. табл.).

Второй значимый вывод, сделанный авторами по итогам исследования, состоит в том, что нарциссическая работа мобилизует элементы не только внутри границ организации, но и за пределами последней. Так, например, в поддержании «непомерного самомнения» помимо сотрудников организации были задействованы ученые, представители других компаний, политики и т.д., оказавшиеся вовлеченными в работу этого нарциссического механизма через практики участия в научно-исследовательских проектах, а также через взаимодействие в рамках бизнес- и политического сообществ [с. 447].

Конструкт перформативного нарциссизма позволяет «ухватить» группировку и перегруппировку смыслов, которая постоянно происходит в организации. Эти установочные процессы осуществляются тремя различными способами: путем *мобилизации* успеха, *оценки* успеха и *поддержания* успеха. Через практики, продуцирующие «непомерное самомнение» и атрибутивный эготизм, организационный успех мобилизуется таким образом, что рассматривается в качестве очевидного и естественного для организации. Самовосхваление дает организации возможность сохранять высокую самооценку и утверждать себя в качестве достойного примера для подражания не только в финансово-экономическом, но и в мо-

ральном плане. И, наконец, за счет практик отвержения, рационализации и тревожности, поражения прошлого и потенциальные угрозы подвергаются рефреймингу, с тем чтобы сохранить уверенность в правильности выбранного пути. При этом всячески подчеркивается уникальность организации, что отражается в активном использовании таких тезисов, как «это *наш* опыт ведения бизнеса», «это *наш* подход к делу».

Таблица (с. 446)

Социоматериальные аспекты осуществления нарциссической работы

	Практики	Люди	Объекты / Средства / Животные	Пространства / Позиции
1	2	3	4	5
Отвержение	Предоставление молодым родителям возможности работать неполный рабочий день, брать ребенка на работу	Сотрудник; ребенок сотрудника	Статистика по больничным листам; финансирование программ повышения квалификации; отчеты (подготовленные в рамках научно-исследовательских проектов или заинтересованными организациями); газетные статьи; презентации на различного рода бизнес-форумах	Кабинет директора
Рационализация	Групповые тренинги; стимулирование атмосферы творчества в коллективе; допущения несогласия со стороны подчиненных	Сотрудники, коуч	Инструмент *FIRO*[1] в управлении отношениями людей в рабочей среде; буклет CleanTech *«Healthy and wealthy»*	Веб-сайт компании

[1] Инструмент FIRO (англ. *fundamental interpersonal relations orientation* – базовые ориентации межличностных отношений) – предложенная в 1958 г. американским психологом У. Шутцем теория, согласно которой основными межличностными потребностями людей являются контроль, включенность и привязанность, а все остальные могут быть описаны в рамках этих трех. – *Прим. реф.*

1	2	3	4	5
Самовосхваление	Создание, регулярное проведение и рассказы о «церемонии посвящения»; использование метафор рыцарства, служения и борьбы в описании деятельности фирмы	PR-консультант; сотрудники; заместитель гендиректора; журналисты; исследователи	Рыцарская атрибутика в интерьерах и рыцарская символика в имиджевой продукции фирмы; написанные исследователями и журналистами тексты, воспроизводящие миф о *CleanTech* как о рыцаре, бьющемся за сохранение экологии для последующих поколений	Природа (леса, озера, реки); главный конференц-зал; офис открытого типа
Атрибутивный эготизм	Поддержка заболевших сотрудников; возможность работать из дома в случае необходимости присмотреть за заболевшим ребенком	Сотрудники; дети сотрудников	Статистика по больничным листам	Дома сотрудников
«Непомерное самомнение»	Участие в научно-исследовательских проектах; выстраивание сетей взаимодействия с акторами политической власти и бизнеса	Исследователи; представители других компаний; политики; представители профессиональных ассоциаций; ученые	Буклет CleanTech *«Healthy and wealthy»*; письменные материалы, подготовленные независимыми акторами; презентации *PowerPoint*	Профессиональные ассоциации; университеты; политические институты; Интернет
Тревожность	Тимбилдинг; коучинг	Сотрудники	Заявления о фундаментальных ценностях компании; корпоративная культура; информационное освещение деятельности компании	Веб-сайт

Л. Кревани и А. Халлин предостерегают от вынесения априорных негативных оценочных суждений относительно поведения людей или целей организации. Нарциссическая работа – это не результат чьей-либо индивидуальной патологии или нарциссической групповой динамики. Термин в большей степени подходит для описания повседневной деятельности, направленной на то, чтобы представить организацию настолько успешной, насколько этого требуют задаваемые современной предпринимательской средой стандарты. При этом социоматериальный и всепроникающий характер нарциссической работы не означает отсутствия трений и напряжения между различными организационными элементами в процессе ее осуществления, резюмируют авторы.

А.М. Понамарева

2018.01.007. ОСВОЕНИЕ КОСМОСА ОТКРЫВАЕТ НОВУЮ ОБЛАСТЬ КОМАНДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ / МЕСМЕР-МАГНУС Дж.Р., КАРТЕР Д.Р., АСЕНСИО Р., ДЕ ЧЁРЧ Л.А.
Space exploration illuminates the next frontier for teams research / Mesmer-Magnus J.R., Carter D.R., Asencio R., DeChurch L.A. // Group a. organization management. – Newbury Park (CA), 2016. – Vol. 41, N 5. – P. 595–628.

Ключевые слова: командная динамика; командная эффективность; коллективное принятие решений; космос.

С появлением у Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) задачи по отправке полноценной пилотируемой экспедиции на Марс стало очевидно, что осуществление подобной миссии потребует мобилизации знаний из самых разных областей науки, в том числе последних наработок в сферах психологии, теорий коммуникации и командообразования.

Эффективная работа в команде является обязательным условием успешной реализации экспедиции на Красную планету. В настоящее время перед экспертами, специализирующимися на проблематике теории организаций и организационного поведения, стоит сложнейшая задача – выработать рекомендации по оптимизации взаимодействия экипажа в условиях длительного (эквива-

лентного 142 полетам к Луне), отличающегося высокой автономностью космического путешествия.

В сотрудничестве с НАСА коллектив авторов из США – Джессика Месмер-Магнус (Университет Северной Каролины в Уилмингтоне), Дороти Картер (Университет Джорджии, г. Атенс), Ракель Асенсио (Университет Пердью) и Лесли де Чёрч (Северо-Западный университет в Эванстоне) – провели исследование, направленное на выявление новых вызовов и задач в области командообразования, возникающих в контексте подготовки марсианского проекта. Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе интервьюирования экспертов в области пилотируемого освоения дальнего космоса (астронавтов, работавших на МКС, психологов, тренеров, менеджеров программ, инженеров и т.п.). Обращение авторов к методу экспертного опроса позволило им прийти к более глубокому пониманию командных рисков совместной работы в условиях освоения космоса на протяжении длительного периода времени (LDSE, long-duration space exploration) [с. 596].

По утверждению специалистов НАСА, командный риск (team risk), т.е. «потенциальное снижение производительности (эффективности) из-за недостаточных сотрудничества, координации, коммуникации и / или психосоциальной адаптации как внутри самого экипажа и группы наземной поддержки, так и между ними», может стать одним из наиболее серьезных препятствий для благополучного завершения марсианской миссии[1]. Разнородному в культурном и профессиональном планах экипажу предстоит работа в крайне опасных условиях, сопряженная с колоссальной психологической нагрузкой и физическим напряжением, многократно возрастающими с учетом невозможности покинуть «рабочее место» до окончания программы. Сфера актуализации подобного типа «экстремальных» команд, отмечают авторы, не ограничивается космическим пространством. Они формируются в таких областях деятельности, как полярные исследования, глубоководная добыча нефти, коммерческая подледная рыбалка, проведение силовых операций специального назначения и т.п.

---

[1] NASA's efforts to manage health and human performance risks for space exploration. – Wash., 2015. – Oct 29. – Mode of access: https://oig.nasa.gov/audits/reports/FY16/IG-16-003.pdf [Accessed 05.09.2017.]. – (Report N IG-16–003).

На основе анализа проведенных интервью исследователи выявили семь принципиальных особенностей «экстремальных» команд, без учета которых представляется невозможным решение поставленной НАСА задачи по выявлению потенциальных командных рисков при работе в космосе.

Первая особенность заключается в том, что командные условия в значительной степени определяют производительность и общее состояние каждого из участников группы, а соответственно – результативность последней. Цитируя известные управленческие максимы («Цепь настолько сильна, насколько сильно ее самое слабое звено»; «Одно гнилое яблоко может испортить весь бушель»), авторы подчеркивают важность правильного отбора членов команды еще на начальном этапе формирования потенциальной «Дрим тим». Отношения отдельных участников и команды описываются в терминах взаимовлияния и постоянно трансформируются в зависимости от изменения контекста взаимодействия. Командные условия могут повлиять на готовность индивида поставить коллективные интересы выше личных. Авторы соглашаются с профессором социальной и организационной психологии Гарвардского университета Ричардом Хакманном[1], который указывал, что одним из важнейших факторов, определяющих «командную эффективность», является «воздействие группового опыта на членов коллектива» [с. 601–603].

Описание каждой из особенностей «экстремальной» команды авторы завершают перечислением вопросов, обозначающих актуальные направления дальнейшего анализа семи выявленных ими характеристик. Применительно к первому смысловому блоку констатируется важность определения того, какие командные аспекты являются ключевыми в плане влияния на производительность, состояние и обучаемость каждого отдельно взятого члена команды и какие события в период существования команды могут вынудить одного из ее участников отказаться от продолжения работы в коллективе.

Второй особенностью авторы считают постоянное переключение участников команды между индивидуальными и коллектив-

[1] Hackman J.R. A normative model of work team effectiveness. – New Haven (CT): Yale school of organization and management, 1983.

ными задачами в процессе их решения. Так, пребывая на орбите, астронавты не только работают в связке с остальными членами экипажа, но и проводят самостоятельные исследования. Необходимость подобного переключения усложняет достижение командной эффективности. Участники выстраивают собственную систему приоритетов, где коллективные цели подчас отодвигаются на второй и даже на третий план, что препятствует выполнению основных задач, поставленных перед командой[1].

Углублению исследований в обозначенной области может способствовать прояснение факторов, способствующих и препятствующих переключению между личными и коллективными задачами, а также понимание издержек этого переключения для индивидуальной и коллективной эффективности [с. 603–605].

Третья особенность состоит в том, что члены команды одновременно являются участниками других групп. Многие из респондентов-астронавтов говорили о сложности избегания конфликта принадлежности. Помимо этого отмечалось, что частые замены в личном составе экипажей создают дополнительные препятствия для сотрудничества [с. 605–606]. В данном контексте авторы предлагают рассмотреть вопрос: какой именно аспект командной работы оказывается в наибольшей степени подвержен негативному влиянию множественной идентификации членов коллектива?

Четвертая особенность – это встроенность команды в более крупные, взаимозависимые сетевые системы, состоящие из множества других команд, каждая из которых отличается специфическими целями, нормами и пониманием своей миссии [с. 607]. В реализации марсианского проекта с неизбежностью будут задействованы группы, представляющие различные национальные космические агентства, т.е. коллективы со своими несовпадающими системами ценностей и специфической архитектурой взаимодействия внутри команды. Огромная ответственность возлагается на группы, находящиеся на Земле и контролирующие полет. Один из респондентов назвал экипаж космического судна глазами, а команду специалистов Центра управления полетом – мозгом миссии [с. 607]. При этом команда Центра управления также состоит из различных

[1] Wickens C.D., Santamaria A., Sebok A.A. Computational model of task overload management and task switching // Proceedings of the human factors and ergonomics society annual meeting. – Santa Monica (CA), 2013. – Vol. 57, N 1. – P. 763–767.

взаимосвязанных групп, от которых ожидается успешная координация действий в целях своевременной выработки единого решения [с. 606–609].

Подчеркивая важность изучения этого аспекта, авторы считают целесообразным уточнить: каким образом закономерности внутри- и межгруппового взаимодействия сказываются на жизнеспособности больших (общих) систем; как функционирование больших систем влияет на эффективность входящих в их состав команд; тренинги какого типа могли бы способствовать улучшению качества совместной работы внутри и между командами?

Пятая особенность командной работы в экстремальных условиях заключается в том, что она является социоматериальной и мультимодальной в своей основе. Обращаясь к исследованиям Пола Леонарди, авторы поясняют, что рассмотрение команды как социоматериального феномена означает признание ее социальной (коммуникации и другие командные процессы взаимодействия) и материальной (технологии) составляющих. Технологии, формирующие среду, в которой разворачивается командная работа, опосредованно влияют на взаимоотношения участников группы и трансформируются под воздействием последних[1]. В качестве примера взаимовлияния технологий и коммуникаций авторы приводят взрывной рост использования эмодзи[2] и смайлов в текстовой коммуникации в электронной среде. В данном случае картинка-эмодзи выступает невербальным посланником, на которого перекладывается часть речевых функций, таких как интонация и жесты. Подчеркивая социоматериальность командной работы космических экипажей, авторы отмечают, что астронавты на МКС чаще всего взаимодействуют с Центром управления полетом через текстовые сообщения, а не через видео- или аудиосвязь. Мультимодальность работы «экстремальных» команд выражается в использовании множества взаимозависимых средств коммуникации и информационных каналов [с. 609–612].

---

[1] Leonardi P.M. Theoretical foundations for the study of sociomateriality // Information a. organization. – N.Y., 2013. – Vol. 23, N 2. – P. 59–76.

[2] Эмодзи – графический язык, где вместо слов используются сочетания картинок. Появился в Японии и впоследствии распространился по всему миру. – *Прим. реф.*

Продолжение исследования вышеозначенного аспекта предполагает ответ на вопрос о том, каким образом на эффективности командной работы сказывается сделанный участниками группы выбор тех или иных информационных каналов и технологий.

Шестой особенностью команды является ее динамическая природа. Один из интервьюируемых особо подчеркнул, что было бы большой ошибкой рассматривать отношения внутри экипажа в качестве некоторой константы. Уровень сплоченности неизбежно меняется с течением времени [с. 613], и какие-либо адекватные прогнозные выводы относительно характера взаимоотношений участников группы можно делать лишь на основе систематизации сведений, отражающих всю последовательность этапов становления коллектива, а не на основе от описания специфики командной работы «здесь и сейчас» [с. 612–613].

Для расширения границ предметной области в исследованиях командной работы авторы предлагают обратиться к динамическому анализу паттернов поведения членов команды, непосредственно отражающихся на эффективности работы последней.

Седьмая особенность заключается в том, что адаптация является новой формой командной работы. Авторы отмечают, что обычно команда как объект исследования рассматривается учеными в статике, т.е. за основу анализа берется посылка о неизменности типов взаимодействия между индивидами, технологиями и другими группами на протяжении долгого времени. Тем не менее команды все чаще сталкиваются с непредсказуемыми и даже драматическими событиями, к которым они должны уметь адаптироваться, вовремя трансформировав свои поведенческие паттерны в соответствии с изменившимися условиями и требованиями окружающей среды [с. 613]. Космические экипажи отчасти готовы к подобным, непредвиденным ситуациям [с. 614]. Тем не менее изучение адаптивности (the study of adaptability) требует разработки и утверждения новых критериев оценки способности команды к координированной работе в условиях чрезвычайного положения [с. 613–615].

В частности, авторы задаются вопросами, какие поведенческие паттерны членов коллектива, изменения в способах мотивации будут в наибольшей степени способствовать возрастанию эф-

фективности группы в условиях ЧС; какие критерии следует использовать для оценки приспособляемости команды.

Обобщая все вышесказанное, авторы приходят к выводу, что изучение экипажей, готовящихся к миссии на Марс, в целом продвинет вперед теорию организации. Командные риски совместной работы в условиях освоения космоса на протяжении длительного периода времени остаются актуальными и для «земных групп», предполагающих сложные формы сотрудничества в экстремальных условиях [с. 616–618].

Е.С. Тирон

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

2018.01.008. ГИ Ж.-М. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КУЛЬТУРЕ СРЕДИ ФРАНЦУЗСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.
GUY J.-M. Les représentations de la culture dans la population française // Culture études. – P., 2016. – N 1. – P. 1–16.

Ключевые слова: культура; представления населения; Франция.

В статье рассматривается, что входит в понятие «культура» с точки зрения современных французов. Основываясь на результатах опроса, Жан-Мишель Ги (научный сотрудник отдела исследований, прогнозирования и статистики Министерства культуры и коммуникаций Франции) выделяет четыре основных представления о культуре.

Опрос, включавший открытые и закрытые вопросы, охватил репрезентативную выборку из 1500 человек в возрасте от 15 лет. Он был дополнен свободными интервью с 30 респондентами из выборки.

С целью получить представление о спонтанных ассоциациях, связанных с понятием «культура», участникам сначала были предложены открытые вопросы. Полученные ответы были распределены по 28 группам, исходя из семантической и когнитивной близости. По частоте упоминаний первой была группа, охватывающая знания, процесс обучения и познания (упоминаются 41% опрошенных). Автор усмотрел в этом отсылку к пониманию французами культуры в духе эпохи Просвещения: «культура как сумма знаний, накопленных и передаваемых, или как процесс познания» [с. 3–4]. Затем следует группа слов, относящихся к чтению и литературе («читать», «книга», «библиотека» и т.п.) (37%); после идут отдельные области культуры: музыка и танцы (21%), кино (21%) и искусство (19%). Далее в порядке убывания: культура в этнически-

антропологическом понимании (совокупность обычаев, нравов, религиозных верований, бытовых традиций определенного этноса); места, связанные с культурой (музеи, культурные центры, памятники); способ проведения досуга, развлечения; театр, живопись, скульптура и любительское занятие каким-либо видом искусства. Неожиданными оказались ассоциации с сельским хозяйством[1]. Наконец, в представлении части опрошенных культура связывается с некими ценностями (терпимость, готовность делиться, любознательность), а для кого-то культура включает все – это символ человеческой цивилизации.

Затем автор объединил группы в пять регистров, обозначающих с точки зрения респондентов основные смыслы слова «культура». При этом он указывает на выявленную полисемичность данного понятия: 2/3 опрошенных охватили с помощью своих ответов по крайней мере два значения. Итак, первый регистр, вызвавший наибольшее число ассоциаций, связывает культуру с искусством (71% ответов); второй ассоциирует культуру со знанием (46%); третий – с человеческими ценностями (37%); четвертый связан с антропологическим пониманием культуры как стиля жизни определенной группы людей (19%); пятый – с сельским хозяйством (15%) [с. 5].

На следующем этапе опрашиваемым был предложен список слов и выражений, обозначающих занятие или область деятельности (например, чтение художественной литературы, наука, мода, цирк). Речь шла о том, чтобы очертить контуры, границы культуры в представлении французов. Целью было «выявить гипотетический консенсус по поводу минимального периметра [культуры] и одновременно значимые расхождения» [там же].

Анализ частотности выбора представленных слов и выражений обозначил посещение музеев и архитектурно-монументального наследия в качестве деятельности, ассоциирующейся с культурой у наибольшего числа респондентов (84%), что явилось вполне ожидаемым результатом. Однако следующие по частоте упоминаний

---

[1] Во французском языке первый смысл слова «культура» – обработка поля, земли, культивация, выращивание каких-либо сельскохозяйственных растений. Кроме того, слово «сельское хозяйство» – agriculture – является родственным по отношению к «культуре» («culture»), что, вероятно, вызвало у людей подобную ассоциацию. – *Прим. реф.*

наука (77%), путешествия (73%) и кухня (62%) [с. 6] показались автору требующими комментариев, тем более что они не упоминались, когда необходимо было назвать свободные ассоциации. Включение науки в рамки культуры согласуется со взглядом на нее как на сумму знаний, процесс познания. Путешествия вошли в представления о культуре, видимо, в связи с тем что они дают возможность ознакомиться с музеями, архитектурным и монументальным культурным наследием, духовно обогащая людей и расширяя их кругозор. А это значит, что культура связывается с открытием для себя новых географических и символических пространств, с возможностью взглянуть на мир с иной точки зрения. Отнесение кухни к области культуры объясняется автором тем значением, которое французы придают ей как составляющей французской культуры, а также тем, что французская кухня была включена ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества, и большим количеством телепередач, посвященных приготовлению еды.

Итак, по мнению французов, наука, путешествия и кухня скорее входят в область культуры, нежели чтение прессы (58%), прослушивание классической музыки (57%), чтение романов (57%), игра на музыкальном инструменте (53%), поход в кино (50%) [с. 6]. Единодушие наблюдалось и по отношению к тем видам деятельности, которые большинство респондентов однозначно не включили в область культуры: телепередачи типа реалити-шоу, видеоигры, парки аттракционов и др. При этом некоторые виды деятельности, с точки зрения респондентов, «могут быть включены при определенных обстоятельствах», например поход в кино, мода, дизайн, фотографирование, занятия спортом, интернет-серфинг, граффити, телесериалы и др. Большинство этих занятий не были спонтанно названы людьми при ответе на открытый вопрос; таким образом, отмечает автор, они не составляют сути представлений о культуре. Тем не менее для некоторых людей их принадлежность к культуре однозначна – таково, например, уличное искусство (хип-хоп, граффити) для молодежи.

Между группами отмечаются определенные различия. Молодежь (от 15 до 24 лет) склонна включать в культуру современные медиа, женщины – большее количество областей и видов деятельности, чем мужчины. Однако в целом автор указывает на наличие во французском обществе консенсуса в отношении понятия «куль-

тура», иными словами, практическое отсутствие расхождений в ответах респондентов, относящихся к разным социальным группам с точки зрения возраста, дохода, образовательного уровня, социопрофессиональных характеристик, места проживания (город / сельская местность). Незначительное влияние социодемографических переменных на результаты – основной вывод из анализа ответов респондентов.

Анализ позволил выявить четыре группы, различающиеся по отношению к тому, что включает в себя культура. 1. Либерализм (этой позиции придерживается 29% населения). Очень широкое ви́дение культуры: «все имеет отношение к культуре» без каких-либо ограничений; стирается грань между высоким искусством и прикладным искусством. Каждый второй включает в культуру спорт, хип-хоп и садоводство. 2. Критический релятивизм (32%) – скорее открытое ви́дение культуры; «все потенциально относится к культуре при определенных условиях»: все предложенные виды деятельности получили уровень одобрения выше среднего, однако с некоторыми оговорками (велика доля ответов «могут быть включены при определенных обстоятельствах»). 3. Классицизм (30%) – культура занимает четко очерченное пространство; речь идет о культуре в классическом понимании: театр, музеи, художественная литература, кино, путешествия и т.п. («культура не растяжима до бесконечности»). Однозначно исключаются видеоигры, телесериалы, парки аттракционов, танцы в дружеской компании. Эта группа склонна ассоциировать культуру со знанием. 4. Протестная позиция (9%) – отказ считать частью культуры большинство предложенных видов деятельности, даже таких традиционно составляющих ее основу, как прослушивание классической музыки, театр, кино, чтение художественной литературы («настоящая культура в чем-то ином»). Возможное объяснение автору видится либо в отрицании концепции культуры, выработанной иной, чуждой социальной группой, либо в сознательно критическом отношении к доминирующему порядку [с. 9–10].

Автор подчеркивает слабое влияние социально-демографических факторов на распределение по концепциям культуры. Пожалуй, только группа с протестной позицией обладает определенными социально-демографическими характеристиками: в ней преобладают мужчины, недипломированные, рабочие.

Численность приверженцев той или иной концепции позволяет сделать вывод, что узкий подход к культуре, ограничивающий ее культурным наследием и классическими видами искусства, не является преобладающим. И, напротив, идея, что «все потенциально относится к культуре», безусловно или с оговорками, оказалась доминирующей. Это позволяет автору выдвинуть в заключение гипотезу о том, что во французском обществе укоренилось – возможно, распространившись от высокообразованных слоев к малообразованным, – открытое, либеральное, эклектичное, толерантное ви́дение культуры, которое охватывает самые разные виды деятельности.

Е.Л. Ушкова

2018.01.009. ДОННА О. КУЛЬТУРНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ЧТО ОБ ЭТОМ ДУМАЮТ ФРАНЦУЗЫ.
DONNAT O. Les inégalités culturelles: Qu'en pensent les français? // Culture études. – P., 2015. – N 4. – P. 1–24.

Ключевые слова: неравенство; доступность культуры; Франция.

Оливье Донна (научный сотрудник отдела исследований, прогнозирования и статистики Министерства культуры и коммуникаций Франции) анализирует мнения французов о культурном неравенстве в их стране и его эволюции, а также об обязанности власти проводить более демократичную культурную политику.

Анализ базируется на данных исследования Национального исследовательского агентства (ANR), посвященного представлениям о неравенстве во французском обществе. Социологами был проведен национальный опрос в рамках репрезентативной выборки (N = 1000 человек) среди лиц старше 18 лет, проживающих во Франции. Использовалось анкетирование с закрытыми вопросами.

При интерпретации данных опроса автора интересовало представление населения о неравенстве в доступе к культуре и об изменениях в этой области; также он ставил задачу сопоставить специфику оценок с социальными характеристиками опрошенных.

Отсутствие равного доступа к культуре является реальностью современного французского общества, считают большинство опрошенных респондентов (53%). 48% опрошенных полагают, что

за последние 30 лет неравенство в доступе к культуре возросло (14% – сильно возросло; 34% – несколько возросло) [с. 2]. В то же время при анализе этого достаточно «сурового» суждения автор призывает учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, немногие считают данный вид неравенства основным. Для большинства он следует за иными видами неравенства (в трудовой занятости, доходах, доступе к жилью и медицинской помощи). Во-вторых, придерживаясь мнения о значительном неравенстве вообще, на конкретные вопросы респонденты давали менее радикальные ответы. Так, с утверждением «посещение музеев и театров сегодня все еще остается уделом элиты» согласны только 33% (8% – полностью согласны; 25% – скорее согласны) [с. 3]. В-третьих, суждение о культурном неравенстве соответствует критическому подходу французов к своему обществу в целом (неравенство доходов, дискриминация, неравные возможности в школьном образовании и др.). Прослеживается закономерность: чем более критичен респондент по отношению к обществу в целом, тем больше вероятность, что у него окажется пессимистический взгляд на доступность культуры. Таким образом, «неравнодушное восприятие культурного неравенства вписывается в критическое ви́дение французского общества и отражает повышенный интерес к вопросам социальной справедливости» [с. 4]. Взгляд на культурную ситуацию демонстрирует в целом негативное представление французов о своем обществе. «Вообще говоря, французам кажется, что они живут в глубоко неравноправном и дискриминационном обществе» [там же].

Разница в оценках степени культурного неравенства не обнаруживает выраженной корреляции с социально-демографическими характеристиками опрошенных. Французский социолог делает предположение о том, что мнения респондентов о культурном неравенстве в меньшей степени связаны с объективной принадлежностью к тем или иным категориям (социальное положение, возраст), нежели с системой ценностей, лежащей в основе политической позиции, а также с личным опытом дискриминации.

Анализ связи политических взглядов с мнением о неравном доступе к культуре показывает, что, при прочих равных, такое мнение преобладает среди левых и крайне левых. То есть придание большого значения вопросам социальной справедливости и, соот-

ветственно, критическое отношение к общественному устройству способствуют большей критичности конкретных оценок. Личный опыт дискриминации также снижает оценку доступности культуры: среди имеющих такой опыт 3/4 считают доступ к культуре элитарным [с. 7].

Тем не менее прослеживаются некоторые закономерности, сопряженные с социально-демографическими характеристиками. Так, женщины в целом более критично, чем мужчины, оценивают степень культурного неравенства во французском обществе, а также ждут большего от государственной культурной политики (особенно это касается занимающих руководящие должности и представительниц интеллектуальных профессий). Оценки молодежи, напротив, более мягкие, что может быть связано либо с большей индифферентностью молодого поколения в отношении вопросов культуры, либо с тем, что это поколение в большей мере охвачено культурой благодаря школьным культурным мероприятиям и цифровым технологиям. Наиболее образованные слои, так же как и наиболее состоятельные, считают неравенство в доступе к культуре значительным, что может отражать их лучшую осведомленность об элитарности культурной жизни либо указывать на то, что остальные формы несправедливости их затрагивают меньше. Опрос также показал, что чем больше люди вовлечены в культурную деятельность (читают художественную литературу, посещают театры, концерты классической музыки), тем более критично они оценивают доступность культурной жизни.

Ответы на вопрос, как изменилась доступность культуры за последние 30 лет, показали связь с предыдущим вопросом: в целом те группы, которые считали культурное неравенство существенным, указывали на рост этого вида неравенства; те же, кто не разделял этого мнения, не заметили усиления неравенства.

Необходима ли демократизация культурной политики французского государства? Мнение населения об этом были призваны прояснить следующие вопросы. Входит ли в задачи властей способствовать доступу к искусству и культуре? Должен ли доступ в музеи и к историческим памятникам быть бесплатным? Если да, то для каких категорий? Абсолютное большинство сочли, что власти обязаны содействовать доступу к культуре (83%). Причем 55% полагают, что власти не выполняют эту миссию в должной мере

[с. 12]. За бесплатность посещения объектов культуры выступает большая часть населения (49% – для всех; 28% – для некоторых категорий), что, как полагает автор статьи, отражает неизменную страсть французского общества к эгалитаризму [с. 13].

Сопоставление данных показывает, что среди ожидающих более существенного вмешательства государства в экономику больше тех, кто ждет того же и в области культуры. Среди сторонников либеральной экономической политики больше всего удовлетворенных культурной политикой государства, а также полагающих, что это не дело государства.

Ожидание более демократичной государственной культурной политики наиболее высоко в возрастной группе 50–59 лет, что существенно отличает ее от молодежи (18–29 лет) [с. 16]. Оно также выше среди работников среднего звена. Автор предполагает, что распространение образования и относительное размывание норм культурной легитимности[1] породило в среднем классе ожидания, которым государственная политика не вполне соответствует, особенно с ухудшением уровня жизни в период кризиса.

Анализируя состав той небольшой доли населения (11%), которая не считает обеспечение доступа к культуре делом государства, автор отмечает популярность этого подхода среди молодых мужчин, самозанятых и рабочих. По мере продвижения вправо по политической шкале таких взглядов становится больше. Тем не менее состав сторонников данного подхода разнороден, что объясняется возможностью существования двух логик. Первая, либеральная, заключается в том, что государство должно минимально вмешиваться как в экономическую, так и в культурную сферу (приверженцы данной позиции – работающие мужчины с правыми взглядами). Вторая состоит в том, что в период кризиса власти должны сконцентрировать усилия на области экономики и не распыляться на остальное (неработающие женщины; безработные; индивиды, подвергавшиеся дискриминации).

Наконец, по вопросу бесплатного доступа к объектам культуры схожие ответы наблюдаются среди всех групп, кроме респондентов, имеющих доходы выше среднего, с наивысшим уровнем

[1] Под культурной легитимностью понимается восприятие государственной политики населением как справедливой, т.е. согласующейся с основными культурными ценностями и осуществляемой в интересах большинства. – *Прим. реф.*

образования, а также среди жителей Парижа и пригородов (среди них меньше сторонников бесплатности). Идея бесплатности близка людям со скромным достатком, низким уровнем образования, безработным, а также тем, кто проживает вдали от объектов инфраструктуры.

Е.Л. Ушкова

2018.01.010. ШАХТНЕР К. ТРАНСКУЛЬТУРНОСТЬ В ИНТЕРНЕТЕ: КУЛЬТУРНЫЕ ПОТОКИ И ВИРТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА.
SCHACHTNER Ch. Transculturality in the Internet: Culture flows and virtual publics // Current sociology. – L., 2015. – Vol. 63, N 2. – P. 228–243.

Ключевые слова: культура; цифровые сети; транскультурность; виртуальные сообщества.

Цель исследования Кристины Шахтнер (Университет Клагенфурта, Австрия) заключается в определении степени присутствия черт транснациональности и транскультурности в общедоступных виртуальных сообществах. В своих рассуждениях автор исходит из представления о том, что в современную эпоху цифровых медиа идея культуры как «замкнутой сферы» полностью устарела.

К. Шахтнер начинает с рассмотрения теоретических подходов к таким актуальным для исследования концептам, как культурный поток, культура, транскультурность и публичное пространство. Опираясь на терминологию А. Шюца и Т. Лукмана[1], она определяет «культурные потоки», пересекающие виртуальное пространство, как интерсубъективные смысловые контексты, состоящие из ценностей, социальных норм, взглядов на мир и моделей поведения, которые все более отделяются от своих национальных оснований благодаря цифровым медиа.

При описании специфики современной культуры автор обращается к работам В. Вельша и У. Бека. Отмечая повсеместно наблюдаемое сегодня взаимопроникновение культур, германский ис-

[1] Schütz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. – Neuwied: Luchterhand, 1975. – S. 26.

следователь постмодерна В. Вельш[1] выдвигает концепцию транскультурности, призванную развенчать миф о том, что в условиях глобализации, когда нетворкинг приобретает первостепенное значение, культура может оставаться «замкнутой сферой». В свою очередь, автор теорий «рефлексивной модернизации» и «общества риска» У. Бек[2] считает, что процессы трансформации в современном обществе могут быть описаны термином «транснациональность», включающим в себя признание наличия постоянного культурного взаимообмена. И У. Бек, и В. Вельш разделяют точку зрения, согласно которой современное общество характеризуется культурным смешением. Однако К. Шахтнер обращает внимание и на расхождение мнений двух исследователей: В. Вельш предполагает, что культурные различия размываются при смешении культур, а У. Бек подчеркивает, что различия продолжают существовать, и настаивает на необходимости признания этих различий [с. 230].

Операционализацию понятия публичного пространства для целей своего исследования К. Шахтнер проводит, избирательно совмещая отдельные положения соответствующих концепций Ю. Хабермаса и Н. Фрейзер. Вслед за Ю. Хабермасом, определяющим события как публичные в том случае, если они доступны для всех, автор признает культуру публичной сферой[3]. При этом, соглашаясь с критическими замечаниями, высказанными в адрес концепции Хабермаса Н. Фрейзер[4], она подчеркивает *множественность* подобных публичных сфер, не сводимых к единой, комплексной сфере.

К. Шахтнер утверждает, что виртуальное пространство является публичным пространством в терминах Ю. Хабермаса, поскольку оно основано на коммуникации и действиях, в которых каждый может принять участие. При этом оно «подпадает» под оп-

---

[1] Welsch W. Auf dem Weg zur transkulturellen Gesellschaft // Paragrana. – B., 2001. – Bd. 10, H. 2. – S. 258.

[2] Beck U. Der kosmopolitische Blick, oder Krieg ist Frieden. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2004. – S. 98.

[3] Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Öffentlichkeit. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1990.

[4] Scheich E. Vermittelte Weiblichkeit: Feministische Wissenschafts- und Gesellschaftstheorie. – Hamburg: Hamburger Ed., 1996. – S. 151–182.

ределение публичной сферы Н. Фрейзер, поскольку содержит в себе различные противопоставленные сообщества. Тем не менее автор статьи указывает, что так называемая общедоступность виртуальных публичных пространств несколько преувеличивается в силу того, что большинство теоретиков не принимают в расчет такие препятствующие погружению в Интернет факторы, как отсутствие экономических и технических ресурсов, образовательные барьеры (плохое чтение, письмо и навыки общения) [с. 231].

Виртуальное публичное пространство, подчеркивает К. Шахтнер, представляет собой *глобальное* публичное пространство, так как благодаря цифровым медиа людям со всего мира предоставляется возможность развивать дискурс, обмениваться аргументами или участвовать в конфликтах. Автор прогнозирует, что следующее поколение, скорее всего, будет использовать цифровые медиа с самого раннего возраста. Если этот прогноз окажется верным, то, по мнению автора, виртуальное пространство станет повседневным жизненным пространством для все большего количества людей. К. Шахтнер полагает, что формирование виртуального пространства, как пространства жизненного, отражает его все возрастающее значение в качестве места для общения, не ограниченного географическими или культурными барьерами. Этот факт сообщает особую актуальность исследованиями различных культурных потоков в цифровой форме [с. 232].

В качестве примеров, свидетельствующих о существовании транскультурных черт в виртуальных сообществах, автор приводит результаты эмпирического исследования «Коммуникативные сообщества в интернет-пространстве»[1], акцентируя внимание на коммуникативных практиках подрастающего поколения в социальных сетях (TakingITGlobal, Global Modules, Mideast Youth, Facebook, Netlog, StudiVZ, Knuddels, SWR Kindernetz и личные блоги). По мнению К. Шахтнер, возможности для транскультурности / транснациональности возникают, когда сетевые акторы – представители различных стран и культур – устанавливают контакт друг с другом.

[1] Digitale Subjekte: Praktiken der Subjektivierung im Medienumbruch der Gegenwart / Hrsg. von T. Carstensen, Ch. Schachtner, H. Schelhowe, R. Beer. – Bielefeld: Transcript, 2014.

Эмпирическую базу исследования составили две онлайн-дискуссии с участием граждан разных государств, при этом, анализируя их содержание, автор концентрировала внимание в первую очередь на условиях появления и формах меж- или (транс)культурного консенсуса.

Первая дискуссия под названием «Женщины в исламе» проводилась в интернет-сети Mideast Youth, где присутствуют не только представители Северной Африки и Ближнего Востока, но и сетевые акторы западного мира. Обсуждался вопрос о том, какая религия предлагает женщинам больше прав и больше свободы. При всех религиозных и культурных различиях участников, они совпали во мнениях по отдельным принципиально важным позициям. Во-первых, их объединила заинтересованность в религиозной проблематике; во-вторых – идея о том, что личные права и свободы следуют из естественного статуса человека как такового и присущи ему от рождения. Автор подчеркивает, что только наличие некоторого количества схожих черт позволяет сделать различия предметом публичного обсуждения. В данном случае К. Шахтнер ссылается на У. Бека[1], отмечавшего, что при полном отсутствии сходства различия могли бы даже не быть обнаружены. Открытый диалог обеспечивает участникам дискуссии культурный запас, интегрирующий различные точки зрения, ценности, представления о правильном образе жизни, создает некое общедоступное пространство смыслов между собственной и чужой культурой [с. 233–234].

Второе обсуждение под названием «Что делает Вас счастливым?» проходило в интернет-сети Global Modules, сформированной с целью установления контакта между студентами и преподавателями из университетов в различных странах. В дискуссии принимали участие учащиеся из США, Иордании и ОАЭ. По мере развертывания полемики обозначились две точки зрения: сетевые акторы из арабских стран отстаивали конкурентные преимущества созерцательной позиции, в то время как американские участники доказывали, что индивидуальное счастье может быть достигнуто лишь благодаря каким-то действиям. Тем не менее, подчеркивает

[1] Beck U. Der kosmopolitische Blick, oder Krieg ist Frieden. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2004. – S. 17.

автор, представители обоих «лагерей» признавали, что счастье – это то, чего стоит добиваться [с. 234–236].

В рамках научно-исследовательского проекта автора «Коммуникативные сообщества в интернет-пространстве» были также проведены 32 структурированных интервью с сетевыми акторами и блогерами из различных стран. В настоящей статье К. Шахтнер детально анализирует результаты двух таких интервью: 1) с 26-летним архитектором из Саудовской Аравии, блогером, участником интернет-сети Mideast Youth; 2) с 26-летним фотографом ливанского происхождения, проживающим в Саудовской Аравии и ведущим несколько блогов. Оба информанта назвали Интернет безграничным пространством, открывающим новые возможности. Если фотограф говорил преимущественно о возможности свободного общения, то для архитектора идея открытости заключалась в возможности взаимодействия саудитов с международным сообществом. Оба информанта подчеркивали, что с легкостью допускают равноценность различных взглядов, что, по мнению автора, является одним из главных элементов транскультурности / транснациональности [с. 236–237].

Обобщая данные проведенных эмпирических исследований, автор выявляет социальные, этические и политические условия формирования транснационального / транскультурного общества [с. 238–240].

К. Шахтнер утверждает, что развертывание транскультурных / транснациональных процессов становится возможным там, где при культурном «смешении» люди занимают четкую позицию в отношении обозначившихся различий, однако задача устранить последние не стоит.

Апеллируя к работам Н. Кудри[1], автор признает важность глобальной медиаэтики в условиях глобализации публичной сферы. Этика столь значима для сетевых акторов, поскольку регулирует взаимодействия между «своим» и «чужим». В данном контексте К. Шахтнер поясняет: несмотря на то что Н. Кудри говорит о глобальной этике (а не о транснациональной или транскультурной), отправной точкой его логических построений служит признание

[1] Couldry N. Listening beyond the echoes: Media, ethics and agency in an uncertain world. – L.: Routledge, 2016. – P. 101–140.

усиления межкультурного взаимодействия в современном глобализирующемся мире.

Рассуждая о политических условиях транскультурного / транснационального общества, автор подвергает критическому анализу позицию С. Бенхабиб [1], в соответствии с которой транскультурные публичные сферы представляют собой новые возможности коллективной идентификации поверх национальных границ и, таким образом, новые формы «принадлежности», онлайн и офлайн. По мнению С. Бенхабиб, эти идентичности сталкиваются с давно установившимися формами политической принадлежности. Распространение суб- и наднациональных пространств подрывает традиционную концепцию гражданства, основанную на единстве территории, происхождения и культуры [2]. С. Бенхабиб отмечает, что в современном мире территориальность и происхождение становятся анахроничными критериями принадлежности, и полагает необходимым инициировать дискуссию о «транснациональном гражданстве» в связи с увеличением числа сообществ, не вписывающихся в жесткие национальные рамки. В свою очередь, К. Шахтнер полагает идеи С. Бенхабиб достаточно спорными в контексте сохранения национальных систем социального обеспечения, здравоохранения и налогообложения, а также в связи с наличием очевидной взаимосвязи между онлайн- и офлайн-принадлежностями.

В заключение Кристина Шахтнер вновь указывает на то, что ни цифровая культура, ни культурная жизнь за пределами экрана не могут рассматриваться в качестве «замкнутых сфер». Выходя за рамки национальных границ, сетевая структура цифровых пространств усиливает те глобальные тенденции, которые были обозначены В. Вельшем как транскультурность и У. Беком как транснациональность. Когда сетевые акторы с различными социокультурными особенностями вступают в контакт друг с другом, обнаруживаемые сходства принимают характер культурных смешений, в которых «свое» вступает в новые альянсы с «чужим». К. Шахтнер резюмирует, что вероятность превращения транскуль-

[1] Benhabib S. Die Rechte der Anderen: Ausländer, Migranten, Bürger. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2008. – S. 13–28.

[2] Benhabib S. Wer sind wir? Probleme politischer Identitäten im ausgehenden 20 // Jahrhundert. – Wien: IHS, 1997. – S. 9–13.

турных и транснациональных тенденций в определяющий вектор развития постиндустриального общества задается сложившейся структурой социальных отношений (framework), и это не будет определено в виртуальном мире. Общие принципы должны быть установлены социально-политическими институтами в мире реальном. Произойдет это или нет, по мнению автора, зависит от того, насколько общество готово и способно меняться.

Е.А. Никифорова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛЬТРУИЗМА

2018.01.011. КЕЛЕМЕН М., МЭНГАН А., МОФФАТ С. БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОСТО «МАЛЕНЬКИЙ ДОБРЫЙ ПОСТУПОК»? К ТИПОЛОГИИ ВОЛОНТЕРСТВА КАК НЕОПЛАЧИВАЕМОЙ РАБОТЫ. KELEMEN M., MANGAN A., MOFFAT S. More than a «little act of kindness»? Towards a typology of volunteering as unpaid work // Sociology. – L., 2017. – Feb 1. – P. 1–18. – Mode of access: http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0038038517692512 [Accessed] 20.10.2017.

Ключевые слова: волонтеры; социология труда; неоплачиваемый труд; альтруизм.

Михаэла Келемен и Анита Мэнган из Килского университета (г. Ньюкасл-андер-Лайм, Великобритания), а также их коллега Сьюзан Моффат (Театр «Нью Вик», г. Ньюкасл-андер-Лайм, Великобритания) обращаются к изучению типологии волонтерства, рассматривая его как неоплачиваемую работу. Они отмечают, что волонтерство не воспринимается в научной литературе как работа в традиционном смысле этого слова. Известно, что в социологии труда доминирует представление о дихотомии между оплачиваемой работой, которая обычно относится к публичной сфере (ассоциируется с работой мужчин), и неоплачиваемой работой, которая относится к приватной сфере (ассоциируется с домашними делами женщин). Авторы статьи анализируют работу волонтеров, показывая, что волонтерство имеет отношение как к общественной, так и к приватной сферам.

Они отмечают, что существует не так много комплексных теорий волонтерства[1]. Чаще всего волонтерство рассматривается в

[1] Среди комплексных работ, посвященных волонтерству, авторы выделяют: Hustinx L., Cnaan R.A., Handy F. Navigating theories of volunteering: A hybrid map

рамках экономической теории как деятельность, за которую не полагается оплата. В другой области исследований, посвященной досугу (leisure studies), акцент при изучении волонтерства делается на отсутствии морального принуждения при осуществлении этой деятельности. В целом, по мнению авторов, множество способов, с помощью которых добровольчество реализуется на практике, требует системного подхода [с. 4].

В исследовании М. Келемен, А. Мэнган и С. Моффат приняли участие 30 респондентов из Стаффордшира (2012). Из них 20 были женщинами, 10 – мужчинами. Их возраст варьировался от 19 до 70 лет. Все они участвовали в той или иной добровольческой деятельности, связанной с работой в местных музеях и школах, со скаутами, с помощью ВИЧ-инфицированным и жертвам насилия. С участниками исследования были проведены полуструктурированные интервью, в ходе которых их просили рассказать о своем прошлом и настоящем опыте волонтерства. Авторы отмечают, что в момент проведения исследования Стаффордшир переживал социально-экономические трудности, которые проявлялись в низком уровне заработной платы, безработице, ухудшении уровня образования и состояния здоровья жителей. Таким образом, при проведении экономических, социальных и культурных мероприятий этот район в значительной степени опирался на неоплачиваемую добровольческую работу.

Интервью были проанализированы с помощью метода контент-анализа. Независимо друг от друга М. Келемен, А. Мэнган и С. Моффат изучали транскрипты интервью и выделяли в них наличие следующих аналитических категорий: альтруистической, инструментальной, активистской, добровольно-принудительной. Эти категории легли в основу типологии волонтерства.

Альтруистическое волонтерство. Многие участники интервью рассматривали волонтерство как акт щедрости, как «маленький добрый поступок», который совершается во благо других. Рассказы таких респондентов связаны с существующими представлениями

---

for a complex phenomenon // J. for the theory of social behavior. – Oxford, 2010. – Vol. 40, N 4. – P. 410–434; Wilson J. Volunteering // Annual rev. of sociology. – Palo Alto (CA), 2000. – Vol. 26, N 1. – P. 215–240; Wilson J., Musick M. Who cares? Towards an integrated theory of volunteer work // American sociological rev. – N.Y., 1997. – Vol. 62, N 5. – P. 694–713.

об ответственном гражданине и альтруизме. Для них волонтерство – это прежде всего желание сделать что-нибудь для общества, но в то же время это способ научиться чему-нибудь новому, познакомиться и пообщаться с людьми, справиться с личными кризисами. Молодые люди часто дополнительно рассматривали волонтерство в качестве возможности улучшить свое резюме и получить благодаря этому доступ к оплачиваемой работе. В этом смысле альтруистическое волонтерство тесно связано с инструментальным.

Инструментальное волонтерство. В данном случае респонденты описывали волонтерство прежде всего как способ извлечь личную выгоду (улучшить резюме, получить опыт работы, решить личные проблемы и т.д.). Но для таких волонтеров была также важна возможность внести вклад в общее дело, что демонстрирует переплетение альтруистической и инструментальной мотиваций.

Активистское волонтерство. Некоторые волонтеры стремятся проявить активную гражданскую позицию, выступив в качестве коллективной силы для решения какой-либо общественной проблемы. Например, некоторые рассказывали о том, как они защищали музей, находящийся под угрозой закрытия. Иногда волонтеры пытаются изменить общественное мнение по конкретным социальным вопросам, например выступая против стигматизации больных ВИЧ-инфекцией.

Добровольно-принудительное волонтерство. Такой вид волонтерства возникает в случае, когда работодатель призывает сотрудников добровольно выполнить какую-нибудь работу, а те в свою очередь не имеют возможности отказаться. Другой случай добровольно-принудительного волонтерства связан с назначением наказания лицам, совершившим правонарушение, в виде обязательных общественных работ. На примере истории двух респондентов авторы показывают, что в подобных случаях волонтерство способно стать стимулом к началу новой жизни.

Предложенная типология, по мнению исследовательниц, способна продемонстрировать, как в волонтерской работе пересекаются индивидуальные и коллективные обоснования и мотивы. Таким образом, волонтеры могут одновременно удовлетворять личные потребности и делать что-то для общего блага. М. Келемен, А. Мэнган и С. Моффат полагают, что волонтерство необходимо рассматривать как полноценный вид работы, поскольку это не слу-

чайная, а запланированная деятельность, имеющая отношение к оказанию услуг или производству товаров.

А.Ю. Долгов

2018.01.012. ХОЛЛ Т., СМИТ Р.Дж. ЗАБОТА, РЕМОНТ И ПОЛИТИКА ГОРОДСКОЙ ДОБРОТЫ.
HALL T., SMITH R.J. Care and repair and the politics of urban kindness // Sociology. – L., 2015. – Vol. 49, N 1. – P. 3–18.

Ключевые слова: город; городская инфраструктура; доброта; забота.

Том Холл и Робин Джеймс Смит (Кардиффский университет, Великобритания) анализируют, как повседневные акты заботы о городе и добрые поступки влияют на создание благоприятной городской среды. В основе их исследования лежит подход социального географа Найджела Трифта[1], который показал, что ремонт (repair) и обслуживание (maintain) городской инфраструктуры обеспечивают нормальное функционирование общества. По мнению Трифта, ремонт сохраняет город, отвечая на непредвиденные вызовы; он придает городу гибкую устойчивость [с. 7]. Горожане также играют определенную роль в этом процессе, например заботясь о территории вокруг своих домов и об улицах, на которых живут.

Говоря о важности обслуживания городов, авторы ссылаются на мысленный эксперимент Алана Вайсмана, описанный в научно-популярной книге «Мир без нас»[2]. В книге показано, что если бы люди по какой-либо причине исчезли с планеты, то со временем вся материальная культура растворилась бы без следа. Таким образом, если Н. Трифт показывает важность ремонта как «систематической замены места»[3], с помощью которой формируется город, то А. Вайсман рассказывает эту историю с конца, описывая, что может случиться, если постоянная работа по обновлению и поддер-

[1] Thrift N. But malice aforethought: Cities and the natural history of hatred // Transactions of the Institute of British geographers. – L., 2005. – Vol. 30, N 2. – P. 133–150.

[2] Weisman A. The world without us. – L.: Virgin books, 2007.

[3] Thrift N. But malice aforethought: Cities and the natural history of hatred // Transactions of the Institute of British geographers. – L., 2005. – Vol. 30, N 2. – P. 135.

жанию функционирования городской инфраструктуры будет прекращена [с. 9].

В течение четырех лет Т. Холл и Р.Дж. Смит проводили полевые исследования, изучая различные формы социального патрулирования и поддержания порядка городской среды. Они обратили внимание на проблему противоречий и взаимодействий между масштабными действиями по обновлению городского ландшафта и малозаметными повседневными практиками, которые сохраняют в целостности городскую инфраструктуру [с. 9]. Авторы описывают два вида обслуживания городского пространства – уборку улиц и помощь бездомным.

Жители городов не всегда осознают, какую роль в жизни города играет уличная уборка. Между тем этот масштабный и непрерывный процесс, безусловно, является вкладом в заботу о городе и сохранение его инфраструктуры. Помощь бездомным связана с поиском и установлением контактов с наиболее труднодоступной категорией городского населения. Главные проблемы, с которыми стакиваются представители социального патруля, заключаются в том, что бездомных сложно отыскать, поскольку они предпочитают прятаться, и что не все из них охотно принимают помощь, относясь к волонтерам и работникам социальных служб с большим подозрением. Социальный патруль может оказать не только первую медицинскую помощь, предоставить еду и теплую одежду, но и помочь бездомным воспользоваться специализированными государственными услугами в области здравоохранения, социальной защиты и жилищного обеспечения. Таким образом, по мнению Т. Холла и Р.Дж. Смита, города могут сохранять свою целостность не только благодаря ремонту физических объектов, но и благодаря таким повседневным актам «социального ремонта» [с. 11].

По словам Н. Трифта, в случае с каждодневным проявлением заботы, доброты и сострадания мы сталкиваемся с двойной политической задачей. С одной стороны, существует конвенциональная макрополитика социальной защиты и благополучия, в основе которой лежат всевозможные формы волонтерства и работы по благоустройству города, с другой – микрополитика повседневной деятельности, которая привносит больше доброты и сострадания в обыденную жизнь [с. 12]. По мнению авторов статьи, когда представители социального патруля вступают в контакт с бездомными,

пытаясь им помочь, макро- и микросферы пересекаются. Т. Холл и Р.Дж. Смит делают вывод, что в рамках «ремонта города» нужно изучать не просто доброту, а «политику доброты», действующую как на уровне повседневных мелочей, так и на более высоких уровнях.

А.Ю. Долгов

ЭКОСОЦИОЛОГИЯ

2018.01.013. ШТЕР Н. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА: ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА ВАЖНЕЕ ДЕМОКРАТИИ?[1]
STEHR N. Exceptional circumstances: Does climate change trump democracy? // Issues in science and technology. – Dallas (TX), 2016. – Vol. 32, N 2. – Mode of access: http://www.issues.org/32-2/exceptional-circumstances-does-climate-change-trump-democracy/ [Accessed 10.05.2017.]

Ключевые слова: изменение климата; глобальное потепление; глобальные проблемы человечества; политические режимы; демократия.

В центре внимания немецкого социолога и культуролога, профессора Университета Цеппелин (г. Фридрихсхафен) Нико Штера – проблема изменения климата и способы ее решения в контексте существующих политических режимов.

Напомним, что изменение климата является одной из глобальных угроз современности. В индустриальную эпоху особенно острой представляется проблема повышения концентрации парниковых газов в атмосфере. Несмотря на то что многие парниковые газы имеют естественное происхождение и, удерживая часть солнечного тепла, играют важную роль в выживании живых организмов, с ростом численности населения и развитием экономики объемы выбросов газов (прежде всего углекислого), порожденных

[1] Впервые реферат был опубликован в: Россия и современный мир. – М., 2017. – № 4. – С. 243–247.

Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное исследование и построение междисциплинарной модели социально-экологического метаболизма современного российского города», осуществляемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-00158 а).

деятельностью человека, стремительно увеличиваются. Результатом происходящего становится изменение климата и повышение среднемировой температуры воздуха, т.е. то, что принято называть глобальным потеплением. В перспективе негативные последствия изменения климата могут иметь беспрецедентные масштабы. Глобальное потепление ведет к таянию горных ледников, смещению климатических зон, вымиранию биологических видов, подъему уровня Мирового океана, изменению количества осадков, засухам, ураганам, наводнениям и прочим природным катаклизмам; кроме того, непредсказуемость погодных условий грозит продовольственным коллапсом в будущем. По мнению специалистов, вопрос изменения климата требует оперативного решения по принципу «лучше предупредить, чем исправлять»: иначе в дальнейшем адаптация к новым условиям потребует от человечества неизмеримо больших усилий и затрат. *(Реф.*).

С каждым годом, предполагает Н. Штер, надежность и глубина наших знаний о глобальных и региональных изменениях климата будет возрастать. В подобных условиях возникает закономерный вопрос о том, насколько современное демократическое общество в состоянии бороться с последствиями глобального потепления. По справедливому замечанию автора статьи, человеку XXI в. свойственна определенная усталость от демократии, характеризующаяся потерей веры в эффективность принципов и механизмов демократического управления, в том числе в вопросах преодоления глобальных угроз.

Например, известный климатолог, профессор Колумбийского университета Джеймс Хансен, еще в 1988 г. привлекший внимание общественности к теме глобального потепления, полагает, что перед лицом подобных вызовов демократический процесс просто не работает[1]. Другой авторитетный ученый, британец Джеймс Лавлок, получивший мировое признание благодаря выдвинутой им гипотезе Геи[2], сравнивает процессы изменения климата с войной, кото-

---

[1] Hansen J. Storms of my grandchildren: The truth about the coming climate catastrophe and our last chance to save humanity. – L.: Bloomsbury, 2009.

[2] Согласно гипотезе Геи, наша планета является единым саморегулирующимся суперорганизмом, способным поддерживать необходимые для существования живых существ условия. – *Прим. реф.*

рую вынуждено вести человечество[1]. В свою очередь британский историк Эрик Хобсбаум в работе *«Глобализация, демократия и терроризм»*[2] ставит под сомнение способность демократических режимов действенно решать глобальные проблемы. Схожее мнение высказывает и лауреат Нобелевской премии израильско-американский психолог Дэниел Канеман, полагающий, что посредством демократических процедур невозможно мобилизовать общество для борьбы с отдаленными и потому кажущимися абстрактными угрозами. Таким образом, констатирует Н. Штер, в глазах многих исследователей экстраординарные опасности и риски, возникшие перед человеческой цивилизацией в последние десятилетия, делают демократию крайне неудобной формой правления.

Тем не менее в своей работе Н. Штер стремится «реабилитировать» демократию как политическую систему, способную на результативные шаги и не боящуюся трудностей. По его мнению, в борьбе с глобальными угрозами равноценной альтернативой демократии может стать лишь еще более открытый демократическим принципам режим. Кроме того, он убежден, что тема изменения климата должна входить в политическую повестку дня любого общества, а не считаться второстепенным вопросом, относящимся к сфере охраны окружающей среды или экономики.

Автор статьи напоминает читателю о существовании в политической практике понятия «исключительные обстоятельства», под которым обычно подразумеваются условия, позволяющие правительству того или иного государства получать расширенные полномочия для предотвращения (или преодоления) чрезвычайных ситуаций, имеющих негативные политические, экономические или экологические последствия. В связи с этим исследователь задается рядом вопросов. Можно ли пожертвовать свободой, ограничив права граждан во имя высоких целей и достижения безопасности в будущем? Как долго должен длиться подобный мораторий «на свободу»? И, главное, насколько плодотворны подобные меры? В конце концов, резонно замечает Н. Штер, мировой опыт не свидетельствует в пользу довода о том, что авторитарные и тоталитар-

---

[1] Lovelock J. The vanishing face of Gaia: A final warning: Enjoy it while you can. – L.; N.Y.: Allen Lane, 2009.

[2] Hobsbawm E. Globalisation, democracy and terrorism. – L.: Abacus, 2008.

ные режимы лучше демократических справляются с экологическими проблемами. Так, следующих путем «авторитарной модернизации» Россию и Китай – несмотря на достаточное количество экологов, климатологов и др. специалистов в этих странах – отличает множество нарушений в сфере защиты окружающей среды. Впрочем, как предполагает автор статьи, подобная ситуация не вечна. В том же Китае при существующих темпах экономического роста наиболее образованная и обеспеченная часть населения рано или поздно обратит внимание на слабую экологическую политику своего правительства и добьется ее пересмотра.

Подводя итоги, Н. Штер отмечает, что эффективное решение многих вышеозначенных проблем требует соблюдения определенных условий.

Во-первых, пишет он, представителям власти необходимо признать высокую ценность научных знаний о климате и уметь строить политическое обсуждение вопросов, касающихся глобального потепления, с учетом предоставляемой экспертами (в данном случае – климатологами) информации. У современного общества, подчеркивает Н. Штер, нет возможности избежать «экспертной зависимости» – и бояться этого не следует.

Во-вторых, он категорически не согласен с пессимистической оценкой способности демократических систем управлять так называемыми исключительными обстоятельствами. По его мнению, сложности, связанные с предупреждением чрезвычайных ситуаций и планированием будущего, не столько вызваны слабостью демократических процедур, сколько трудно решаемы в принципе, особенно в условиях стремительного нарастания социальной нестабильности.

В-третьих, говоря о наиболее эффективной модели политической системы, Н. Штер предлагает не сворачивать, а, наоборот, расширять демократические права и свободы. По его словам, демократические режимы в силу своей гибкости и открытости обладают большей адаптивностью, что дает им широчайшие возможности для решения проблем, связанных с охраной окружающей среды на международном уровне. Так, полагает Н. Штер, в будущем в демократических странах вполне вероятно возникновение новых форм социальной солидарности и повышение уровня социальной ответственности граждан, что поможет усилить способность местных и

региональных властей сопротивляться угрозе глобального потепления. В качестве успешных примеров подобного рода он приводит *практику* использования энергии ветра в Техасе[1], а также опыт властей Германии, поддерживающих развитие «зеленой» энергетики в стране и планирующих полностью перейти на альтернативные источники энергии.

В целом, отмечает Н. Штер, стремление некоторых экспертов и политиков преодолеть проблему изменения климата с помощью выбора единственно возможного и «правильного» варианта политической стратегии представляется несостоятельным. Мир, в котором мы живем, и угрозы, стоящие перед ним, слишком сложны и не дают надежды на существование быстрого и простого решения. В этой схватке, по мнению Н. Штера, победа будет за тем, кто способен нестандартно мыслить, действовать и открыт экспериментам.

М.А. Ядова

[1] Штат Техас в силу своих климатических особенностей является лидером в производстве энергии ветра в США. Около 10% электроэнергии в Техасе производится с помощью ветрогенераторов, что позволяет некоторым энергетическим компаниям в определенное время суток (как правило, ночью) раздавать избыточную электроэнергию бесплатно. – *Прим. реф.*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

2018.01.014. ЕВСЕЕВА Я.В. «К КАКОМУ БУДУЩЕМУ МЫ СТРЕМИМСЯ?»: Обзор пленарных заседаний Третьего социологического форума Международной социологической ассоциации, Вена, 10–14 июля 2016 г.

Ключевые слова: будущее; социологическое знание; неравенство; экономический кризис; экологический кризис; прекаризация; А. Турен.

На Третий социологический форум Международной социологической ассоциации в Вене 10–14 июля 2016 г. собрались более 4000 ученых из порядка 100 стран. Тема его была обозначена как: «The futures we want: Global sociology and the struggles for a better world» («Будущее, которое мы хотим: Глобальная социология и борьба за лучший мир».) В своем приветственном слове президент МСА Маргарет Абрахам (Университет Хофстра, Нью-Йорк, США) [Abraham, 2016] привлекла внимание к наиболее острым проблемам современного мира, среди которых – вооруженные конфликты и, как следствие, миллионы вынужденных переселенцев; подъем националистических настроений в Европе, чему, однако, противостоят отдельные люди и организации, отстаивающие социальную справедливость и благополучие для всех. Задача социологов, по ее мнению, состоит в том, чтобы вести непрерывный диалог о том, какое же будущее мы хотим, а также укреплять глобальную социологию, которая была бы в состоянии принять участие в борьбе за лучший мир. Абрахам призвала нанести на карту этой глобальной социологии всех социологов мира, чтобы они смогли объединиться и почувствовать себя силой, способной изменить мир.

Первое пленарное заседание наметило наиболее общие направления актуальных исследований. Основной теме Форума – феномену будущего в его связи с социологией – было посвящено вы-

ступление вице-президента МСА и президента Венского форума Маркуса Шульца (Новая школа социальных исследований, Нью-Йорк, США) [Schulz, 2016]. По его словам, классикам социологии от Конта до Дюркгейма и Маркса будущее представлялось исключительно важным объектом анализа, однако затем эта проблематика отошла на второй план. Будущее предпочитали видеть открытым и неопределенным. Однако сейчас, с точки зрения Шульца, эта ситуация может измениться. Будущее по-прежнему открыто, однако его открытость – это скорее основание для творческого к нему подхода, для разработки различных его сценариев, нежели повод его игнорировать и полагать, что оно не поддается изучению социологическими методами. Шульц ставит ряд вопросов, которые ему видятся наиболее значимыми в свете данной проблематики: 1) как социология может содействовать широким общественным дебатам о будущем; 2) как представления о будущем влияют на повседневные практики и коллективную жизнь; 3) как идентифицируются и передаются риски; 4) какие социальные акторы и силы способны влиять на будущее; 5) как демократизировать будущее; 6) чему может научить сопоставительный анализ практик борьбы в разных странах и контекстах; 7) как социальные движения преодолевают институциональные преграды и сопротивляются эксплуатации; 8) какие образы будущего желательны и достижимы; 9) какие сценарии будущего могут быть предложены? В ответ на это исполнявший функции председателя Мишель Вивьёрка (Высшая школа социальных наук, Париж, Франция) подчеркнул, что, изучая борьбу, необходимо видеть обе стороны медали – в частности, исследовать как движения, так и антидвижения.

Саския Сассен (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США) [Sassen, 2016] задается целью проблематизировать социологическое знание в самих его основах. Согласно исследовательнице, социологи накопили большой объем узкоспециализированного знания. В связи с этим сейчас необходимо вернуться к базовым уровням теоретизирования; нужно детеоретизировать социологию, с тем чтобы затем ее ретеоретизировать. Например, мало кто изучает заключенных и беженцев в рамках одного исследования, посредством одной исследовательской оптики, в то время как у этих двух социальных групп есть нечто принципиально общее, а именно массовая потеря среды обитания. Или, скажем, если некий амери-

канский и российский заводы загрязняют окружающую среду, важно ли, что один из них находится в капиталистической, а другой – в постсоциалистической стране? Или же для современного мира существеннее, что они оба причиняют вред планете? Сассен придерживается второй точки зрения.

Штефан Лессених (Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана, Германия) [Lessenich, 2016] анализирует проблемы так называемого «открытого общества», идея которого была сформулирована Карлом Поппером в 1945 г. в книге «Открытое общество и его враги»[1]. «Открытое общество», служащее самоописанием современного западного общества, отгородилось от своих «врагов» – тоталитарных и иных недемократических режимов – и стало тем самым не столь уж и «открытым». Гражданские свободы и беспрепятственная мобильность доступны только для членов обществ Запада / Севера, открывающих границы для себе подобных и закрывающих их для всех остальных. Одним из механизмов подобного разделения служит визовая политика. Число туристов в год приближается к миллиарду, однако значительную их часть составляют путешественники из стран, гражданам которых либо вообще не требуется виза для посещения большинства стран мира, либо им нетрудно ее получить. «Так называемая глобализация», как ее характеризует докладчик, является жизненной реальностью для одних и не имеет ничего общего с повседневностью других. Миграционный кризис и климатические изменения – результат действия этой «лотереи права рождения», в терминах Эйлат Шахар[2]; остальной мир наконец дает отпор. Так что, с точки зрения Лессениха, социологи должны проблематизировать «открытость» западного общества, вскрыть его проблемы и наметить пути их решения.

Данную тему продолжил доклад Яна Недервена Питерсе (Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, США) [Nederveen Pieterse, 2016]. По его словам, в мире, где наибольший объем ресурсов принадлежит всего 1% населения, неизбежно должна была произойти смена политико-экономического и культурного паттер-

---

[1] Popper K.R. The open society and its enemies. – L.: Routledge, 1945. Рус. пер.: Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

[2] Shachar A. The birthright lottery: Citizenship and global inequality. – Cambridge (MA); L.: Harvard univ. press, 2009.

на. На смену оси «Север – Юг» пришли взаимодействия «Восток – Юг» и «Юг – Юг». Примерами этого стали БРИКС и новый Шелковый путь. В связи с этим, по мнению Недервена-Питерсе, необходимо новое мышление, которое сможет воспринимать новые феномены современности. В подтверждение возрастающей значимости «других» голосов Нора Гарита Бонилья (Университет Коста-Рики, г. Сан-Хосе) [Garita Bonilla, 2016] сделала доклад на испанском языке. Его тема – перспективы, открываемые в мировой социологии латиноамериканскими феминистскими исследованиями и традиционным знанием коренных жителей Северной и Южной Америки. Феминистская социология до настоящего момента была по большей части представлена высокообразованными представительницами среднего класса, жительницами крупных городов Западной Европы и Северной Америки. Сейчас настало время услышать исследовательниц из других регионов мира, в частности из Латинской Америки. Также назрела потребность в новом экологическом мировоззрении – здесь можно обратиться к опыту традиционных культур. У коренных народов Америки, в частности, принципиально отличные от западных идеи об окружающем мире, а также о времени. В их картине мира время не линейно, а циклично, и в представлении ряда племен мир движется в прошлое, а не в будущее (ведь будущее неизвестно, а прошлое известно и «видно»), что способно в корне изменить привычный для западного человека взгляд на мир.

Подводя итог первого пленарного заседания, М. Вивьёрка отметил, что для изучения новых социальных реалий нужны новые инструменты, категории и методы. Необходимы как эмпирические, так и теоретические исследования, при этом нельзя терять критического взгляда. Изучая новые социальные движения, нужно прояснить их связь с политической сферой. Важно взаимодействовать с другими дисциплинами и интересоваться как нынешним моментом, так и прошлым и будущим.

Тему неравенства в современном мире продолжили следующие пленарные заседания. Первое из них, принявшее форму круглого стола, собрало специалистов по вопросам кризиса во главе с Майклом Буравым (Калифорнийский университет в Беркли, США) и было посвящено множественным кризисам (под чем прежде всего имеется в виду сочетание экономического и экологического кри-

зисов) в Европе и за ее пределами [Facing the multiple crises in Europe and beyond, 2016]. По мнению Клауса Дёрре (Йенский университет, Германия), евроинтеграция с использованием преимущественно рыночных механизмов – это ошибочная политика. Внутри самого Евросоюза наблюдается значительное неравенство. Выход из сложившейся ситуации он видит в развитии демократического социализма и экологической демократии[1]. По словам греческой исследовательницы Марии Маркантонату (Эгейский университет, г. Митилини), корни кризиса 2008 г. – в отказе от ценностей государства всеобщего благосостояния. Она придерживается мнения, что политика жесткой экономии лишь усугубила тяжелое экономическое положение Греции; в результате в стране начался период нестабильности и неустойчивого развития («precarious state»). Своих собеседников поддержала Анна-Мария Симонацци (Римский университет, Италия). По ее словам, страны, в том числе члены Евросоюза, отличаются по уровню диверсификации экономики, степени зависимости от импорта / экспорта и т.п., поэтому одна модель не может подходить всем. «Отстающим» недостаточно рыночных механизмов, для того чтобы достичь уровня развития, сопоставимого с уровнем развития продвинутых стран. А политика жесткой экономии снижает потребление и, следовательно, доходы во многих секторах экономики, тем самым блокируя будущее развитие. Евродепутат от Австрии Йозеф Вайденхольцер добавил, что на данный момент европейские правительственные институты недостаточно прозрачны и гибки, в связи с чем требуется более активное участие национальных парламентов и гражданского общества. Беате Литтих (Институт перспективных исследований, Вена, Австрия) в свою очередь считает, что европейцы слишком аполитичны, в то время как на фоне слабости государства необходима «практическая», гражданская солидарность при поддержке негосударственных организаций. М. Буравой сопоставил нынешний момент и европейскую ситуацию 1930-х годов с точки зрения подъема социальных движений, роста популизма и антипарламентских

[1] Демократический социализм – вид социализма, сочетающий в себе общественную собственность / смешанную экономику (общественную и частную собственность) с политической демократией. Экологическая демократия – политический проект, в рамках которого решения в сфере экологии принимаются непосредственно гражданами.

тенденций в политике. По его мнению, говоря о сочетании экономического и экологического кризиса, нужно проводить различие между системным и социальным кризисом, и если капиталистическая система переживает социальный, но не системный кризис, то окружающая среда пребывает именно в системном, называемом Буравым также финальным, кризисе, но этой мысли еще предстоит проникнуть в умы людей по всему миру. Отвечая на вопросы из зала, участники дискуссии указали, что экономический рост невозможно остановить, но в будущем он должен будет согласовываться с экологическими нуждами. В числе перспективных секторов они назвали социальную сферу, здравоохранение и образование; здесь они видят новые рабочие места и базу для развития. В своем заключительном слове М. Буравой пожелал, чтобы субъективные человеческие представления о мире соединились с социологическим анализом. Действовать, по его словам, нужно именно в кризис; для этого нужны лишь энергия и воображение.

Следующее пленарное заседание освещало вопросы социальной поляризации, эксклюзии и прекаризации[1]. По данным председательствовавшего Макса Халлера (Грацский университет, Австрия), в ряде регионов мира не трудоустроены до 2/3 населения. И если в Швеции экономическое неравенство находится на уровне 25%, то во многих африканских странах этот показатель достигает 60%. 16 млн человек по всему миру являются перемещенными лицами. Среди ключевых мировых проблем исследователь выделил: 1) неконтролируемый неолиберализм в странах Запада / Севера, недостаток регулирования рынков в Китае и России; 2) анахронические явления в политике, по-прежнему определяемой национальным государством; 3) рост вооружений, что обусловливает потребность в демократической мирной политике по всему миру. Урсула Хольгреве (Венский институт по исследованиям труда, Австрия) [Holtgrewe, 2016] анализирует неравенство на рынке труда. Она отмечает, что в странах как Западной, так и Восточной Европы увеличивается разнообразие рынка труда, в частности существенно различие между «привлекательными» и «непривлекательными»

[1] Прекаризация – переход к трудовым отношениям, которые могут быть расторгнуты в любой момент и не обеспечены социальными гарантиями. Прекариат – социальный класс работников с исключительно временной или частичной занятостью.

профессиями («lovely and lousy jobs»[1]). При этом, определяя «хорошую» / «плохую» занятость, специалисты по-прежнему исходят из фордистской модели и образа типичного работника – мужчины, квалифицированного, занятого полный день полную рабочую неделю. В настоящее время наиболее явной тенденцией является расширение рынка так называемых гипергибких (hyperflexible) занятий и увеличение класса прекариата, и это становится новой реальностью. Бенхамин Техерина (Университет Страны Басков, г. Бильбао, Испания) [Tejerina, 2016] представил вниманию гостей Форума ряд карт и графиков, наглядно демонстрирующих неравенство в Европе и мире. Наиболее показательным фактом, с точки зрения самого докладчика, является то, что 300 богатейших людей на планете обладают такими же средствами, как и беднейшие 3 млрд человек. В качестве основных трендов в сфере труда в Евросоюзе он выделяет сокращение среднего класса, а также развитие сетей прекаризации и параллельных рынков. Как он указывает, прекаризация более не находится на периферии, она захватила центр европейских обществ и оказывает воздействие практически на все социальные сферы. Мануэла Боатка (Фрайбургский университет, Германия) [Boatca, 2016] рассматривает вопросы эксклюзии через гражданство. Становление европейского гражданства, отмечает докладчик, происходило посредством избирательного физического и юридического исключения неевропейцев. Данные процессы имеют место по сей день, и в основе их лежит экономический принцип: в то время как бедные неевропейцы на пути к желанному европейскому гражданству сталкиваются с закрытыми границами, криминальным бизнесом и санкциями, богатых неевропейцев призывают его приобретать через инвестиции в экономику той или иной европейской страны (от 250 тыс. евро в Греции до 10 млн евро в Австрии); тем самым происходит коммодификация гражданства. В этих процессах докладчик усматривает проявление двойных стандартов и отражение колониального наследия.

Участники следующего пленарного заседания анализировали перспективы социологического знания в борьбе за лучший мир. Маргарета Бертилссон (Копенгагенский университет, Дания)

[1] Goos M., Manning A. Lousy and lovely jobs: The rising polarization of work in Britain // Rev. of economics a. statistics. – Cambridge (MA); L., 2007. – Vol. 89, N 1. – P. 118–133.

[Bertilsson, 2016] сделала акцент на постоянно расширяющемся поле социального. В частности, она обращает внимание на появление работ, посвященных социальной жизни (социальным сетям, солидарности) иных, нечеловеческих существ, – таких как «Тайная жизнь деревьев» П. Вольлебена[1]. Тем самым о социальных явлениях пишут отнюдь не только социологи, но и, например, представители естественнонаучной области; соответственно, дисциплинарные рамки стираются. Кроме того, социология оперирует сложным категориальным аппаратом – по мнению Бертилссон, пришло время вернуться к базовым социальным категориям и простым идеям, к изучению «элементарной» социальной жизни. Подобный подход позволит лучше понять рост популизма, Брексит и пр. Таким образом, докладчик призывает социологию держать свои границы открытыми и в сотрудничестве с другими науками изучать социальное в его основах и ради него самого, а не ради поддержания академических дисциплин.

Доклад Дитера Бёгенхольда (Университет г. Клагенфурта, Австрия) [Boegenhold, 2016] продолжил тему дисциплинарных границ, однако данный автор, хотя и проблематизирует их, все же склоняется к их сохранению. Бёгенхольд утверждает, что в последние десятилетия грань между социологией и такими науками, как экономика, психология и история, действительно стала менее очевидной. Экономисты, например, все чаще используют термины вроде «мотивация», «рациональность», «норма», «культура», которые традиционно относятся к социологической области. С точки зрения докладчика, социологии необходимо осознать это положение вещей и найти свое место в современной дисциплинарной ситуации, определив собственные слабые и сильные стороны. В связи с этим он указывает, что среди исследовательских комитетов МСА лишь один специализируется на теории социологии. Опираясь на рассуждения Шумпетера о теории в социальных науках, он утверждает, что социология должна обновить свои теоретические основания, отобрав и соединив наиболее актуальные и полезные идеи, в частности именно те, что характеризуют ее особое положение среди других социальных наук.

---

[1] Wohlleben P. Das geheime Leben der Bäume. – München: Ludwig, 2015. Рус. пер.: Вольлебен П. Тайная жизнь деревьев. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2017.

Отдавая дань Вене как месту проведения Форума и как одному из ведущих европейских интеллектуальных центров начала XX в., где ковалась современная европейская культура, Гертрауде Микль-Хорке (Венский экономический университет, Австрия) [Mikl-Horke, 2016] сделала доклад о ранней австрийской социальной мысли (1871–1936). Ранние австрийские социологические исследования испытывали влияние логического позитивизма и физикализма[1], политэкономии и социалистических идей и развивались в обстановке социальных конфликтов и экономических кризисов, сотрясавших многонациональную Австро-Венгерскую империю. В этой ситуации основными направлениями социальной мысли в Австрии стали: социология познания (М. Адлер, В. Йерусалем); социология государства, права, истории (Л. Гумплович, О. Эрлих); социологические исследования экономики (К. Менгер, Ф.А. фон Хайек). Еще в Австро-Венгрии / Австрии были заложены основы социологических областей, прославивших их авторов уже на американской земле, – социометрии (Я.Л. Морено), экономической социологии (К. Поланьи), феноменологической социологии (А. Шюц). С точки зрения докладчика, социология должна постоянно открывать себя заново, поэтому обращение к прошлому опыту, тем более к периоду, когда социология в той или иной стране, в данном случае Австрии, еще не была институционализированной дисциплиной, а только рождалась и несла в себе большой творческий потенциал, может оказаться достаточно продуктивным. Кроме того, каковы бы ни были отличия, в Австро-Венгрии начала XX в. и в Евросоюзе наших дней можно найти сходства – этнокультурные проблемы, нарастающее социоэкономическое неравенство и пр. И, по словам Микль-Хорке, австрийские социальные мыслители того времени осознавали, что живут в эпоху больших перемен, и мечтали сыграть свою роль в преображении мира. К тому же стремятся и многие современные социологи.

Последний доклад данного пленарного заседания обозначил одно из направлений дальнейших исследований. Как полагает докладчик, Сели Скалон (Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия) [Scalon, 2016], на вызовы современного мира социология

[1] Физикализм – концепция логического позитивизма, в соответствии с которой критерием научности любого научного положения является возможность его перевода на язык физики.

может ответить только международными исследовательскими проектами и транснациональным диалогом. По словам Скалон, в течение длительного времени социология развивалась асимметрично: знание генерировалось Севером и потреблялось Югом. Теперь, с ростом числа сравнительных исследований, увеличением количества международных научных мероприятий и публикаций в открытом доступе, знание может производиться в сотрудничестве, быть результатом совместных усилий представителей различных культурных и интеллектуальных традиций; в итоге наука будет полнее отражать мир и будет способствовать наступлению более справедливого будущего, утверждает исследовательница.

Заключительное пленарное заседание подвело своеобразный итог Форума и обозначило будущие исследовательские перспективы. Председательствовал на нем М. Шульц, а комментатором выступил Ален Турен (Высшая школа социальных наук, Париж, Франция).

Асеф Баят (Иллинойский университет, г. Урбана-Шампейн, США) [Bayat, 2016] анализирует потенциал постисламской демократии. Как отмечает Баят, в представлении западных обществ большинство мусульманских стран не ассоциируются с демократией. Согласно многим авторам, власть в исламе принадлежит Богу, а не людям, оттого демократия невозможна. Однако с точки зрения докладчика, это не религиозный и не философский, а социально-политический вопрос. Социология изучает не ислам, а исламистов. И если исламизм стремится к созданию религиозного исламского государства и, соответственно, не совместим с демократией, то постисламизм несет в себе критический потенциал и ориентирован на либерально-демократическое реформирование мусульманских обществ. У индивида, в соответствии с данными воззрениями, есть права, а не только долг перед Аллахом. В разное время либеральные режимы существовали в Иране, Турции, Индонезии, Тунисе и других странах, что свидетельствует о возможности построения подобного государства в исламской стране.

Акосуа Адомако Ампофо (Ганский университет, г. Аккра) [Adomako Ampofo, 2016] представила «афроориентированный» подход к производству знания. По Адомако-Ампофо, мировосприятие жителей Черной Африки может быть выражено посредством ряда формул, а именно: «Я существую, потому что мы сущест-

вуем», «У меня все хорошо, потому что у тебя все хорошо», «Помоги мне и позволь мне помочь тебе», а также «Я верну (сь)» (что означает: «Ничто не исчезает бесследно; всегда можно вернуться на тропу, с которой сошел, и вернуть себе оставленное в прошлом»). Как подчеркивает докладчик, традиционное знание ставит иные вопросы и приходит к иным выводам, нежели современное знание Запада / Севера; и в целях деколонизации интеллектуальной продукции оно должно быть введено в социологический мейнстрим, стать приоритетным, и проекты, на него опирающиеся, должны получить поддержку, в том числе финансовую.

Два последних доклада касались экологического кризиса и экологических проблем. Эмма Порио (Университет Атенео-де-Манила, г. Кесон-Сити, Филиппины) [Porio, 2016] утверждает, что крупные экологические катастрофы, произошедшие в последние годы в разных частях света, ниспровергают наши потребительские стили, наши ценности, нашу экономическую политику, программы наших правительств, не принимающих во внимание судьбу последующих поколений. Юго-Восточная Азия, указывает Порио, является одним из самых опасных регионов с точки зрения угрозы наводнений, однако стихийные бедствия не знают региональных и национальных рубежей и стирают всевозможные границы. В связи с этим необходимо объединить усилия разных стран, а также различных политических и экономических секторов и академических дисциплин. Один из проектов, которые докладчик приводит в качестве примера, объединил ученых и специалистов из Канады, Нигерии, Филиппин и Таиланда; в его рамках изучались проблемы, адаптивные возможности и инновационные идеи в отношении будущего развития прибрежных мегаполисов в данных странах. Таким образом, борьба с экологическими проблемами требует системного междисциплинарного подхода, который объединит естественные и социальные науки и воплотит их лучшие идеи в правительственной политике.

Согласно Тодду Гитлину (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США) [Gitlin, 2016], экологический кризис является отражением кризиса духовного, социального, политического и экономического. Модель экстенсивного развития себя исчерпала. Следуя

Маккензи Уорку[1], докладчик утверждает, что не существует отдельной от нас окружающей среды, мы с ней – единое целое. И притом что уничтожение природной среды – это составляющая человеческой деятельности и история знает случаи подобного саморазрушения цивилизаций (пример тому, как полагают, – индейцы майя), глобальный капитализм вывел эти процессы на неизвестный доныне уровень. Поэтому, подчеркивает Гитлин, требуются перемены в социальной организации, но прежде всего необходимо изменить сознание людей. В качестве срочных мер он называет следующие: как можно скорее прекратить использование невозобновляемых источников энергии; произвести радикальные преобразования в энергетике, строительстве, промышленности, транспортной сфере; составить мировую карту предприятий-загрязнителей, а также государственных структур и частных компаний, инвестирующих в «грязные» технологии; подвергнуть подобные организации широкой общественной критике в сочетании с активными протестами. Единым фронтом должны выступить теоретики-методологи и практики-наставники; необходимо наладить взаимодействие со СМИ и правительствами.

В своем комментарии по поводу прослушанных докладов А. Турен оспорил возможность мусульманской демократии – так же, как демократии христианской, буддистской и пр., – поскольку демократия может зародиться лишь при отделении политической власти от власти религиозной. Тем не менее люди, по его словам, нуждаются в чем-то «священном»; они не могут жить в однозначно секулярном мире. Подобным объединяющим потенциалом обладают универсальные права человека, являющие собой фундаментальную общечеловеческую ценность. Возвращаясь к основному вопросу Форума, Турен призвал, прежде чем строить будущее, оценить, что было разрушено. По его мнению, социальные движения могут связать социологическую теорию с практикой построения будущего; в ходе социального движения люди становятся субъектами. Ценностью XVIII в. было братство; в XIX в. о братстве забыли и заговорили о солидарности. В XX в. универсальной ценностью стало достоинство, в связи с чем цель сегодняшних социальных движений – это, по Турену, борьба с унижением человече-

[1] Wark M. Molecular red: Theory for the Anthropocene. – L.: Verso, 2015.

ского достоинства. В свою очередь в своем заключительном слове М. Шульц выразил надежду на инициативы «снизу» и широкое гражданское сотрудничество.

Список докладов

1. Abraham M. ISA presidential address // 3rd forum of sociology: The futures we want: Global sociology and the struggles for a better world. – Vienna, 2016. – 10–14 July. – Opening ceremony. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=LW44_sW4Jmc [Accessed 01.11.2017.]
2. Adomako Ampofo A. Black lives matter and the status of the Africana world // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Closing plenary session / Chair: M.S. Schulz; discussant: A. Touraine. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=G145xlrtKMA [Accessed 01.11.2017.]
3. Bayat A. Imagining a post-Islamist democracy // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Closing plenary session / Chair: M.S. Schulz; discussant: A. Touraine. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=G145xlrtKMA [Accessed 01.11.2017.]
4. Bertilsson M. The ever expanding social field and the (in)capacity of sociology to respond to new challenges // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Plenary session: Sociological thought and the struggle for a better world / Chair: F. Welz. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=zn3ZvetLEY0 [Accessed 01.11.2017.]
5. Boatca M. Exclusion through citizenship and the double standards of modernity and coloniality // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Plenary session: Overcoming boundaries and polarizations between centers and peripheries / Chair: M. Haller. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=PZygLYgfV8I [Accessed 01.11.2017.]
6. Boegenhold D. Towards a universal social science: Sociology in dialogue with neighboring disciplines // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Plenary session: Sociological thought and the struggle for a better world / Chair: F. Welz. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=zn3ZvetLEY0 [Accessed 01.11.2017.]
7. Facing the multiple crises in Europe and beyond / Burawoy M., Doerre K., Littig B., Markantonatou M., Simonazzi A., Weidenholzer J. // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Round table discussion / Chair: B. Aulenbacher. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=-j7hE--GKIU [Accessed 01.11.2017.]
8. Garita Bonilla N. Pueblos in movement: Feminist and indigenous perspectives // 3 rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Opening plenary session / Chair: M. Wieviorka. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=PlVkrePfwh0 [Accessed 01.11.2017.]
9. Gitlin T. What kind of a world can weather climate change? // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Closing plenary session / Chair: M.S. Schulz; discussant: A. Touraine. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=G145xlrtKMA [Accessed 01.11.2017.]

10. Holtgrewe U. Social polarization // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Plenary session: Overcoming boundaries and polarizations between centers and peripheries / Chair: M. Haller. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=PZygLYgfV8I [Accessed 01.11.2017.]
11. Lessenich S. The «open society» and its contradictions: Towards a critical sociology of global inequalities // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Opening plenary session / Chair: M. Wieviorka. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=PlVkrePfwh0 [Accessed 01.11.2017.]
12. Mikl-Horke G. Sociology between historicity and present-day relevance: The case of early Austrian social thinking // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Plenary session: Sociological thought and the struggle for a better world / Chair: F. Welz. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=zn3ZvetLEY0 [Accessed 01.11.2017.]
13. Nederveen Pieterse J.P. Global and transnational futures // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Opening plenary session / Chair: M. Wieviorka. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=PlVkrePfwh0 [Accessed 01.11.2017.]
14. Porio E. Risks and resilience in a rapidly unfolding world: What does it hold for our sociological practice? // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Closing plenary session / Chair: M.S. Schulz; discussant: A. Touraine. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=G145xlrtKMA [Accessed 01.11.2017.]
15. Sassen S. Relocalizing the national and horizontalizing the global // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Opening plenary session / Chair: M. Wieviorka. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=PlVkrePfwh0 [Accessed 01.11.2017.]
16. Scalon C. Sociology in times of global changes: How to address a new agenda for transnational studies? // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Plenary session: Sociological thought and the struggle for a better world / Chair: F. Welz. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=zn3ZvetLEY0 [Accessed 01.11.2017.]
17. Schulz M.S. The futures we want: Global sociology and the struggles for a better world: Forum president's address // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Opening plenary session / Chair: M. Wieviorka. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=PlVkrePfwh0 [Accessed 01.11.2017.]
18. Tejerina B. The ruins of the future: A glance into precariousness from inside the crisis // 3rd forum of sociology. – Vienna, 2016. – Plenary session: Overcoming boundaries and polarizations between centers and peripheries / Chair: M. Haller. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=PZygLYgfV8I [Accessed 01.11.2017.]

2018.01.015. ПОНАМАРЕВА А.М., ЕФРЕМЕНКО Д.В. КОММЕМОРАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г. В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ И ИХ СТРАТЕГИИ (по итогам заседания Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН 12 октября 2017 г.). (Обзор)[1].

Ключевые слова: политика памяти; коммеморация; революции 1917 г.; история; П. Нора; «место памяти»; символическая политика; Э. Ренан; нация; «событие памяти».

12 октября 2017 г. Группа ситуационного анализа ИНИОН РАН провела заседание на тему «Столетний юбилей революций 1917 года и российская политика памяти». С основными докладами выступили д-р филос. наук, проф., гл. науч. сотр. ИНИОН РАН О.Ю. Малинова и д-р ист. наук, проф., вед. науч. сотр. ИНИОН РАН А.И. Миллер. В ситуационном анализе приняли участие д-р полит. наук Д.В. Ефременко, д-р полит. наук Ю.Г. Коргунюк, д-р экон. наук С.Н. Смирнов, д-р полит. наук В.С. Авдонин, канд. соц. наук А.М. Понамарева, к. полит. н. Е.В. Пинюгина. Модератором дискуссии выступил заместитель директора по научной работе ИНИОН РАН, д-р полит. наук Д.В. Ефременко. Данный обзор представляет собой критическое обобщение разноплановых экспертных оценок, высказанных участниками дискуссии в ходе состоявшегося заседания. Поскольку одним из базовых правил SWOT-анализа является анонимность отражения позиции эксперта в заключительном документе, при подготовке настоящего материала мы намеренно избегали соотнесения определенных тезисов с конкретными именами.

Отталкиваясь от определения «политики памяти» как всей сферы публичных стратегий в отношении прошлого, участники заседания сфокусировали внимание не на историографических новациях предложенной темы, а на взаимодействии общественных акторов по поводу различных вариантов коммеморации этого, по словам О.Ю. Малиновой, «неудобного, но неизбежного» юбилея. Отдельно было отмечено, что политика памяти является системой с внутренней рефлексией, причем представители научного сообще-

[1] Обзор подготовлен в рамках работы по исследовательскому проекту Российского научного фонда № 17-18-01589, выполняемому в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

ства оказываются в двойственной позиции: и непосредственного актора, и рефлексирующего наблюдателя.

Особая роль политики памяти в формировании национально-государственной идентичности обусловливает исключительную значимость соответствующей проблематики, в том числе в плане национальной безопасности. Как отмечал Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?»: «Совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем – вот главные условия для того, чтобы быть народом». Подчеркивая, что существование нации есть «повседневный плебисцит», он обозначал две вещи, составляющие «душу» любого национального государства: «общее соглашение, желание жить вместе» и «общее обладание богатым наследием воспоминаний»[1]. Таким образом, политика памяти представляет собой целенаправленное культивирование определенной формы «общего наследия воспоминаний» в целях обеспечения сплоченности политической нации.

Сложную систему взаимодействий и коммуникаций в рамках политики памяти нельзя редуцировать до линейного процесса нациестроительства на основе использования различных практик коммеморации, преподавания истории и представления исторических сюжетов в популярных медиа и т.д. Устремления участников этого процесса зачастую оказываются разнонаправленными, а в основе их действий могут быть не только идеи сплочения нации, но и гораздо более приземленные задачи укрепления конкретного социально-политического порядка или, напротив, его подрыва. Не остаются в стороне и факторы внешней среды, связанные с позитивным или негативным отношением к макрополитической идентичности другого сообщества.

Следует подчеркнуть, что основным драйвером политики памяти в той или иной стране выступают интересы, устремления и действия внутренних сил, направленные на утверждение некой трактовки истории. Но на определенном этапе взаимодействий относительно прошлого может резко возрасти роль внешних акторов, способных существенно повлиять на содержание и направленность политики памяти в той или иной стране. Все чаще политика памяти

[1] Ренан Э. Что такое нация? // Хронос. – 2006. – Режим доступа: http://hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php [Дата обращения: 31.10.2017.]

становится предметом межгосударственных интеракций; по этому кругу проблем начинают формировать свою собственную позицию и наднациональные структуры (в частности, Европейского союза).

Конфликтность, отличающая российскую политику памяти, объясняется одновременным сосуществованием в пространстве национальной символической политики двух конкурирующих парадигм: критической проработки трудного прошлого и выстраивания нарратива, представляющего макрополитическое сообщество исключительно в позитивном ключе. Задача выработки общеприемлемого формата коммеморации юбилея революции 1917 г. усложняется тем, что соответствующие события являются элементом обоих соперничающих нарративов.

Несколько упрощая, мы можем выделить три политические силы, отстаивающие определенное видение событий 1917 г.

Первым мнемоническим актором выступает властвующая элита, сделавшая ставку на последовательное понижение статуса революций 1917 г. параллельно внедрению установки на «примирение и согласие».

После распада СССР Президент РФ Б.Н. Ельцин 13 марта 1995 г. подписал Федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России», в котором 7 ноября было названо Днем освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (1612 год)[1]. Он же своим указом от 7 ноября 1996 г. дал празднику новое имя – День согласия и примирения[2]. 29 декабря 2004 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статью 1 ФЗ № 32 “О днях воинской славы (победных днях) России”», в соответствии с которым 7 ноября стал Днем воинской славы России. Статья 2 ФЗ № 32 была дополнена абзацем следующего содержания: «4 ноября – День народного

[1] Федеральный закон от 1 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (с изменениями и дополнениями) // Система ГАРАНТ. – Режим доступа: http://base.garant.ru/1518352/ [Дата обращения: 31.10.2017.]

[2] Указ Президента Российской Федерации от 7 ноября 1996 г. № 1537 «О Дне согласия и примирения» // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/10231 [Дата обращения: 31.10.2017.]

единства»[1]. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2004 г. «О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации», начиная с 2005 г., день 7 ноября перестал быть выходным днем[2]. Вместо него выходным днем стал День народного единства, отмечаемый 4 ноября. Таким образом, никакой работы по стратегической трансформации общественного восприятия событий 1917 г. проведено не было, и власти предпочли просто «сбросить» эту тему с повестки дня.

Однако столетие такого великого по историческим меркам события, конечно, не может пройти незамеченным, и обращение к этой теме представителей политического и экспертного сообществ иностранных государств мотивировало российскую власть разработать собственный, максимально деполитизированный проект общегосударственной коммеморации событий 1917 г.

Формально распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных столетию «революции 1917 года в России», было подписано Президентом РФ в декабре 2016 г., т.е. буквально за несколько недель до того момента, когда надо было бы отмечать столетие Февральской революции[3]. Для сравнения, подготовка официального Парижа к торжествам по случаю 200-летия Великой французской революции заняла чуть ли не 10 лет. Также обращает на себя внимание намеренное снятие в тексте Распоряжения всех оценочных и дискуссионных эпитетов («великая», «социалистическая», «буржуазная») и объединение событий Февраля и Октября в один смысловой блок «революции 1917 года». Как указание на не слишком высокий статус будущего юбилея можно расценивать отказ государства брать на себя роль организатора коммеморативных

---

[1] Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О днях воинской славы (победных днях) России”» // Российская газета. – М., 2005. – 26 июля. – Режим доступа: https://rg.ru/2005/07/26/dnislavy-dok.html [Дата обращения: 31.10.2017.]

[2] Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 201-ФЗ «О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12138245/#ixzz4x6ltGNzM [Дата обращения: 31.10.2017.]

[3] Распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России // Официальный сайт Президента России. – М., 2016. – 19 декабря. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/news/53503 [Дата обращения: 31.10.2017.]

событий и передачу этой роли ассоциации «Российское историческое общество» (РИО). Отметим, что празднование 70-летия победы над фашистской Германией начинали планировать в еще в 2013 г., причем Комитет по организации возглавлял лично Президент РФ В.В. Путин.

Анализ плана торжественных мероприятий, подготовленного РИО при участии Российского военно-исторического общества (РВИО), руководимого В.Р. Мединским, позволяет констатировать нацеленность властей на проведение коммеморации в духе «примирения и согласия». Несмотря на то что, как справедливо отметил председатель РИО С.Е. Нарышкин, после 2005 г. уже выросло целое поколение людей, никогда не отмечавших 7 ноября как праздник, постановка вопроса о «примирении» вполне обоснована. События 1917 г., безусловно, послужили прологом к трудной и трагической истории XX в., и оценка революции, отношение к революции лежат в основе конкурирующих нарративов отечественного прошлого.

Необходимо подчеркнуть, что даже во властных кругах единства мнений относительно формата коммеморации не наблюдалось, и итоговое решение отметить 100-летний юбилей революции как неполитическое и *внутрироссийское* событие, сделав упор на идее примирения и согласия потомков белых и красных, – даже не компромиссная точка зрения. В конечном итоге в заданном властью дискурсе не были полноценно актуализированы идеи:

- рассмотрения революции как досадного срыва на пути развития великого российского государства;
- признания того, что революция 1917 г. навсегда лишила Россию возможности оказаться в зоне ядра, а не на полупериферии мировой системы;
- необходимости признания *международной* значимости Октябрьской революции, с тем чтобы юбилей не стал поводом к фальсификации истории и продвижению антироссийских интересов;
- Великой российской революции – с хронологией с 1917 по 1922 г. (либо еще более широкой) – т.е. описания ее как длительного процесса, в котором были разные этапы, по аналогии с Великой французской революцией.

Отметим, что идея «Великой российской революции 1917–1922 гг.», продвигаемая авторами единой концепции преподавания

истории в школе, была достаточно перспективной. Разбиение события на множество коммемораций, которые могли бы осуществляться разными политическими силами и проходить под разными «знаками», позволило бы объединить в одном символическом пространстве и празднующих, и скорбящих. От этой идеи осталась формула «революции 1917 г.» без уточнения хронологии, но отмечать столетний юбилей на протяжении четырех лет власть сочла нецелесообразным.

Вторым значимым мнемоническим актором, оппозиционным властным элитам, являются коммунистические и левые силы. В логике советского исторического нарратива 1917 год был *мифом основания* для государства рабочих и крестьян, и руководство СССР вкладывало довольно существенные ресурсы в создание соответствующей инфраструктуры коллективной памяти этого мифа. Трактовка событий 1917 г. современными коммунистами в целом продолжает советскую традицию интерпретации: либеральный Февраль, который начал распад страны, и Октябрьская революция, которая страну спасла, открыв нашему народу путь к светлому коммунистическому будущему. Ну а то, что в годы перестройки этой перспективе был положен конец, – это трагедия, главная травма XX в., где *золотым веком* был именно советский период. КПРФ оказалась единственной политической силой, намеренной праздновать эту дату в нарративе: «Октябрьская революция – это момент национальной славы».

Коммунисты не поддерживают риторику согласия и примирения. Они разработали собственную программу коммеморации, имеющую международно-политическую составляющую. Были согласованы визиты представителей более чем 125 левых и прогрессивных зарубежных партий. Основная идея коммеморации «по-коммунистически» – борьба с антисоветизмом и русофобией (причем как внутри, так и за пределами страны).

Таким образом, коммунисты позиционируют себя в качестве воинствующих мнемонических акторов, обозначая радикальное несогласие с официальной концепцией. Однако коммунистический блок – это в первую очередь *системная* политическая партия, соизмеряющая уровень своей оппозиционной риторики с необходимостью конструктивного сотрудничества с властью по широкому кругу значимых вопросов.

При этом не следует забывать, что на левом фланге помимо коммунистов есть и другие силы, а политика памяти – это такая сфера, в которой условный Давид может оказаться сильнее условного Голиафа. Иначе говоря, мнемонический актор со сравнительно слабыми ресурсами способен стать преградой для реализации планов более сильного игрока.

Третьим мнемоническим актором в данном контексте является Русская православная церковь (РПЦ), для которой 1917 г. – это, с одной стороны, начало национальной трагедии, где бедствия народа соединились с распадом государства и гонениями на священников, а с другой – первый с XVII в. Поместный собор и восстановление патриаршества. Именно 1917 год и подготовка Поместного собора позволили разным крыльям церкви (а церковь никогда не была однородна в этих вопросах) поднять темы демократизации внутрицерковной жизни.

Показательно, что, будучи одним из наиболее влиятельных игроков в коалиции общественных сил, которые выступают за критическую проработку прошлого, РПЦ при этом совершенно не настаивает на немедленной реализации программы пересмотра истории. Такая двойственность отражает имманентно присущую данному социальному институту пастырскую установку на сохранение мира, на то, что к решениям подобного рода следует идти путем убеждения, а не насилия.

Используя терминологию Майкла Бернхарда и Яна Кубика[1], можно констатировать, что мы имеем дело с фрагментированным конфликтным режимом памяти по поводу революции 1917 г. Причем эта фрагментация происходит в условиях, когда у властвующей элиты есть возможность контролировать рамки допустимого. Эти рамки были достаточно четко обозначены В.В. Путиным на одном из выступлений на Валдайском форуме как патриотическая позиция. Допустимое ограничивается теми нарративами, которые не способствуют подрыву последней.

В центре идеологического конфликта вокруг событий 1917 г. стоит вопрос о легитимности революции как инструмента исторического движения, причем здесь все три вышеозначенных систем-

[1] Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration / Ed. by M. Bernhard, J. Kubik. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2014.

ных мнемонических актора, будучи одинаково заинтересованы в стабильности современной российской государственности, придерживаются единой позиции, утверждая неприемлемость насильственной смены режима. Однако отсутствие полноценного, детально проработанного, национально ориентированного консервативного проекта представляет собой очевидную слабость реализуемой в РФ политики памяти. «Здесь и сейчас» на первый план выходит ценностная нейтральность, которая, однако, несет в себе определенные риски в плане формирования международного имиджа России. При всей своей драматичности и во многом благодаря этой драматичности события 1917 г. составляют значимый символический капитал, разбрасываться которым не стоит уже просто из соображений прагматизма.

Конечно, сегодня события 1917 г. не смогут стать предметом тотального согласия и примирения. Однако и общественный интерес к этой теме не так уж высок. Социологические опросы показывают неуклонное возрастание доли респондентов, выражающих безразличное отношение к революции 1917 г. при общем сохранении пропорции между теми, кто оценивает ее позитивно, и теми, для кого она воплощает черные страницы истории отечества. Политические силы, заинтересованные в использовании коммеморации как некого символического ресурса, смогут этот ресурс использовать. Но сама коммеморация не станет «событием памяти», выражаясь в терминах А.М. Эткинда, т.е. смены ландшафта интерпретаций не произойдет. 1917 год по-прежнему останется точкой отсчета конкурирующих нарративов о прошлом и будущем нашей страны.

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

2018.01.016. КУЛИ Ч.Х. СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ).
COOLEY Ch.H. Social organization: A study of the larger mind. – N.Y.: Charles Scribner's sons, 1929. – P. 61–90.

Ключевые слова: коммуникация вербальная и невербальная; письменность; искусство; современные средства коммуникации; газета.

ЧАСТЬ II. КОММУНИКАЦИЯ

Глава VI. Значимость коммуникации

Под коммуникацией здесь понимается механизм, посредством которого существуют и развиваются человеческие связи, т.е. все символы ума вкупе со средствами их передачи в пространстве и сохранения во времени. Сюда входят выражения лица, установки и жесты, голосовые интонации, слова, письмо, печать, железные дороги, телеграф, телефоны и все прочие новейшие достижения в покорении пространства и времени. Все это вместе взятое, во всей сложности его действительной комбинации, составляет органическое целое, соответствующее органическому целому человеческой мысли; все, что возникает в русле ментального развития, обретает внешнее существование внутри него. Чем ближе мы изучаем этот механизм, тем теснее оказывается его связь с внутренней жизнью человека, и ничто так не помогает нам понять последнюю, как подобное исследование.

Между средствами коммуникации и остальным внешним миром нет четкой границы. В каком-то смысле все объекты и действия – символы ума, и едва ли не все можно использовать как знак;

так, я могу обозначить для ребенка луну или белку, просто показав на них или сымитировав голосом болтовню одной и обрисовав очертания другой. Вместе с тем почти с самого начала присутствует конвенциональное развитие коммуникации, возникающее из самопроизвольных знаков, но вскоре теряющее очевидную связь с ними, т.е. некоторая система стандартных символов, существующая просто для передачи мысли. Ее нам и нужно главным образом рассмотреть.

Без коммуникации ум не развивает подлинно человеческую природу, а остается в аномальном и несформированном состоянии – не человеческом, но и, собственно говоря, не животном. Это трогательно иллюстрирует случай Хелен Келлер, которая, как известно всему миру, в возрасте полутора лет была отрезана от жизнерадостной людской жизни потерей зрения и слуха и только к семи годам восстановила связь с окружающими. Хотя ее ум в течение этого времени не был полностью изолированным, поскольку она продолжала пользоваться значительным числом знаков, усвоенных в раннем младенчестве, все-таки ее порывы были грубыми и неуправляемыми, а ее мышление – настолько бессвязным, что впоследствии она не помнила почти ничего из того, что происходило с ней до пробуждения, случившегося к концу седьмого года жизни.

История этого пробуждения, рассказанная ее учительницей, со всей живостью показывает значимость общего факта и идеи коммуникации для индивидуального ума, а именно это нам и нужно. Неделями мисс Салливан произносила слова по буквам ей в руку, а Хелен их повторяла и связывала с объектами; но она не постигла еще идею языка как такового, не понимала, что у всего есть имя и что с помощью этих имен она может делиться своими переживаниями с другими и узнавать их переживания; у нее не было идеи, что есть некое товарищество в мысли. Эта идея пришла к ней внезапно.

«Этим утром, – пишет ее учительница, – она умывалась, и ей захотелось узнать, как называется вода… Я проговорила по буквам “в-о-д-а” и больше не думала об этом, пока мы не позавтракали. И вдруг мне пришло в голову, что с помощью этого нового слова мне, возможно, удастся исправить проблему “кружки–молока” [пу-

таницу идей, о которой говорилось выше]. Мы вышли в насосную, я сделала так, чтобы Хелен подставила кружку под кран, а сама стала качать воду. Когда холодная вода хлынула, наполняя кружку, я проговорила в свободную руку Хелен: “в-о-д-а”. Настолько приближенное к ощущению льющейся ей на руку холодной воды, это слово, казалось, поразило ее. Она уронила кружку и стояла как вкопанная. Новый свет явился в ее лице. Она проговорила несколько раз: “вода”. Потом стряхнула капли на землю и спросила, как это называется, указала рукой на насос и подпорки, а затем, внезапно повернувшись ко мне, спросила мое имя. Я проговорила: “учительница”. В этот самый момент няня внесла в помещение насосной маленькую сестренку Хелен, и Хелен произнесла: “малышка” – и показала рукой на няню. Все время по дороге домой она была крайне возбуждена и спрашивала названия всех предметов, к которым прикасалась; в итоге за считанные часы она прибавила к своему словарному запасу тридцать новых слов».

На следующий день мисс Салливан пишет: «Этим утром Хелен проснулась, как светящаяся фея. Она порхала от одного предмета к другому, спрашивая, как это все называется, и радостно целуя меня». И четыре дня спустя: «Теперь все должно иметь свое имя… Она отказывается от знаков и пантомимы, которыми пользовалась раньше, сразу, как только находит слова, могущие их заменить, и приобретение каждого нового слова доставляет ей живейшее удовольствие. Мы замечаем, что лицо ее становится с каждым днем все выразительнее»[1].

Этот опыт типичен для того, что происходит – но постепенно – со всеми нами: именно благодаря коммуникации мы достигаем своего высшего развития. Лица наших товарищей и разговоры с ними, книги, письма, путешествия, искусства и т.п., пробуждая мысль и чувства и направляя их в определенное русло, дают стимул и рамку всякому нашему росту.

Если взглянуть шире и рассмотреть жизнь социальной группы, то и здесь мы видим, что коммуникация, включая организацию

[1] Keller H. The story of my life; with her letters (1887–1901) and a supplementary account of her education, including passages from the reports and letters of her teacher, Anne Mansfield Sullivan. – N.Y.: Doubleday, Page & co., 1905. – P. 316–317.

ее в литературу, искусство и институты, есть поистине внешняя, или зримая, структура мысли, одновременно причина и следствие внутренней, или сознательной, жизни людей. Все есть единый рост: символы, традиции, институты, разумеется, проецируются из ума вовне, но в самый момент своего проецирования и после они оказывают на него обратное воздействие и в каком-то смысле его контролируют, стимулируя, развивая и закрепляя одни мысли в ущерб другим, не получившим пробуждающего внушения. Благодаря этой структуре индивид является членом не только семьи, класса и государства, но и более обширного целого, включающего и доисторических людей, мысль которых участвовала в его построении. В этом целом он живет как в некоем начале, черпая из него материалы для своего роста и добавляя в него всякую конструктивную мысль, которую сможет выразить.

Итак, система коммуникации – это орудие, прогрессивное изобретение, усовершенствования в котором оказывают обратное влияние на человечество и изменяют жизнь каждого индивида и института. Изучение этих усовершенствований – один из лучших способов приблизиться к пониманию связанных с ними ментальных и социальных изменений, поскольку оно дает осязаемый каркас для наших идей – подобно тому, как человек, желающий постичь органический характер промышленности и торговли, вполне мог бы начать с изучения железнодорожной системы и объема и видов перевозимых ею товаров, а уже затем перейти к более абстрактным финансовым сделкам.

И мы не можем, особенно подходя к современной эпохе, ничего понять правильно, если не понимаем, как революция в коммуникации создала для нас новый мир. Поэтому я постараюсь далее показать, как рост сношений сказывается на социальном развитии, сосредоточась в особенности на последствиях новейших изменений.

Глава VII. Рост коммуникации

Главными средствами того, что мы называем довербальной коммуникацией, служат выражение лица – особенно подвижных его частей вокруг глаз и рта, – высота, интонация и эмоциональный тон голоса, а также жесты, производимые головой и руками. Все

они берут начало в невольных движениях, но могут быть подчинены волевому усилию, и все они энергично практикуются и интерпретируются детьми задолго до того, как те научатся говорить. Они непосредственно соединены с действием и эмоцией. Например, голосовые интонации воздействуют на чувства ребенка так же напрямую, как и музыка, и интерпретируются отчасти за счет инстинктивной восприимчивости. Мне довелось, например, слышать, как девочка 17 месяцев использовала свой голос нечленораздельно, но столь выразительно, что звучало это почти как воодушевленная беседа. Жестикуляция, будь то протягивание руки, поклон, отворачивание головы и т.д., исходит напрямую из идей и чувств, которые ею репрезентируются.

Человеческое лицо, «и цвет и абрис жизни и ума»[1], – своего рода олицетворение общества, и если бы мы смогли прочитать все то, что вписано в выражения проплывающих мимо человеческих лиц, то мы нашли бы в них немало социологии. Наследственные предрасположенности, семейное воспитание, отпечаток школы, текущие мнения, современные институты – все есть в них, прорисованное точнейшим карандашом. Если хочется, например, достичь настоящего человеческого проникновения во времена Генриха VIII, то вряд ли найдется путь лучше, чем ознакомление с портретами Гольбейна; то же касается и других эпох, в том числе нашей, черты коих предстают со всей наглядностью в коллекции портретов. Многие люди могут узнавать по выражениям лиц особые классы, например священников, а кто-то из них и расскажет с большой точностью, к какой церкви те принадлежат и к каким чинам духовенства, низшим или высшим, они относятся. Опять же есть различие, пусть даже не поддающееся описанию, но явное, между внешним обликом американской и английской молодежи – особенно девушек, – в котором отражаются разные социальные системы.

Подобная коммуникация является, конечно, невольной. Искусственный механизм коммуникации рождается тогда, когда люди начинают воспроизводить свои инстинктивные движения и крики или звуки, формы и движения окружающего мира целенаправленно, чтобы воссоздать в памяти связанные с ними идеи. Считается,

[1] Цитата из «Королевских идиллий» А. Теннисона. – *Прим. пер.*

что все виды конвенциональной коммуникации коренятся в этих примитивных подражаниях, каковые в силу процесса, который нетрудно представить, разрастаются и дифференцируются на жестикуляцию, речь, письмо и специальные символы искусств и наук; в итоге вся внешняя организация мышления отсылает к этим началам.

О том, какой была жизнь человека, или его очеловечивающегося предка, до появления речи, можно только гадать; но можно предположить, что выражения лица, нечленораздельные крики и песни[1], а также множество разнообразных подражательных звуков и действий пробуждали симпатию, позволяли сложиться простейшим видам общих идей и были тем средством, благодаря которому получили древнейшее развитие традиция и конвенция. По всей видимости, искусственный жестовый язык был хорошо организован еще до того, как на авансцену развития вышла речь. Даже без слов жизнь могла быть активным и непрерывным ментальным целым, не зависящим в своем единстве от простой наследственности, а скрепленным воедино некоторой сознательной общностью в простейших мыслях и чувствах, а также их передачей и накоплением через традицию. Были, следует полагать, кооперация и обучение в простейшем их виде, и в них было заключено зерно будущих институтов.

Всякий, кому доводилось наблюдать за детьми, без труда догадается, какими были начала речи, ведь едва ли не каждый ребенок начинает с того, что изобретает для себя язык сам, и прекращает это занятие, только когда обнаруживает, что полностью готовый язык для него уже есть. Естественных слов (если их можно так назвать) так же много, как и знакомых звуков с определенными ассоциациями, неважно, исходят ли они от людей, животных или неодушевленной природы. Ребенок инстинктивно любит воспроизводить и передавать их – сначала просто ради развлечения или из общительности, а потом, от случая к случаю, с более определенным смыслом. Этот смысл легко расширяется благодаря различным ассоциациям идей; сами звуки меняются и комбинируются в употреблении; так возникает речь.

---

[1] О вероятности того, что пение предшествовало речи, см.: Darwin Ch. The descent of man, and selection in relation to sex. – N.Y.: D. Appleton & co., 1875. – Ch. 19.

В ее рост вносят вклад множество скромных изобретателей; возможно, каждый человек меняет наследие в той мере, в какой вкладывает в свою речь собственную индивидуальность. Вариации идей сохраняются в словах или иных символах и тем самым складируются в непрерывно длящемся целом, постоянно растущем в объеме и разнообразии, которое, как мы уже видели, есть ни много ни мало внешнее, или осязаемое, воплощение человеческого мышления, в котором каждый отдельный ум живет и растет, черпая из него материал для собственной жизни и пополняя его любым более высоким продуктом, который он может произвести из этого материала.

Слово – это транспортное средство, лодка, приплывающая из прошлого и нагруженная мыслью людей, которых мы никогда не видели; подступаясь к его пониманию, мы входим не только в умы наших современников, но и в общий ум человечества, непрерывно длящийся во времени. Расхожее представление об освоении речи состоит в том, что сначала ребенок имеет идею, а затем получает от других звук, которым может воспользоваться для ее передачи; более тщательное исследование, однако, показывает, что это вряд ли истинно даже для простейших идей и уже совершенно расходится с истиной, когда дело доходит до развитой мысли. В последнем случае слово обычно идет вначале, ведя и разжигая идею; и идеи бы у нас не было, если бы прежде уже не было слова. «На этом пути, – говорит слово, – находится интересная мысль: приди и найди ее». Это ведет нас к переоткрытию старого знания. Такие слова, например, как «благо», «правота», «истина», «любовь», «дом», «справедливость», «красота», «свобода», являются могущественными творцами того, что они обозначают.

Без слов ум был бы способен лишь к ничтожному и нерешительному прогрессу, подобно путешественнику, заброшенному в дикую местность, где нет ни дорог, ни транспортных средств, ни даже компаса. Оснащенный же ими, ум подобен тому же путешественнику, оказавшемуся в самом сердце цивилизации, с проложенными дорогами и быстрыми транспортными средствами, готовыми доставить его куда угодно, в любое место, где до него уже были люди. Как путешественник должен так или иначе перемещаться по земной поверхности, так и ум должен перемещаться по

опыту, но если у него есть язык, то опыт оказывается уже предусмотренным, нанесенным на карту и истолкованным всей мудростью прошлого, и в его распоряжении оказывается не только собственный опыт, но и опыт всего человечества – так же, как современному путешественнику открывается не только первозданная местность, но и города и плантации, созданные на ней людьми.

Принцип, относящийся к словам, применим также ко всем структурам, выстроенным из слов, к литературе и многочисленным традициям, которые ею передаются. Как строки Данте служат «тропами для мысли Италии», так и успешные усилия ума в любой области сохраняются в соответствующих символах и становятся тропами, которыми приходят в ту же точку другие умы. И это касается не только определенных идей, но и чувств. Едва ли не самой удивительной вещью, связанной с языком, является то, что благодаря чему-то неосязаемому в его порядке и движении, в отборе и расстановке слов оказывается возможно передать саму душу человека, сохраняя живой его летопись, в то время как конкретные его идеи теряют свою ценность. От сэра Томаса Брауна, к примеру, мы получаем не его тщеславие и легковерие, а высокий религиозный дух, парящий, так сказать, над его жизнью.

Достижение речи обычно – и по праву – считают отличительной чертой человека, вратами, через которые он выбрался из дочеловеческого состояния. Это означает, что он, подобно Хелен Келлер, узнал, что все имеет или может иметь свое имя, и вошел в жизнь осознанного товарищества в мышлении. Это не только позволило развиться более рациональному и человеческому виду мышления и чувствования, но и послужило основой для формирования древнейших институтов. В каждой группе, где появлялась речь, возникало более широкое и полное единство мышления. Идеи, касавшиеся основных интересов примитивной жизни – охоты, войны, брака, пиршеств и т.п., – определялись, передавались и расширялись. В племени, несомненно, начинало развиваться общественное мнение, кристаллизуясь в пословицах и поговорках, служивших правилами мышления и поведения; праздничные песнопения, если они уже существовали, становились артикулированными и историческими. А когда в группе доходили до какой-то особо ценной мысли, она не исчезала, а передавалась по традиции и закладывала основу для новых достижений. Тем самым примитивные

мудрость и правило увековечивались, расширялись и совершенствовались, становясь в итоге – в соединении с церемониальными и прочими символами – институтами управления, брака, религии и собственности, которые мы находим в каждом диком племени.

Не будем забывать и о том, что это положение вещей оказывало обратное воздействие на природные способности человека: возможно, через прямое наследование приобретенных социальных привычек и склонностей, и определенно через выживание тех, кто, обладая ими, был более, чем другие, приспособлен к преуспеванию в социальной жизни. Таким образом, человек, с началом использования речи уже став человеком, быстро укреплялся в этом качестве и переходил к накоплению социального наследия.

Итак, изучение речи открывает нам истину, к которой можно прийти и множеством иных способов, а именно: что рост индивидуального ума – это не отдельное развитие, а скорее дифференциация внутри общего ума. Наша личная жизнь, насколько мы можем понять, имеет свои источники отчасти во врожденной тенденции и отчасти в потоке коммуникации, и оба этих влияния проистекают из корпоративной жизни рода. Мыслить себя как отдельного от человечества индивид имеет не больше оснований, чем мыслить себя, каким он является сегодня, отдельным от себя вчерашнего; неразрывность в обоих случаях одинаково несомненна. Если нам скажут, что он отделен, поскольку чувствует себя отдельным, то на это можно ответить, что для малого дитяти каждое мгновение стоит особняком и что собственную личную жизнь мы знаем как нечто целое только благодаря развитию мышления и памяти. И точно так же чувство более широкого, или социального, целого есть, возможно, всего лишь вопрос нашего врастания в более живое и разумное сознание того единства, которое уже достаточно очевидно в рефлексивном наблюдении.

Социальная функция письма состоит в том, чтобы, обеспечив идеям долговечную запись, сделать возможным более надежное, непрерывное и диверсифицированное развитие человеческого ума. Оно делает для человеческого рода во многом то же, что и для индивида. Когда у исследователя есть хорошая мысль, он ее записывает, так чтобы можно было, когда надо, ее вспомнить и сделать отправной точкой для лучшей идеи, ведущей в том же направле-

нии; так же и человечество в целом записывает и бережет свои озарения.

Пока не появилось письмо, накопление идей зависит от устной традиции, вместимость которой измеряется интересом и памятью людей, ее передающих. Следовательно, оно должно ограничиваться главным образом идеями и чувствами, на которые есть сравнительно общий и постоянный спрос, такими как популярные истории вроде гомеровских легенд, песни, пословицы, поговорки и т.п. Правда, в семьях и кастах традиция становится более или менее специализированной – как мы видим, например, в случае широко распространенных наследственных жречеств, – но эта специализация не может быть очень проработанной и надежной в своей преемственности. Без письма вряд ли возможно существование науки и диверсифицированной литературы. Они требуют средства, с помощью которого важные идеи можно было бы в сохранном виде передать людям, далеко отстоящим от их авторов во времени и пространстве. Мы можем уверенно заявить вместе с Гиббоном, что «без помощи какого-либо рода письменности ни один народ никогда не сохранял верных сведений о своей истории, никогда не делал сколько-нибудь значительных успехов в отвлеченных науках и никогда не достигал какой-либо степени совершенства в искусствах, приносящих в нашей жизни пользу или удовольствие»[1].

Без письма не может быть организовано и устойчивое и расширенное правительство, ибо такое правительство требует какой-нибудь конституции, определенного и постоянного корпуса права и обычая, заключающего в себе мудрость прошлого в отношении поддержания социального порядка.

То же и с религиозными системами. Исторические религии основаны на священных писаниях, существенная часть которых представляет собой закрепленное в записи учение основоположника и его ближайших учеников; без такой записи христианство, буддизм и магометанство никогда не смогли бы стать чем-то большим,

---

[1] Gibbon E. The history of the decline and fall of the Roman Empire / With notes by D. Milman, M. Guizot; with additional notes by W. Smith, D.C.L. & L.L.D. – L.: John Murray: Albemarle Street, 1872. – Vol. 1. – P. 354. (Перевод приводится по изданию: Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. / Пер. с англ. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – Т. 1. – *Прим. пер.*)

чем маленькая сиюминутная секта. Среди наших бесписьменных предков, быть может, и были религиозно одаренные люди, но возможности основать долговечные системы у них не было.

Вся структура и весь прогресс современной жизни очевидным образом покоятся на сохранении – в записанном виде – достижений древнего ума, на записях, оставленных прежде всего Иудеей, Грецией и Римом. Спрашивать о том, что бы мы собой представляли без них, – все равно что спрашивать о том, кем мы были бы, если бы не существовало наших родителей. Письмо сделало возможной историю и исторического человека с его сложными институтами. Оно открыло дорогу быстрому и надежному расширению той человеческой природы, которая прежде оставалась заточенной в небольших и неустойчивых группах.

Если письмо, дав мысли постоянство, принесло раннюю цивилизацию, то печать, обеспечив ее распространение, открыло двери современному миру.

До ее появления доступ к записям человечества был ограничен ученым классом, который обладал тем самым своего рода монополией на традиции, на которых держалась социальная система. Например, на протяжении всего раннего Средневековья в Европе это положение занимало духовенство – или та малая часть духовенства, которая была образованной, – и его система была единственной живой и масштабной ментальной организацией этой эпохи. Веками для простого мирянина любого рода и звания было редкостью знать, как пишется его имя. Благодаря письменной и разговорной латыни – которая, по всей видимости, исчезла бы, если бы не Церковь, – поддерживалась более широкая непрерывность и кооперация человеческого ума. Те, кто умел ее читать, имели общую литературу и смутное ощущение единства и братства. Римские идеи, пусть и несовершенно, сохранялись, и в папстве и империи жил идеальный Рим. Образование, естественно, находилось под контролем духовенства, и в его же руках находились политическая корреспонденция и законодательство. Как хорошо известно, оно в какой-то мере переделывало традиции в собственных интересах, и контроль над средством коммуникации помог ему стать господствующей силой в Европе.

Печать означает демократию, поскольку приносит доступность знания простому народу, а знание в конце концов непременно делает благом его притязание на власть. Она дает индивиду любую долю участия в идейном наследии, какую только он готов воспринять. Мир мысли, а со временем и мир действия постепенно подчиняются подлинной аристократии интеллекта и характера, приходящей на смену искусственной аристократии, созданной предоставлением исключительных возможностей.

За распространением печати повсюду следовало общее пробуждение, обусловленное тревожащими внушениями, которые она щедро разбрасывала. Политическая и религиозная агитация, известная, конечно, и раньше, получила сильнейшую стимуляцию и без устали продолжается по сей день. «Все это движение, – пишет м-р Г.Ч. Ли, имея в виду либеральную агитацию начала XVI в., – стало возможным благодаря изобретению книгопечатания, которое необычайно ускорило распространение образованности, позволило сформироваться и выразиться общественному мнению и, введя в общение схожим образом мыслящие умы, обеспечило возможность комбинированного действия». «Следовательно, когда 31 октября 1517 г. на воротах церкви в Виттенберге были вывешены судьбоносные тезисы Лютера, они, по его словам, уже через две недели были известны по всей Германии, а через месяц достигли Рима и читались в каждой школе и каждом монастыре Европы; без помощи печатной прессы такой результат был бы совершенно невозможен»[1].

Печатная страница – это также и дверь, через которую индивид в наше время выходит на более широкие жизненные просторы. Хорошая книга, «драгоценный жизненный сок творческого духа, набальзамированный и сохраненный как сокровище для грядущих поколений»[2], – это почти всегда канал, через который выдающиеся умы получают побудительный толчок и помощь в их стремлении

---

[1] Lea H.C. The eve of the Reformation // The Cambridge modern history / Planned by the late Lord Acton; ed. by A.W. Ward, G.W. Prothero, S. Leathes. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1902. – Vol. 1: The Renaissance. – P. 684–685.

[2] Milton J. Areopagitica. (Цитата приводится по изданию: Мильтон Дж. Ареопагитика: Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644) // Современные проблемы. – Новосибирск, 1997. – Вып. 1. – С. 6. – *Прим. пер.*)

возвыситься до более высокой мысли, созданной другими выдающимися умами. «В изысканиях мы ведем беседу с мудрецами, в действии же – обычно с глупцами»[1]. Хотя масса людей вокруг нас – всегда обычное дело, всегда есть в наши дни и более избранное общество, не столь уж и далекое для того, кто его жаждет, и человек вроде Авраама Линкольна, чье происхождение еще пару столетий назад означало безнадежное рабство, может получить из полудюжины книг устремления, выводящие его на дорогу к власти и благодеянию.

В то время как разговорный язык, вместе с письмом и печатью, при помощи которых он сохраняется и распространяется, служит основным потоком коммуникации, рядом с ним с самого начала обнаруживается много боковых каналов.

Так, у диких или варварских народов мы повсеместно находим, наряду с жестовым языком, использование множества других символов, таких как красная стрела для обозначения войны, трубка мира, сигнальные огни, колья, веревки с узелками, тотемы, а у народов с более развитой культурой – гербы, флаги и бесконечное разнообразие символических ритуалов. Вне языка есть поистине целый мир знаков, мимо большинства которых, однако, мы можем пройти, в силу того что их общая суть для нас достаточно очевидна.

Искусства живописи, скульптуры, музыки и архитектуры, взятые как коммуникация, имеют две отчасти различающихся функции. Во-первых, они служат просто изобразительным, или образным, письмом, передающим идеи, которые могут также быть переданы (хотя и иначе) словами; во-вторых, они служат средством передачи особых аспектов чувств, не коммуницируемых никаким иным образом. В искусстве прошлого эти две функции часто и даже обычно сочетались друг с другом. В современную эпоху первая, вследствие распространения грамотности, отошла на второй план.

---

[1] Lord Bacon and Archbishop Whately on studies // Education, the school and the teacher in English literature: Republished from Barnard's American journal of education. – Philadelphia (PA): J.B. Lippincott & co., 1862. – P. 104. (В тексте Кули цитата из этого издания приводится с существенными изменениями. В оригинале: «В чтении мы ведем беседу с мудрецами, в ведении бизнеса – обычно с глупцами». – *Прим. пер.*).

Известным примером функции изобразительного письма являются цветные мозаичные полотна на золотой основе, покрывающие внутренние стены собора Святого Марка в Венеции. В их грубо очерченных фигурах, на подмогу которым приходят символы, изображена вся система христианской теологии в тогдашнем ее понимании. Таким образом, они являли собой иллюминированную книгу сакрального учения, через которую люди входили в религиозную традицию. Скульптурные изображения в соборах Шартра и Реймса иллюстрируют эту же традицию вместе со многим другим: тут и светская история, отраженная в фигурах королей Франции, и моральная философия, с добродетелями и пороками, вознаграждениями и наказаниями, и символы земледелия и ремесла. Рядом с этими скульптурами шли окна с росписью, святые мощи – способные, по словам Гиббона, «укреплять и воспламенять благочестие верующих»[1], – музыка, пышные процессии и ритуалы; и все это работало сообща, как единый насыщенный знак, в котором была воплощена идеальная жизнь того времени.

Менее уловимая функция невербальных искусств – передача того, что не может быть передано никаким другим путем, особенно некоторых чувств, которые благодаря этой передаче увековечиваются и распространяются.

Одним их самых простых и красноречивых примеров этого является изображение человеческих форм и лиц, воплощающих, как бы посредством живого присутствия, возвышенные чувства и устремления эпохи. Такие произведения в живописи и скульптуре сохраняются как символы, благодаря чему в умах всех, кто с ними знаком, вырастают схожие чувства. Чувство в человеческой истории так же кумулятивно, как и мысль, пусть это и не столь очевидно. Христианское чувство, как оно выросло и расцвело в средние века, взлелеяно живописью, возможно, не меньше, чем Священным писанием. А греческая скульптура со времен гуманистов до Винкельмана и Гёте и далее до наших дней была каналом, по которому в современную жизнь вливались греческие чувства.

---

[1] Gibbon E. The history of the decline and fall of the Roman Empire / Ed. by D. Milman, M. Guizot, W. Smith. – L.: John Murray, 1887. – Vol. 3. – P. 428. (Перевод приводится по изданию: Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. / Пер. с англ. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – Т. 3. – *Прим. пер.*)

Эту фиксацию человеческих чувств в выразительных формах и лицах, например мадонн и святых у Рафаэля, некоторые критики называют «иллюстрацией», отличая ее от «декорации», включающей все те элементы произведения искусства, которые существуют не с целью передачи чего-то другого, а ради своей более непосредственной ценности – красоты цвета, формы, композиции или внушаемого движения. Последнее тоже является коммуникацией, взывающей к ярким, но никак иначе не артикулированным фазам человеческого инстинкта. Каждое искусство может передавать особый вид чувства и имеет «свое особое и непередаваемое чувственное очарование, свой особый способ покорения воображения». В картине самой характерной вещью является «то подлинное изобразительное качество… изобретательное и творческое обращение с чистой линией и цветом, которое, как мы видим почти всегда в голландской живописи, а также часто в полотнах Тициана или Веронезе, совершенно не зависит от каких-либо поэтических качеств в самом предмете изображения». В музыке важнее всего «музыкальное очарование – та сущностная музыка, которая не предъявляет никаких слов, никакого материала чувства или мысли, отдельного от той особой формы, в которой он нам передается»[1]. Так же и с архитектурой – искусством, особенно близким к социальной организации: во многих случаях, как, скажем, во дворце Венеции, зримо вознесен в камне сам дух социальной системы.

То, что эти искусства не менее существенны для роста человеческого духа, чем литература или правление, думаю, не нуждается в доказательствах.

Глава VIII. Современная коммуникация: расширение и воодушевление

Изменения, произошедшие с начала XIX в., открыли новую эпоху в коммуникации и во всей системе общества. Следовательно, они заслуживают тщательного рассмотрения – не столько в их механическом аспекте, который известен каждому, сколько в их воздействии на более широкий разум.

---

[1] Pater W.H. The school of Giorgione // Pater W.H. The Renaissance: Studies in art and poetry. – L.: Macmillan & co., 1901. – P. 131.

Если бы кто-то проанализировал механизм взаимного общения, то он, возможно, выделил бы четыре фактора, вносящих основной вклад в его действенность, а именно:

– выразительность, или спектр идей и чувств, к переносу которых он способен;

– постоянство письменной фиксации, или преодоление времени;

– быстроту, или преодоление пространства;

– диффузию, или доступность всем классам людей.

Хотя мы, несомненно, немало приобрели в выразительности, например с расширением нашего словаря за счет включения в него идей современной науки, и даже в постоянстве письменной фиксации для научных и других специальных целей, все-таки широкие шаги недавней эпохи определенно вели в сторону быстроты и диффузии. С точки зрения большинства целей наша сегодняшняя речь не лучше, чем во времена Елизаветы, если даже не хуже, но какую скорость мы приобрели в ее применении! Удешевление печати, принесшее нам целое половодье популярных книг, журналов и газет, было дополнено развитием современной почтовой системы и покорением пространства с помощью железных дорог, телеграфных линий и телефонов. Помимо этих расширений устного или письменного слова появились новые искусства репродукции, такие как фотография, фотогравировка, звукозапись и т.п., – гораздо более социально значимые, чем мы это себе представляем, – благодаря которым могут фиксироваться и распространяться новые виды впечатлений от видимого или слышимого мира.

Можно без преувеличения сказать, что с механической точки зрения эти изменения есть основа едва ли не всего, что характерно для психологии современной жизни. В общих чертах они означают экспансию человеческой природы, т.е. ее способности выражать себя в социальных целостностях. Они позволяют обществу быть все больше организованным на основе высших способностей человека – на основе интеллекта и симпатии, а не господства, касты и рутины. Они означают свободу, кругозор, бесконечные возможности. Общественное сознание, вместо того чтобы ограничиваться в своих наиболее активных фазах локальными группами, неуклонно расширяется шаг за шагом вместе с тем обменом внушениями, ко-

торый делается возможным благодаря новому общению, пока обширные нации и в конечном счете весь мир не смогут быть включены в одно живое ментальное целое.

Общую суть этого изменения хорошо выражают два слова: расширение и воодушевление. Социальные контакты расширяются в пространстве и убыстряются во времени, и, соответственно, становится шире и бдительнее предполагаемое ими ментальное единство. Индивид расширяется, вступая в связь с более обширной и разнообразной жизнью, и подпадает под постоянное, порою чрезмерное, воздействие того множества изменчивых внушений, которое приносит ему эта жизнь.

С какой бы точки зрения мы ни изучали современное общество для сравнения его с прошлым или предсказания его будущего, мы должны видеть по крайней мере подоплеку этого радикального изменения в механизме, без допущения которой невозможно понять ничто остальное.

В Соединенных Штатах, например, на исходе XVIII в. общественное сознание сколько-нибудь активного рода замыкалось в пределах небольших местностей. Путешествия были медленными, неудобными, дорогостоящими, и люди, отправляясь в дальний путь, загодя писали завещания. В газетах, выходивших в сравнительно больших городах раз в неделю, совершенно отсутствовало то, что мы назвали бы новостями; а писем в течение года во всех 13 штатах посылалось намного меньше, чем проходит сегодня за день через нью-йоркское отделение почтовой службы. Сегодня люди проявляют гораздо больше внимания к тому, что происходит в Китае (если это вдруг окажется им интересно), чем тогда проявляли к событиям, происходившим в 100 милях от них. Обособленность даже больших городов от остального мира и вытекающая отсюда интроверсия людских умов, т.е. их замкнутость на локальных заботах, были чем-то таким, что нам очень трудно понять. В сельской местности «средой фермы было прилегающее соседство, средой деревни – окружающие фермы и местная традиция… для обсуждений и общего действия изредка собирались сходы; образовательные центры не доносили до каждого селения ударное воздействие новой интеллектуальной жизни; федерации и союзы не связывали людей, близких и дальних, в то товарищество, которое

превращает множество самых разных людей в единый составной тип. Это была эпоха сект, в силу отсутствия знакомства нетерпимо относившихся друг к другу»[1].

Переход к нынешнему режиму железных дорог, телеграфных линий, ежедневных газет, телефонов и всего остального принес с собой революцию во всех сторонах жизни: в торговле, в политике, в образовании, даже в самой общительности и сплетнях. И эта революция всегда состоит в расширении и ускорении рассматриваемого рода жизни.

В этом новом механизме нет, вероятно, ничего более всепроникающего и характерного, чем ежедневная газета. Ее и всячески превозносят, и яростно обвиняют в злоупотреблениях – для того и другого есть все основания. Если вдуматься, какая это странная практика: когда отец семейства садится за стол завтракать и, вместо того чтобы беседовать с женой и детьми, развертывает перед лицом своего рода экран, на котором напечатаны мировые сплетни!

Важнейшая функция газеты состоит, разумеется, в том, чтобы служить бюллетенем важных новостей и посредником во взаимообмене идеями через напечатание интервью, писем, речей и редакционных комментариев. Таким образом, она незаменима для организации общественного ума.

Подавляющая масса ее материалов, однако, лучше всего описывается фразой «организованные сплетни». То общение, которое люди вели прежде в магазинах на перекрестках или в укромных местах на задворках, возвысилось теперь до уровня печати и внушительной системы. То, что мы впитываем поток всего этого, вовсе не означает ущербности наших умов; мы просто удовлетворяем по-новому старую страсть. Генри Джеймс с естественной для писателя жесткостью описывает «вездесущее газетное лицо, с его неказистой чудовищностью и деформацией черт, и широко разинутый рот, привычный к безумной болтовне, переходящей [в Америке] границы вульгарности гораздо дальше, чем где бы то ни было в мире»[2]. Но, в конце концов, разве это хоть в чем-то вульгарнее

[1] Anderson W.L. The country town: A study of rural evolution. – N.Y.: Baker & Taylor, 1906. – P. 209, 210.

[2] James H. The manners of American women // Harper's Bazaar. – N.Y., 1907. – Vol. 41.

прежнего вида сплетен? Выглядит это, несомненно, хуже, и вот почему: сплетни осмеливаются использовать печатное слово наравне с литературой.

То, что подавляющая часть содержания газеты близка по своей природе к сплетням, можно увидеть, выделив три черты, составляющие, видимо, в совокупности ясное определение этого слова. Сплетни изобильны, призваны занять ум без остатка. Они состоят в основном из выпадов личного характера и обращены к поверхностным эмоциям. Они недостойны доверия – за исключением отдельных текущих моментов, которые общественность может отследить и проверить. В наличии этих черт каждый любопытный человек сможет убедиться, изучив содержание своей утренней газеты.

У этого разрастания сплетен есть светлая и темная стороны. Говоря о первой, можно принять во внимание то, что сплетни способствуют расширению общения и чувству общности; мы знаем, что люди по всей стране смеются над одними и теми же шутками и испытывают одно и то же умеренное возбуждение от футбольной игры, и проникаемся убежденностью в том, что они такие же хорошие люди, как и мы. Кроме того, сплетни могущественно способствуют – через страх перед публичностью – утверждению массового, несколько вульгарного, но надежного и человечного уровня нравственности. С другой стороны, они поощряют поверхностность и тривиальность в каждой сфере мысли и чувства и, разумеется, являются антитезой литературе и всем высоким, или изысканным, духовным достижениям. Они поддерживают диффузию, в противоположность выдающимся отличиям.

В политике коммуникация делает возможным общественное мнение, которое, организуясь, становится демократией. Все развитие общественного мнения, как и массового образования и просвещения, ему сопутствующего, напрямую зависит от телеграфа, газеты и быстрого почтового сообщения, ибо не может быть никакого народного мнения по злободневным вопросам в обширных ареалах, если люди не информированы должным образом по этим вопросам и неспособны обменяться взглядами относительно них.

Наша система правления, подчиненная Конституции, изначально не была демократией, и последняя не входила в намерения

тех, кто ее создавал. Ожидалось, что это будет представительная республика, где народ выбирает людей, обладающих характером и мудростью, а те отправляются в столицу, набираются информации по текущим вопросам, размышляют и принимают по ним решения. То, что народ может думать и действовать более прямо, не предвиделось. Конституция недемократична по духу и, как заметил м-р Брайс[1], могла бы при других условиях стать основой аристократической системы.

То, что без появления современной коммуникации какая-либо система смогла бы удержать в прочном союзе даже первоначальные 13 штатов, очень сомнительно. Политическая философия от Платона до Монтескье учила, что свободные государства должны быть невелики; Фридрих Великий, говорят, смеялся над идеей государства, простирающегося от Мэна до Джорджии. «Обширные размеры империи, – говорит Монтескье, – предпосылка для деспотического управления. Надо, чтобы отдаленность мест, куда рассылаются приказания правителя, уравновешивалась быстротой выполнения этих приказаний»[2].

Демократия возникла у нас – как, видимо, она возникает и повсюду в цивилизованном мире – главным образом не из-за изменений в формальной конституции, а как результат условий, делающих для людей естественным обладание сознанием в отношении злободневных вопросов и выражение этого сознания. Люди, знающие Китай, говорят, что когда эта страна воевала с Японией, большинство китайцев не знали о том, что идет война. Подобное неведение делает влияние общественного мнения невозможным; и наоборот, ни одно государство, обладающее крепким народом, по всей вероятности, не сможет быть долго избавлено от этого влияния, если не будет подавлять взаимообмен мыслью. Когда у народа есть информация и возможность дискутировать, у него возникает воля, и она рано или поздно овладевает институтами общества.

Нас часто ошеломляет мысль, что современное движение нуждается в более широком названии, чем «демократия», в таком, которое бы отчетливее говорило о расширении и ускорении общего

---

[1] Bryce J. The American Commonwealth. – N.Y.: The Macmillan co., 1908. – Vol. 1. – Ch. 26. – P. 565–577.

[2] Монтескье Ш.Л. О духе законов. – Кн. 8, гл. 19. (Цит. по изданию: Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – С. 113. – *Прим. пер.*)

ума, в отношении которого формальное правление народа является лишь одним из проявлений, наряду с множеством других. У потока новой жизни, текущего со все нарастающим напором через старые структуры общества, то сметая их, то оставляя внешне нетронутыми, нет подходящего названия.

Неотрывная часть всего этого – народное образование: индивид должен владеть по крайней мере искусствами чтения и письма, без которых он вряд ли сможет быть жизнеспособным членом этого нового организма. И то дальнейшее развитие образования, быстро становящееся осознанной целью современного общества, которое стремится дать каждому человеку особую подготовку к любой из функций, к которой он может быть предрасположен, является также и фазой более свободной и гибкой организации умственных сил. Такое же расширение проходит через всю жизнь, включая моду и другие тривиальные и мимолетные виды общения. И самая широкая фаза всего этого, на важности которой нет нужды особо здесь останавливаться, – это тот подъем международного сознания в литературе, науке и, наконец, политике, который дает заслуживающее доверия обещание бесконечного расширения справедливости и дружбы.

Это объединение жизни более свободным течением мысли является не только одновременным, преодолевающим пространство, но и историческим, вносящим прошлое в настоящее и делающим каждое заметное достижение человеческого рода возможным фактором его текущей жизни – например, когда путем искусного воспроизведения полотно средневекового живописца возвращается людям, живущим пять столетий спустя на другом конце земли. Наше время – время «большого дискурса, обращенного назад и вперед».

В этой силе распространения есть удивительные возможности. Никогда еще огромные массы людей не возносились на более высокие уровни так быстро, как сегодня. Для распространения улучшений в уме и манерах есть такие же возможности, как и в сфере материальных приспособлений; и новая коммуникация разносилась над миром подобно утреннему свету, пробуждая, просвещая, расширяя его и наполняя его ожиданиями. Человеческая природа желает блага, едва его восприняв, и во всем, что легко

поддается пониманию и повторению, пролегает ее столбовая дорога к лучшему.

И, как я позже попытаюсь показать, нет никаких оснований думать, что эти условия всегда неблагоприятны для развития специальных и избранных типов превосходства. То же средство коммуникации, которое воодушевляет миллионы на подражание общим образцам, облегчает для более разборчивых умов объединение в небольшие группы. Вообще говоря, человеческая природа рождена свободной, и со временем она, несомненно, оправдает свою свободу.

Расширение оказывает влияние не только на мысль, но и на чувства, благоприятствуя росту общей человечности, чувства морального единства между нациями, расами и классами. Среди членов коммуницирующего целого чувства не всегда могут быть дружелюбными, но они должны быть в каком-то смысле симпатическими, заключая в себе некоторое осознание точки зрения другого. Даже враждебные чувства современных наций по роду своему являются человеческими и наполненными воображением, а не слепой животной враждебностью более примитивной эпохи. Это обиды, а обида, как говорит Чарльз Лэм, принадлежит к тому же семейству, что и любовь.

Связи между людьми или сообществами, лишенными взаимного понимания, неизбежно остаются на низком уровне. Могут иметь место равнодушие, слепая ярость, обусловленная вмешательством, возможна благожелательная терпимость, но нет того сознания единой природы, от которого могли бы затеплиться сердечные чувства. По-настоящему человеческое сочувствие в древности ограничивалось пределами племени; люди, находившиеся вне его, не воспринимались как члены общего целого. С чужаком обычно обращались как с более или менее полезным или опасным животным: убивали, грабили, порабощали. Даже в наши дни нас мало заботят люди, жизнь которых не входит в наше сознание посредством какого-либо симпатического контакта. Мы можем читать статистические сведения о нищете итальянцев и евреев в Нью-Йорке и Чикаго, о скверных жилищных условиях, потогонных цехах и туберкулезе, но нас они волнуют едва ли больше, чем жертвы средневековой «черной смерти», если их жизнь не предстает нам в

человеческом облике – либо вследствие личного контакта, либо через картинки и образное описание.

А в настоящее время мы к этому приходим. Ресурсы современной коммуникации используются для стимулирования и удовлетворения нашего интереса к любой из сторон человеческой жизни. Нашему взору предстают русские, японцы, филиппинцы, рыбаки, шахтеры, миллионеры, преступники, бродяги и курильщики опиума. Пресса хорошо понимает, что ничто человеческое нам не чуждо, если сделать его понятным.

Обладая умом, расширенным и обеспеченным такой подготовкой, нынешний человек склонен везде искать общую природу и требовать, чтобы весь мир был подведен под власть общих принципов доброжелательности и справедливости. Он хочет видеть усмирение международных раздоров – но так, чтобы это не мешало экспансии способных рас и выживанию лучших типов; он желает уменьшения межклассовой напряженности и справедливого отношения к каждому интересу – но без сдерживания индивидуальности и предприимчивости. Еще никогда не было настолько общей убежденности в том, что правота должна победить; споры ведутся в основном о принципах, на основе которых это может быть воплощено в жизнь.

Работа коммуникации по расширению человеческой природы отчасти происходит непосредственно, через облегчение контактов, но еще больше протекает исподволь, через благоприятствование росту интеллекта, падению механических и произвольных форм организации и подъему более гуманного типа общества. Историю можно рассматривать как летопись борьбы человека за осуществление своих устремлений посредством организации; и новая коммуникация – действенное средство для достижения этой цели. Полагая, что арбитром того, какими должны стать институты, являются человеческое сердце и совесть, ограниченные лишь трудностями организации, мы можем ожидать, что легкость общения станет отправной точкой для эры морального прогресса.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

(Продолжение следует)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА[1]

Долгов А.Ю. 01.003
Евсеева Я.В. 01.014
Ефременко Д.В. 01.015
Понамарева А.М. 01.002, 01.015
Ядова М.А. 01.001
Якимова Е.В. 01.004, 01.005
Asencio R. 01.007
Carter D.R. 01.007
Cooley Ch.H. 01.016
Crevani L. 01.006
DeChurch L.A. 01.007
Donnat O. 01.009
Guy J.-M. 01.008
Hall T. 01.012
Hallin A. 01.006
Kelemen M. 01.011
Mangan A. 01.011
Mesmer-Magnus J.R. 01.007
Moffat S. 01.011
Schachtner Ch. 01.010
Smith R.J. 01.012
Stehr N. 01.013

[1] В номерах рефератов алфавитного и предметного указателей год издания (2018) опущен.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
(№ 1, 2018)

Виртуализация культуры 01.010
Волонтерство 01.011, 01.012

Глобальные проблемы 01.014
Городская среда 01.004, 01.012
Государство и общество
– РФ 01.002, 01.003

Здоровый образ жизни
– социологические исследования 01.005

Идентичность социальная 01.001, 01.002
Имидж социальный 01.006
Интернационализация культуры 01.010
Интернет и культура 01.010
Историческое сознание
– РФ 01.002, 01.015

Климат
– потепление
– – борьба с ним 01.013
Коммуникативность 01.016
Коммуникация (социол.) 01.016
Корпоративная культура 01.006, 01.007
Культурная жизнь
– Франция 01.009

Молодежь и здоровый образ жизни
– РФ 01.005
Мотивация труда 01.006

Население городское
– социальная психология 01.004
Неравенство социальное 01.014
– Франция 01.009

Октябрьская революция 1917
– годовщины 01.015
Охрана окружающей среды 01.013

Память историческая
– РФ 01.002, 01.015
Поведение
– потребительское 01.004
– экономическое 01.011
Политическая идеология
– РФ 01.002
Половая роль 01.003
Прогнозирование глобальное 01.014
Профессиональная культура
– РФ 01.003
Психология деловых отношений 01.007

Рабочий класс
– РФ
– – социологические исследования 01.003
Религиозность
– социологические исследования 01.001

Социальная работа 01.012
Социальные проблемы 01.014
Социальные сети и городская среда 01.004
Социология
– методология 01.001
– культуры
– – Франция 01.008, 01.009
Стереотипы социальные 01.004, 01.005, 01.009
Телесность (социол.) 01.005
Трудовые отношения
– РФ 01.003

Управление персоналом 01.007

Экономика и политика 01.013

Составитель: *Н.В. Панасюк*

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Реферативный журнал

Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2018 № 1

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Я.А. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 30.08.1999 г.

Подписано к печати 20.02.2018

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 9,75	Уч.-изд. л. 7,8
Тираж 300 экз.	Заказ № 181

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru
Отпечатано в ИНИОН РАН. Нахимовский просп., д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9